

Фофанов В. П.

Социальная деятельность как система

В. П. Фофанов. Социальная деятельность как система.— Новосибирск: Наука, 1981.

Монография посвящена исследованию социальной деятельности, которая рассматривается как диалектическое противоречие. В книге анализируется содержание понятий «органическая система», «общественное отношение», «субъект*», вводится ряд новых понятий.

Книга рассчитана на философов, социологов, преподавателей вузов.

Ответственный редактор д-р филос. наук *Л. Г. Олех*

© Издательство «Наука», 1981. ~~АСА~~ **БЗ-82-19-1980. 0302020200.**

ВВЕДЕНИЕ

В партийных документах последнего времени постоянно подчеркивается необходимость развития марксистско-ленинской философии как органического компонента духовной культуры социалистического общества, важного фактора формирования коммунистического мировоззрения миллионов и миллионов трудящихся, наиболее общей методологии научного познания. Видное место среди философских исследований занимают исследования в области исторического материализма «как науки об общих законах развития общества, общесоциологической теории марксизма, как методологии познания социальных явлений и революционного преобразования мира»*.

Семидесятые годы характеризовались значительной активизацией усилий советских ученых в разработке философско-социологической проблематики. За истекший период «существенно пополнился арсенал *категорий и понятий исторического материализма* как науки»². Развитие исторического материализма шло не только за счет возникновения новых категорий. Не меньшее значение имела дальнейшая разработка уже сложившегося категориального аппарата, уточнение содержания и взаимосвязей таких, например, категорий, как «общественное бытие» и «общественное сознание», «экономический базис» и «политическая надстройка» и т. д. Как показал опыт недавних лет, здесь далеко не все бесспорно, — следовательно-

¹ *О состоянии* и направлениях философских исследований.— Коммунист, 1979, № 15, с. 70. ² Там же.

но, нужны новые поиски и решения. Важным результатом была актуализация многих категорий, степень разработки которых на предшествующих этапах развития советской философии явно не соответствовала их месту в составе науки, их эвристическому потенциалу. К числу таких категорий, несомненно, относится категория социальной деятельности.

Эта категория не является новой для научного общественствознания. Ее разработка осуществлялась основоположниками марксизма на протяжении всего их творчества. Огромное значение этой категории общепризнано для марксистов. «История общества невозможна без практической деятельности людей; объективные законы в обществе действуют не автоматически, а как закономерная деятельность самих людей, реализуются в борьбе передовых сил против сил отживающих, оказывающих упорное сопротивление новому, прогрессивному»³.

Вместе с тем, например, на Всесоюзной теоретической конференции «Актуальные проблемы методологии общественных наук», организованной Секцией общественных наук Президиума АН СССР и МВ и ССО СССР (Москва, 1977 г.) отмечалось следующее: «Надо признать, что социальная практика как цельная категория, выражающая социально-преобразующую деятельность, направленную на изменение общественного бытия, еще только начинает превращаться в предмет серьезных исследований»⁴.

Конечно, сегодня внимание к проблеме деятельности значительно возросло. Можно даже сказать, что возникла своеобразная мода на употребление терминов «деятельность», «деятельностный», подобно тому как появилась мода на термины «методология», «методологический», отмеченная, в частности, В. Л. Лекторским и В. С. Швыревым⁵, а также на термин «системный», отмеченная В. П. Кузьминым⁶. Мода, разумеется, не главное, Этот период принес немало новых результатов изучения дея-

³ Федосеев П. П. Диалектика современной эпохи. М., 1966, с. 2[^].

⁴ Ильичев Л. Ф. О методологической функции исторического материализма.—В кн.: Методологические проблемы общественных наук. М., 1970, с. 32.

⁵ См.: Лекторский В. А., Швырев В. С. Методологический анализ науки (типы и уровни).—В кн.: Философия. Методология. Наука. М., 1972, с. 8.

⁶ См.: Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976.

тельности в различных сферах марксистского общество-знания, ибо лавинообразный рост количества публикаций: но проблемам деятельности был связан и с расширением направлений ее исследования. Общая психология перестала быть своеобразной цитаделью «деятельностного подхода», какой она фактически была на протяжении длительного периода.

Характеризуя «огромный поток литературы» по проблеме деятельности, М. Я. Ковальзон выделяет четыре направления, «выдвигающих на передний план необходимость разработки именно этой категории»⁷. Как показывает предпринятая М. Я. Ковальзоном попытка, уже сама классификация таких исследований довольно непростая задача, ибо классификация требует введения некоторого единого основания, а имеющиеся подходы к деятельности весьма разноречивы. Не стремясь дать специальный анализ различных направлений изучения человеческой деятельности (что в настоящее время несомненно актуально), коснемся лишь вопроса о разработке наиболее общей концепции деятельности.

За истекшее десятилетие был опубликован и получил определенное признание ряд трактовок деятельности, ориентированных на выяснение ее общей природы, а на этой основе — и на вычленение ее специфических разновидностей. Одни авторы считают, что это задача философской антропологии⁸, другие говорят о необходимости построения особой «общей теории деятельности»⁹. По нашему мнению, разработка наиболее общей концепции социальной деятельности есть задача исторического материализма. Понятие социальной деятельности только тогда достаточно полно, глубоко и адекватно отображает действительность, когда оно вводится в единстве с основными понятиями общесоциологической теории марксизма, и прежде всего — в неразрывном единстве с понятием общественно-экономической формации.

«Марксистская философия придает принципу деятельности важнейшее методологическое значение в изучении

⁷ Ковальзон М. Я. Философский анализ человеческой деятельности,— Вестн. Московск. ун-та. Философия, 1978, № 2, с. 3.

⁸ См.: Каган М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М., 1974, с. 7—9.

⁹ См. напр.: Сагатовский В. П. Деятельность как философская категория,— Философские науки, 1978, № 12, с. 48—50.

ц объяснении истории общества, социальных явлений и процессов. Собственно, исторический материализм как философско-социологическая теория и призван разрабатывать подход к объяснению деятельности людей в истории»¹⁰. Такая изопавательная установка требует исследования не только отдельных видов деятельности, но и разработки некоторого общего понимания деятельности. Если верно, что только «анализ социальных систем в их органической связи с деятельностью людей способен представить исторический процесс в его целостности и конкретности»¹¹, то отсюда «естественно, встают вопросы, касающиеся понимания человеческой деятельности как таковой, поскольку выяснение этой проблемы в общем теоретическом плаце есть необходимая методологическая предпосылка подхода к конкретным видам деятельности людей в истории»¹².

Между тем, еще в начале 70-х годов были основания утверждать, что «до последнего времени анализ деятельности в таком общем методологическом плане в литературе по историческому материализму почти отсутствовал»¹³. Безусловно, в дальнейшем проблема деятельности разрабатывалась все более активно и в общесоциологическом плане, однако вряд ли будет преувеличением сказать, что и для этого периода характерен недостаток именно теоретико-социологического подхода к деятельности.

Наиболее широко, пожалуй, были распространены попытки выработать общую концепцию деятельности, осознанно или неосознанно опирающиеся на психологию. Это вполне понятно исторически, так как советская психология сегодня располагает едва ли не наиболее развитой в себе концепцией деятельности по сравнению с другими общественными дисциплинами, хотя и здесь, безусловно, имеются свои разногласия, нерешенные проблемы. Однако это именно *психологическая* концепция деятельности, и ее нельзя непосредственно перенести на философский уровень. Для соотнесения философской и психологической концепций деятельности нужны дополнительные

¹⁰ *Исторический материализм как теория социального познания и деятельности.* М., 1972, с. 5.

¹¹ Там же, сб.

¹² Там же.

¹³ Там же.

методологические процедуры— как в случае движения от философии к психологии, так и в случае движения от психологии к философии. (При этом следует учесть, что видные создатели психологической концепции деятельности — и прежде всего Л. С. Выготский и С. Л. Рубинштейн — нередко выходили на философский уровень обсуждения проблемы, что обязывает в одних и тех же текстах видеть различные предметные подходы: психологический и философский.)

Когда сложные логико-методологические механизмы взаимодействия наук, изучающих одну область не учитываются, возникает путаница различных предметных подходов, ведущая в конечном счете к эклектике.

Каждую объектную область— например, определенную форму движения материи: биологическую, социальную и т. д.—изучает целый ряд наук. Среди них можно выделить более общие и более специальные. Такая иерархия различных предметных подходов объективно необходима. Только в единстве различные науки способны дать достаточно богатое, разностороннее отображение того или иного объекта,—в частности, социальной деятельности. Однако гносеологический статус различных предметных подходов к одному и тому же объекту различен. Каждая дисциплина, отталкиваясь от единой объективной реальности, строит собственную концептуальную схему и в результате вычленяет и фиксирует вполне определенную систему закономерных связей. Но даже одни и те же закономерные связи в разных научных предметах могут быть зафиксированы с разной степенью полноты, общности, конкретности и т.п. Одни научные дисциплины в рамках своих предметов фиксируют более общие характеристики, отвлекаясь от более частных, более специальных различий. Другие, наоборот, вводят различия там, где более общие науки фиксируют лишь единство и тождество. Идеальна ситуация, когда они делают это, опираясь на результаты, полученные на более общем уровне теоретического знания. В этом случае исходные общие представления развертываются детальнее, наполняются более богатым содержанием, конкретизируются, причем может иметь место как теоретическая, так и эмпирическая конкретизация. Естественно, что специальные науки могут разрабатывать свои концептуальные схемы путем конкретизации более общей концепции лишь в той степени, в

какой эта более общая для данной объектной области концепция реально сформирована. Однако исторически первичен противоположный путь: движение от единичности к особенности и лишь затем к всеобщности, где закон достигает «своего последнего выражения»**.

Общая концептуальная схема обычно формируется как обобщение более частных концептуальных схем и лишь затем начинает функционировать в качестве основы для создания новых и развития ранее возникших частных теоретических конструкций.

Отсутствие самых общих теоретических моделей с некоторого момента начинает существенно тормозить развитие специальных наук, затрудняя, в частности, ассимиляцию эмпирического материала. Тогда, как правило, и возникает у представителей специальных наук стремление построить теоретические модели, которые обладали бы статусом всеобщности, по крайней мере применительно к данной объектной области, а иногда и не только к ней. На наш взгляд, именно так возникли, например в биологии (Л. Бергаланфи), попытки построить общую теорию систем.

Поскольку в подобных ситуациях познавательное движение идет прежде всего от тех мыслительных схем, которые накопились в данной специальной науке, постольку подчас осуществляются чрезмерные экстраполяции и статус всеобщности придается характеристикам, специфическим лишь для более частного уровня обобщения. Так возник, например, механицизм.

Адекватное осознание произошедшей абсолютизации осложняется тем, что экстраполяции с частного предметного уровня на общий в принципе правомерны. Все дело, однако, в том, каким образом они осуществляются. Специфические особенности всякого отдельного объекта — это лишь конкретный способ существования общих закономерностей. Соответственно предмет специальной науки есть диалектическое единство общего и особенного. Каждая такая наука фиксирует именно общие закономерности, однако в том конкретном *специфическом виде*, в каком они выступают на уровне среза, производимого в объекте данной дисциплиной. Поэтому экстраполяция общего не только возможна, но

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 540.

и необходима. Но при этом общее должно быть «очищено» от специфического.

Из мыслительного материала, накопленного специальной наукой, необходимо вычленить то, что инвариантно для объекта в целом, а не только для того его уровня, который отображается специальной наукой. Но для этого необходимо, в частности, введение особых, более абстрактных понятий. Когда они сконструированы, становится ясно, что соответствующие понятия специальных наук являются их конкретизациями и спецификациями. Если же эти частные понятия переносятся на более общий уровень как таковые, без необходимой переработки их содержания, тогда и возникает смешение разнопредметных подходов.

Успехи в психологическом исследовании деятельности и сознания как ее момента, на наш взгляд, и породили стремление использовать полученные результаты для развития более общей, «самой общей» концепции деятельности. Однако действительно общая концепция деятельности объективно содержит в себе то или иное решение вопроса о соотношении материи и сознания, т. е. является философской концепцией. Поэтому когда «правила переноса» не соблюдаются, происходит психологизация собственно философских проблем.

Приведем пример. В настоящее время проблему оценок принято рассматривать на философском уровне в неразрывной связи с эмоциями. Между тем «эмоция» — это категория психологической науки. Данная категория несомненно обладает содержанием, которое должно быть представлено в рамках философского подхода. Однако это содержание должно быть редуцировано, сведено к той степени обобщения, которая присуща уровню именно философии. Определенный момент ее содержания, на наш взгляд, в абстрактно-общем виде фиксируется в категории «оценка». (Точно так же, как другие моменты ее содержания могут быть соотнесены с другими абстрактными категориями, раскрывающими диалектику сознательного отражения в общем виде.) Оценка же — это философская категория, которая фиксирует некоторые общие характеристики процесса сознательного отражения и должна вводиться в единстве с соответствующими категориями философского уровня, в отвлечении от эмоций как таковых.

Наличие конструкта «оценка» в философии позволяет психологии изучать эмоциональные оценки как модификацию, разновидность оценок вообще. Отсутствие такого конструкта порождает стремление его построить, поскольку психология постоянно имеет дело с оценками — как эмоциональными, так и рациональными. Исторически сложилось так, что в явном виде более активно изучались эмоциональные оценки. И когда возникла задача обобщения, многие исследователи стали использовать результаты психологии, не задумываясь над тем, *что именно* в эмоциях (и еще уже — в эмоциональных оценках) как в реальном психологическом процессе имеет общее значение для психики, а что специфично для эмоций как таковых. Соответственно, *что* подлежит фиксации на уровне философии, как наиболее общей науки о сознании (входящем в ее предмет в рамках оппозиции с материей), а *что* специфично лишь для психологической науки.

На наш взгляд, оценки и эмоции следует развести как разнопорядковые категории, фиксирующие каждая на своем предметном уровне, со своей степенью конкретности некое инвариантное содержание одного и того же объекта. Такой подход позволяет установить, *что именно* в эмоциональных оценках — как некоей особой разновидности оценок — инвариантно для оценок вообще, а в каких моментах категория «эмоция» отображает специфику именно эмоциональных оценок. Если это не сделано, возникает своеобразная психологизация проблемы оценок, широко распространенная сегодня в советской философской литературе. Под психологизацией, как следует из сказанного, мы понимаем неадекватное использование понятийного аппарата психологии для решения более общих задач. В результате затрудняется изучение и оценок, и эмоций, и эмоциональных оценок, ибо как оценки не сводятся к эмоциям, так и эмоции — к оценкам. Между тем для многих авторов специфика эмоций (эмоциональных оценок) заслоняет собственное содержание оценки как таковой, которая является более общей функцией психики и может осуществляться не только на эмоциональном, но и на рациональном уровне. А ведь именно рациональные, в конечном счете научно-теоретические, оценки единственно адекватное средство ориентации при решении, например, глобальных проблем современности.

Ряд подобных фактов можно продолжить¹⁵. Важно, однако, подчеркнуть другое: общее понимание деятельности вырабатывается на уровне философского, фило-софско-социологического исследования.

Поэтому сегодня чрезвычайно актуальна следующая постановка вопроса: «Особое значение приобретает анализ категории „общественно-историческая практика”¹¹ в рамках исторического материализма.

В самом деле, трудно объяснить, почему категория „практика”, признаваемая одной из центральных в марксистско-ленинской философии, в своем социальном варианте не удостоивается нашего внимания и как бы выпадает из системы категорий исторического материализма. Правда, важнейшие элементы социальной практики, такие как революция, классовая борьба, функционирование политической организации общества, подробно рассматриваются и комментируются, хотя и здесь методологический аспект должен быть усилен»¹⁶.

Исторический материализм способен представить социальную деятельность как сложное саморазвивающееся целое, органическую систему. Адекватной методологической основой такого исследования социальной деятельности является теория материалистической диалектики, выступающая в своем системном аспекте, который можно обозначить термином «диалектическая (генетическая) концепция систем».

Использование принципа системности применительно к самым разнообразным объектам и процессам — одна из важнейших отличительных особенностей развития научного познания на современном этапе. В партийных

¹³ На наш взгляд, типичный пример психологизации проблемы — попытка системного исследования деятельности с долей построения некоей общей ее теории, осуществленная М. С. Каганом. (См.: *Каган М. С. Человеческая деятельность*). Эта работа, безусловно, не лишена определенных достоинств, однако концепция М. С. Кагана не является системной. С другой стороны, отнюдь не заслуживают поддержки отдельные полемические высказывания в адрес позиции М. С. Кагана. Словом, это достаточно серьезная специальная проблема, и автор этой книги надеется, что у него будет возможность высказаться по этому поводу отдельно. Всякая полемика, чтобы быть успешной, должна опираться прежде всего на позитивную разработку вопроса.

¹⁶ *Ильичев Л. Ф. О методологической функции исторического материализма.*—В кн.: *Методологические проблемы общественных наук*, с. 32.

документах последнего периода неоднократно отмечалась необходимость системного, комплексного подхода к различным сферам социально-экономической и духовной жизни. В соответствии с запросами социально-исторической практики системные исследования в нашей стране быстро превратились в одно из бурно развивающихся направлений научного поиска. Быстрый рост системных исследований самым прямым образом связан с практикой коммунистического строительства. «Задачи совершенствования организации и управления народным хозяйством, поставленные КПСС перед наукой и практикой, существенным образом стимулировали дальнейшее развитие системных исследований, и прежде всего теоретическую разработку проблем системного анализа. В 70-е годы новый мощный стимул развитию системной проблематики дали исследования по глобальному моделированию, по построению практических программ решения актуальных проблем, стоящих перед человечеством»¹⁷.

Опыт показывает, что принципы системности имеют жизненно важное значение не только для социалистического общества: такие глобальные проблемы современности, как экологическая, сырьевая, энергетическая, продовольственная, демографическая, вообще не могут быть решены без применения системного, комплексного подхода¹⁸. Как отмечает Д. М. Гвишиани, специфика системных исследований «состоит в их направленности на изучение сложных, комплексных, крупномасштабных (в том числе глобальных социально-экономических) проблем, в последовательной ориентации исследователей не только на познание существа изучаемых проблем и соответствующих объектов, но и на создание средств, позволяющих обеспечить рациональное управление этими объектами, содействовать разрешению имеющихся проблем»¹⁹.

Использование системной методологии является необходимым средством решения крупных социально-экономических и политических задач современности, связан-

¹⁷ См.: *Системные исследования. Методологические проблемы*. Ежегодник 1979. М., 1980, с. 5 (предисловие).

¹⁸ См.: *Заглавиш В., Фролов И.* Глобальные проблемы современности и коммунисты, — *Проблемы мира и социализма*, 1978, № 3.

¹⁹ *Гвишиани, Д. М.* Материалистическая диалектика — философская основа системных исследований. — В кн.: *Системные исследования. Методологические проблемы*, с. 7.

ных с выработкой стратегии и тактики дальнейшего развития. Принцип системности включает возможности не только обобщения, синтеза, выявления качественного единства, но также и отображения многоаспектности, многоуровневости, внутренней различенностиTM социальных объектов и процессов.

Эти обстоятельства и определяют особую роль исторического материализма как методологии научного познания и революционного преобразования мира, ибо «исторический материализм, помимо того, что он *содержательно* есть всеобщая теория общественно-исторического процесса, с *методологической* стороны является, несомненно, системной теорией в самом своем существе»²⁰.

Еще относительно недавно были основания утверждать, что «в имеющихся в советской литературе публикациях, посвященных системному исследованию, очень мало внимания было уделено проблеме связей этого типа исследований с комплексом социальных наук»²¹. Сегодня системная методология все шире входит в исследования советских обществоведов. В этом процессе важную роль играет освоение методологического наследия классиков марксизма²². На основе широкого использования системных представлений сегодня активно изучаются различные аспекты общественной жизни²³.

²⁰ Кузьмин В. П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 242.

²¹ Маркарян Э. С. Вопросы системного исследования общества. М., 1972, с. 3.

²² См.: Кузьмин В. Л. Проблемы системности в теории и методологии К. Маркса; и др.

²³ Анищенко А. И., Уледов А. К. Применение структурно-функционального анализа к исследованию общественного сознания.— В кн.: Методологические вопросы общественных наук. М., 1971; Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. (Опыт системного исследования). М., 1968; Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Системный подход в социальном познании.— В кн.: Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972; Дружинин В. В., Конторов Д. С. Вопросы военной системотехники. М., 1976; Кузьмин В. П. Принцип системности в методологии диалектического и исторического материализма.— Вопросы философии, 1980, № 2; Малиновский Е. В. Использование системного анализа в экономике. М., 1974; Маркарян Э. С. Системное исследование человеческой деятельности.— Вопросы философии, 1972, № 10; Нау-менко Л. К. О методологии системного подхода к общественным явлениям.— В кн.: Проблемы научного коммунизма, вып. 8. М., 1974; Поздняков Э. А. Системный подход и международные отно-

Среди авторов, занимающихся изучением деятельности, необходимость ее системной трактовки, пожалуй, общепризнана. Для большинства из них это результат прежде всего системного характера деятельности как объекта исследования, что требует и соответствующих средств, ибо средства познания должны соответствовать не только характеру познавательной задачи, но и опосредованно через нее содержанию объекта. Для некоторых авторов системность скорее способ видения, представления объекта, причем специфика его связывается прежде всего со спецификой познавательной задачи и характером используемых средств. С нашей точки зрения, системность науки в конечном счете определяется системностью реально существующих объектов, хотя и опосредованно через наличный уровень практики и науки, которые определяют, в частности, содержание познавательных задач.

Специфика подхода исторического материализма к проблеме деятельности состоит не в системности как таковой. Вообще говоря, каждая фундаментальная наука должна исследовать свой объект системно. Специфика исторического материализма в том, что здесь раскрываются такие системные характеристики деятельности, значение которых является всеобщим. Именно исторический материализм призван выделить в социальной деятельности такие инварианты, которые имеют место всюду, где есть социальная деятельность.

Подход исторического материализма к деятельности состоит в необходимости раскрыть наиболее общие закономерности ее возникновения, развития, воспроизводства (функционирования) и структуры.

В связи с этим возникает вопрос о месте и роли категории «социальная деятельность» в системе категорий исторического материализма. Думается, что трактовка этого вопроса в некоторых текущих публикациях и устных дискуссиях пока что не лишена известных преувеличений и чрезмерного энтузиазма, характерных для периода «первоначального освоения». Нечто подобное произошло в кибернетике, с той разницей, что киберно-

шения. М., 1976; *Тощенко Ж. Т.* Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М., 1980; *Черняк Ю. Ш.* Системный анализ в управлении экономикой. М., 1975, *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.

Н

тика поставила ряд новых проблем, а в историческом материализме речь идет прежде всего об освоении классического наследия в понимании места и роли категории «социальная деятельность». Очевидно, как реакция на вчерашнее отставание, у части философов сегодня появилась мысль о наличии в историческом материализме «деятельностного подхода», как бы отличающегося от подхода традиционного. Однако, если иметь в виду проявления догматизма, «бездумное повторение давно известных положений»²⁴ применительно, например, к категориям «общественное бытие» и «общественное сознание», «базис» и «надстройка», то ведь они могут иметь место и в трактовке категории «деятельность». Точно так же категория «деятельность» сама по себе не гарантирует от спекулятивности, «схоластического теоретизирования, которое было резко осуждено на XXV съезде КПСС»²⁵,—все дело в том, как она разрабатывается. Если же иметь в виду не издержки в развитии исторического материализма, а те позитивные результаты, которые накоплены советскими исследователями, тогда тем более нелепо говорить о различии подходов. Было бы не по-хозяйски, обратившись к некоей «модной» категории, заслонить ею все другие.

Каждая категория существует не сама по себе, а только в системе, во взаимосвязи с другими категориями данной науки, поэтому разрабатывать надо систему категорий, не обрекая на забвение то одни, то другие элементы этой системы. Соответственно и разработка категории «деятельность» неотрывна от систематизации категорий исторического материализма, в том числе выяснения их взаимосвязи с самыми «традиционными» для предшествующего этапа, в частности такими, как «общественное бытие» и «общественное сознание», «ба-зис» и «надстройка» и т. д. .

Однако и система категорий имеет свой центр, свою основу. Не является ли такой основой деятельность, по крайней мере в одной из ее модификаций? Действительно, такая точка зрения существует. Так, в целом инте-

²⁴ *О состоянии и направлениях философских исследований.*— Коммунист, 1979, № 5, с. 70.

²⁵ Там же.

²⁶ Интересный опыт такого рода дает, например, статья: *Вер-бин И. А., Иелле В. Ж.* Базис и надстройка и механизм социальной деятельности людей.— Философские науки, 1979, № 1.

^x15

ресной книге М. А. Булатова высказан тезис, с которым, на наш взгляд, нельзя согласиться. Диалектический материализм этот автор считает «философским учением о познавательной деятельности, а исторический — теорией деятельности практической»²⁷. Как известно, Маркс и Энгельс «вводят критерий практики в основу теории познания материализма»²⁸. Следовательно, нет диалектико-материалистического учения о познавательной деятельности без включения в него категории «практика». Конечно, можно трактовать это как проявление взаимопроникновения диалектического и исторического материализма. Но тогда онтология оказывается гораздо сложнее, чем это зафиксировано в процитированной формулировке.

Возникают и другие трудности,— например, в рамки такой онтологической схемы не попадает многообразие видов духовной деятельности. Так, художественная деятельность не является практической и вместе с тем, хотя и включает в себя момент познания, несводима лишь к познавательной. Думается, все это результат того, что членение деятельности на виды — слишком частный уровень теории, чтобы выступать в качестве онтологической схемы исторического материализма. Чтобы ничего «не упустить», надо либо развернуть перечисление видов деятельности, либо задать то целое, в составе которого они существуют. При этом если дать просто перечисление, то возникает рядоположенность. А если задать субординацию видов деятельности, то возникает более сложная конструкция, несводимая к видам деятельности, как всякое целое несводимо к элементам.

Важны не просто виды деятельности сами по себе. Не менее важны их связи: субординация, взаимопроникновение, взаимообусловленность. Деятельность не существует как таковая, а только в виде общественных отношений. В свою очередь, общественные отношения существуют лишь в сложной качественно-специфической системе, какой является общественно-экономическая формация. Отвлечение от этих фундаментальных обстоя-

²⁷ Булатов М. А. Деятельность и структура философского знания. Киев, 1976, с. 4.

²⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 18, с. 140.

тельств в онтологическом представлении исторического материализма, на наш взгляд, неправомерно. Такое отвлечение и возможно, и необходимо, когда целое уже задано, и, например, познавательная деятельность рассматривается как относительно обособленный момент этого целого. Когда же целое первоначально не задано, становится неминуемым весь комплекс последствий, связанных с неполнотой выделения системы.

Отдельные виды деятельности *элементарны*, т. е. не могут существовать иначе, чем в составе определенного целого. Критерий *элементарности* как в социальной, так и физической и других формах движения материи состоит не в простоте, а в том, что данное образование не может существовать самостоятельно, т. е. не быть *элементом* соответствующей системы.

Если же не выделять отдельные виды деятельности, а говорить о деятельности вообще, то такая онтология в силу своей абстрактности окажется бессодержательной. Категория «деятельность вообще», как мы пытаемся показать далее, нужна, однако не она определяет специфику предметного видения исторического материализма. Она лишь преходящий момент развертывания более конкретных категорий. Абстрактное представление деятельности необходимо, так как без него трудно увидеть инвариантность в многообразии деятельностного мира, однако на нем нельзя остановиться, не рискуя впасть в спекулятивность. Марксизм наполняет категорию «деятельность» конкретно-историческим содержанием. Одно дело деятельность как демиург, как абстракт, и другое — деятельность как система конкретных ее видов, оформленных в общественные отношения. Иерархия этих отношений, заданная на основе принципов материализма и историзма, дает общественно-экономическую формацию как основное понятие исторического материализма.

Использование категории «деятельность» было свойственно классикам марксизма всегда. Напомним лишь центральное место, занимаемое данной категорией в «Тезисах о Фейербахе», которые Ф. Энгельс оценил как «гепиальный зародыш нового мировоззрения»²⁸. Однако дальнейшее развитие доктрины как раз и состоит в

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф, Соч., т. 21, с. 371,

развертывании, конкретизации этого зародыша, чему служит в том числе и категория деятельности.

Показать, что действительность должна быть взята «как *человеческая чувственная, деятельность, практика*»³⁰, — шаг революционный, но это лишь первый шаг. Надо было выделить общественные отношения, как те объективные формы, в которых осуществляется практика субъектов. Надо было выработать *основную идею* «о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций», что Маркс и сделал «посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — *отношений производственных*, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения»³¹. Однако и это далеко не все: «*пока* это была еще только гипотеза»³². Надо было проанализировать по меньшей мере одну формацию, и Маркс показывает «*всю капиталистическую общественную формацию как живую*»³³. Это и было шагом действительно решающим: «Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией»³⁴.

Следовательно, существо дела не в практике как таковой. Если уж искать некую категорию, которая может как бы символизировать подход К. Маркса к обществу, то было бы правильнее сказать, что это *форма-ционный подход*. Понятие формации достаточно полно фиксирует качественную специфику материалистического понимания истории. В целом онтологическом представлении деятельности нельзя отвлечься от ее *системности*, от ее организованности в виде общественных отношений, от ее сложной внутренней дифференцированностиTM, которая проявляется в членении общественных отношений на материальные и идеологические. Все это богатое содержание и вбирает в себя понятие общественной формации.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1.

³¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 134.

³² Там же, с. 136. ³³ Там же, с. 139. ³⁴ Там же, с. 143.

Итак, разрабатывать категорию деятельности следует в неразрывном единстве с такими категориями, как «формация», «способ производства материальных благ», «общественное бытие», «общественное сознание» и т. д. Недостаточная степень разработки проблем социально-преобразующей деятельности значима не только сама по себе. «Такое положение ведет в какой-то мере к смещению всей субординации категорий исторического материализма, затрудняет правильное понимание взаимодействия других важнейших его категорий»³⁵.

Здесь имеет место типичная диалектическая зависимость. С одной стороны, без использования категории «деятельность» невозможно адекватное решение вопроса о субстанции социальной формы движения материи, о механизме взаимодействия материального и идеального, о диалектике общественного бытия и общественного сознания. С другой стороны, адекватное понимание деятельности само находится в прямой зависимости от достигнутой степени системности в разработке исторического материализма как целого.

В данной работе ставится задача рассмотреть общие проблемы теоретического исследования социальной деятельности в неразрывном единстве с категориальным аппаратом исторического материализма. Это и определило структуру книги. Разногласия в понимании сущности деятельности, на наш взгляд, в значительной мере коренятся в характере применяемых средств исследования, в особенности — системных представлений. Поэтому оказалось необходимым прежде всего ввести используемое в дальнейшем понимание систем, а на этой основе рассмотреть некоторые основные вопросы системного представления категорий исторического материализма. Затем осуществлен переход к введению абстрактного понятия «система социальной деятельности*», а далее предпринята попытка проследить связи этой категории с рядом основных категорий исторического материализма—такими, как «общественное отношение», «субъект» и т. д.

Автор не претендует на полное раскрытие содержания соответствующих категорий. Его первоочередная

³⁵ Ильичев Л. Ф. О методологической функции исторического материализма, с. 32.

цель — показать эвристические возможности абстрактного понятия «система социальной деятельности» в разра-> ботке основных содержательных категорий исторического материализма. В известном смысле эта книга имеет) прежде всего методологическое значение. Исходя из того, что метод восхождения от абстрактного к конкретному есть не что иное, как система основных положений теории материалистической диалектики (и главным образом ее ядра — закона единства и борьбы противоположностей), переформулированных в познавательные регулятивы, автор стремился показать продуктивность применяемых, средств и с этой целью хотя бы наметить некоторые, основные контуры реализации предлагаемого подхода. При этом многие важные звенья оказались опущены—, именно для того, чтобы выделить некий «каркас», который может быть использован для дальнейшего развертывания исходной схемы. Автор хорошо понимает, что достаточно полное систематическое изложение затронутых проблем может быть делом лишь коллективных усилий многих исследователей. Независимо от степени успешности предпринятой здесь попытки системного представления деятельности, автор будет вполне удовлетворен, если эта работа будет содействовать активизации поисков в данном направлении.

Часть!

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глава I

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА И ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ
КОНЦЕПЦИЯ СИСТЕМ

§ 1. СИСТЕМА КАК ПРОТИВОРЕЧИЕ

Принято считать, что системные исследования развернулись в нашей стране в конце 50-х — начале 60-х годов. Границы этой области исследований весьма «размыты», она включает в себя «довольно широкий диапазон работ (от прикладных по системному анализу до работ по философским проблемам системного исследования)»¹. За истекшие двадцать лет «системное движение» испытало ряд трудностей. Среди причин — и чрезмерный энтузиазм его участников, и наличие скептиков с их аргументами «о надуманности самой идеи о существовании этого движения как определенного стиля научного мышления нашего времени»³.

Этот период принес также и ряд достижений, в результате чего правомерность существования «системного движения» вряд ли кем сегодня ставится под сомнение. Определенным признанием успехов системных исследований было, например, упоминание на XXIV съезде КПСС системного анализа среди тех методов, кото-

¹ *Дорошенко С. И.* Наукометрические показатели массива советской литературы по системным исследованиям.— Б кн.: Системные исследования. Ежегодник, 1978. М., 1978, с. 127.

^a *Лекторский В. А., Швырев В. С.* Актуальные философско-методологические проблемы системного подхода.— Вопросы философии, 1971, № 1.

рыми наука «серьезно обогатила теоретический арсенал планирования»³. Однако успех системных исследований и прикладных системных разработок вряд ли означает, что уже решены все проблемы, связанные с адекватным осознанием места и роли «системного движения» в сдв-ременной пауке. Скорее наоборот — на наш взгляд, именно сейчас настает пора подведения итогов первоначального периода и, на этой основе, более фундаментальной проработки вопросов о «номенклатуре» системных исследований, их взаимоотношений между собой, а также с различными другими направлениями развития науки. Обстоятельный анализ основных итогов предшествующего периода, несомненно, хорошая предпосылка для дальнейшего движения вперед⁴.

Чрезвычайно важным результатом истекшего периода является фиксация наиболее принципиальных моментов соотношения системных исследований и диалектико-материалистической философии: «диалектический материализм — это целостное мировоззрение и научная методология, а системный подход — одна из граней»⁵. Поэтому «разработка принципов системного подхода есть по существу развитие *одной из граней* теории и методологии диалектического и исторического материализма»⁶.

В соответствии с этим системные исследования не заменяют и не могут заменить собой материалистическую диалектику. Сегодня, пожалуй, стало общепринятым признание того, что «чрезмерное преувеличение познавательного значения «системы» и системного метода неизбежно связано с негативными последствиями»⁷. Однако это отнюдь не означает, что основные мето-

³ *Материалы XXIV съезда КПСС*. М., 1972, с. 67.

⁴ Полезный обзор истории возникновения системных идей и принципов, методологической проблематики системных исследований, а также анализ применения системных принципов в отдельных областях современной науки дает монография: *Блауберг И. В., Юдин Э. Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973; в известной мере итоговим, по крайней мере в своем методологическом разделе, является последний выпуск ежегодника «Системные исследования» {*Системные исследования. Методологические проблемы*. Ежегодник, 1979. Ы., 1980).

⁵ *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 242.

⁶ Там же, с. 243.

⁷ *Конкин М. И.* Проблема формирования и развития философских категорий. М., 1980, с. 218.

логические вопросы системных исследований решены достаточно полно.

Одна из коренных проблем, требующих решения,— это уточнение того, что понимается под «системой» \ Насущная необходимость четкого определения этого основного для системных исследований понятия осознавалась, очевидно, на протяжении всего двадцатилетнего периода. Так, В. Л. Лекторский и В. С. Швырев писали в 1971 г.: «Экспликация и определение таких понятий, как „система“, „структура“, „связь“, „организация“ и т. п., представляет собой весьма актуальную задачу методологии системного подхода»⁹. Этот вопрос ставится не только философами, но и естествоиспытателями. Например, П. К. Анохин в тот же период говорил о необходимости найти «формулировку системы, которая могла бы быть приемлема для многих»¹⁰. Однако и десятилетие спустя делается вывод, что поиски «пока еще не имеют результата в виде этой формулировки»¹¹.

В литературе выразен сильный скептицизм по поводу того, может ли быть найдено некое «универсальное» понимание системы. «Мир систем настолько многообразен и разнороден, что любая попытка его единообразного истолкования, по-видимому, вряд ли сможет привести к научно значимым результатам»¹².

Имеется и противоположная точка зрения, опирающаяся на выдвинутую Ф. Энгельсом трактовку мира как единой системы: «Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом... В том обстоятельстве, что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть

⁸ Анализ различных трактовок системы см.: *Оруджев З. М.* Диалектика как система. М., 1973.

⁹ *Лекторский В. А., Швырев В. С.* Актуальные... проблемы.... с. 152.

¹⁰ *Анохин П. К.* Философские аспекты теории функциональной системы.— Вопросы философии. 1971, № 3, с.,50.

¹¹ *Конкин М. И.* Проблема формирования и развития философских категорий, с. 201 (примеч.).

¹² *Садовский В. Н., Юдин Э. Г.* Задачи, методы и приложения общей теории систем.— В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969, с. 1G.

именно движение. Уже здесь обнаруживается, что материя немислима без движения. И если далее материя противостоит нам как нечто данное, как нечто несотворимое и неуничтожимое, то отсюда следует, что и движение несотворимо и неуничтожимо. Этот вывод стал неизбежным, лишь только люди познали вселенную как систему, как взаимную связь тел»¹³.

Такой подход позволяет обосновывать постановку вопроса о выработке единого понятия системы, «Вроде бы и в самом деле невозможно подвести под одно исчерпывающее определение великое разнообразие систем. Однако с этим вряд ли можно согласиться. Уже то, что мы определяем различные совокупности одним понятием „система“, свидетельствует о наличии в них общих черт, дающих основание для их выделения в едином обобщающем определении»¹¹.

Вместе с тем, разумеется, было бы неверным сводить дело только к поиску некоего универсального определения системы. Некое общее понимание систем необходимо, иначе нет смысла говорить о системных исследованиях как о некотором единстве. Однако реальное многообразие систем, существующих в объективном мире, не может не породить многообразие используемых понятий, которые фиксировали бы не только общность систем вообще, но и специфику определенного их класса. Поэтому требование точности и однозначности определения таких понятий, как система, структура, связь, организация и т. п., не следует трансформировать в требование о выработке единственного понятия. «По-видимому, задача заключается не в том, чтобы дать некие окончательные экспликации подобных понятий и покончить с полисемией соответствующих терминов, а в том, чтобы признавая возможность существования различных подходов и экспликаций, четко представлять себе их положительные и отрицательные стороны»¹⁵. Очевидно, это единственно правильный путь, ибо он позволит учесть, с одной стороны, полисистемный характер реаль-

¹³ Маркс КС, Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 392.

¹⁴ Аверьянов А. И. Система: философская категория и реальность. М., 1976, с. 21.

¹⁵ Лекторский В. А., Швырев В. С. Актуальные... проблемы..., с. 152.

ных объектов, а с другой — разнообразие познавательных задач, в ответ па которые осуществляются системные исследования.

Различные определения понятия «система» задают различные призмы, различные предметные видения объектов и тем самым различные уровни и направления системных исследований.

Важно, чтобы на каждом уровне исследования соответствующее понимание системы фиксировалось бы точно; что же касается количества таких уровней и, соответственно, количества возможных трактовок системы, то оно может быть бесконечным, если бесконечно многообразие объективно существующих систем. Иначе говоря, понятие системы должно иметь точную и единственную трактовку в рамках определенного подхода, но оно может быть единственным понятием системы, как не может быть и единственного предметного подхода к системе — если, разумеется, мы хотим исследовать системы в их конкретности, а не в абстрактной общности.

Четкая фиксация того или иного понимания системы позволяет зафиксировать и познавательные возможности соответствующего подхода. Это особенно важно в связи с тем, что именно ясное осознание пределов применимости и, значит, эвристического потенциала данной, вполне определенной системной концепции является единственной реальной гарантией против всяческих преувеличений, имеющих негативные последствия, прежде всего для развития системных исследований, (Очевидно, именно в связи с этим следует рассматривать полемику относительно гносеологического статуса различных вариантов общей теории систем, активно разрабатываемых в настоящее время, в частности Л. И. Уе-мовым и Ю. А. Урмапцевым¹⁶.)

Но если экспликации основных понятий — и в первую очередь понятия «система» — различны и независимы, возникает вопрос, что же между ними общего? Не сведется ли при таком подходе общность различных направлений системных исследований к общности лишь

¹⁶ См. напр.: Садовский В. И. Основания общей теории систем. М., 1974, с. 57—fi2 и др.; Он же. Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития.— Г> кн.: Системные исследования. Ежегодник, 1979. М., 1980; Уе-мов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.-

чисто терминологической — к совпадению некоторых слов, употребляемых в совершенно различных смыслах? Думается, этого не произойдет, если исходить из некоторого общего понимания системы, которое путем соответствующих ограничений и спецификаций может быть конкретизировано, наполнено более богатым содержанием. Такое абстрактно-общее определение системы может быть «бесполезно» в качестве средства прямого описания объектов действительности, ибо чрезвычайно бедно содержанием и даст лишь тривиальные результаты (упреки в тривиальности как раз и связаны с попытками непосредственной онтологической интерпретации абстрактно-общих характеристик системы). Однако это определение может быть полезно в методологическом плане — как промежуточный этап познавательного движения в процессе выработки более конкретных определений¹⁷. Поскольку конкретизации могут быть направлены в весьма разных направлениях — в зависимости от используемых средств, постольку возникает спектр пусть различных, но соотносимых между собою теоретических представлений системы. Таким образом, наличие *единого* понятия системы не означает наличия *единственного* понятия системы; абстрактно-общее понятие при таком подходе выступает как отправной пункт выработки особых, качественно специфических понятий, в результате чего реализуется своеобразное не только внутрипредметное, но и междисциплинарное восхождение от абстрактного к конкретному.

Общепринятое понимание системы фактически и является той абстрактно-общей характеристикой, которая может быть подвергнута весьма различным конкретизациям. «В самом общем виде систему принято понимать как комплекс взаимосвязанных элементов, образующих некоторую целостность. При таком понимании системы не накладывается никаких ограничений ни на характер

¹⁷ Ср. мнение И. Клира: «Не может быть сомнений в том, что систематическое изучение абстрактного понятия системы в самых различных аспектах представляет собой весьма полезную методологическую задачу. Результаты, полученные при таком изучении, могут служить основой для исследования специальных классов систем» (*Клир И. Абстрактное понятие системы как методологическое средство.* — В кн.: Исследования по общей теории систем, с. 290).

входящих в нее элементов (они могут быть материальными объектами или идеальными конструкциями), ни на тип образуемой целостности (которая может варьировать от механической суммы внешним образом связанных материальных объектов до, говоря словами К. Маркса, органичной целостности типа целостности живых существ, человеческого мозга, организационной структуры крупного промышленного предприятия, социальной структуры общества)¹⁸. Безусловно, принятое общее понимание системы может быть рассмотрено как донредметное представление, однако это уже проблема, требующая специального обсуждения. В данном же контексте существенно оговорить следующее. Специфика той или иной позиции как раз и определяется тем, какие конкретизирующие характеристики системы вводятся, задавая тип связи, или, что то же самое, тип целостности. Именно это определяет гносеологический статус системы и, следовательно, границы ее применимости.

Сегодня достаточно хорошо видно, что «системное движение» объединяет ряд течений, имеющих как общность, так и различия, подчас весьма существенные. Длительное время в самосознании многих представителей (и прежде всего методологов) системного движения выдвигалась на первый план именно общность или, во всяком случае, она рассматривалась как величина достаточная для того, чтобы говорить о наличии, пусть внутренне дифференцированного, но в каком-то смысле единого междисциплинарного научного направления. На наш взгляд, наиболее важно для адекватного осознания современной ситуации констатировать, что далеко не всегда существенна именно общность. Это, разумеется, не значит, что какое-либо из течений в рамках «системного движения» имеет преимущественное право на существование. Отнюдь нет. Речь идет лишь о необходимости более адекватного осознания гносеологического статуса каждого из них и, соответственно, их действительных соотношений между собою.

В этом плане хотелось бы отметить все чаще появляющиеся в печати высказывания о качественном раз-

¹⁸ Гвишиани Д. М. Материалистическая диалектика — философская основа системных исследований. — В кн.: Системные исследования... М., 1980, с. 8.

личии системных и теоретико-множественных исследований¹⁹. Нельзя не согласиться с В. Н. Садовским, который пишет: «Противопоставление «системное — теоретико-множественное исследование» во многом является решающим как для понимания существа системного подхода, так и для построения специфического систем-

9ft

ного концептуального аппарата» .

Принципиальное значение для выяснения места и роли системных исследований в научном познании имеет анализ их взаимосвязи с материалистической диалектикой. В этом направлении ведутся активные исследования²¹. Как справедливо отмечает J Г. К. Паумепко в рецензии на книгу В. П. Кузьмина, главное из преимуществ марксистского понимания принципа системности есть «соединение принципа системности с принципом развития»²². Следует согласиться с мнением З. М. Оруджева, который пишет: «Умение выделить в системе такие элементы, стороны, которые бы составляли по отношению друг к другу противоположности, опосредствованные промежуточными звеньями, должно быть, на наш взгляд, важнейшим требованием теории систем, ибо полнота простейшей системы зависит от наличия указанных моментов»^{2,1}.

На наш взгляд, содержательно наиболее богатым и наиболее соответствующим задачам исследования общих законов качественно специфических форм (уровней) движения материи является понимание системы, сформулированное в понятиях и терминах материалистической диалектики. В основу введения понятия «система»

¹⁹ См.: Шрейдер Ю. А. Теория множеств и теория систем,— В кн.: Системные исследования. Ежегодник, 1978. М., 1978.

²⁰ Садовский В. И. Системный подход и общая теория систем..., с. 49.

²¹ См., напр.: Аверьянов А. И. Система: философская категория и реальность. М., 1976; Афанасьев В. Г. Проблема целостности в философии и биологии. М., 1964; Кузьмин В. И. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса; Паумепко Л. К. Диалектика Гегеля и системный подход.— Философские науки, 1974, № 4; Огурцов А. И. Этапы интерпретации системного научного знания. (Античность и новое время).— В кн.: Системные исследования. Ежегодник, 1974. М., 1974.

²² Науменко Л. Системный подход и диалектика.— Правда, 1976, 19 нояб.

²³ Оруджев З. М. Диалектика как система. М., 1973, с. 77.

при таком подходе кладется понятие развития, причем в его диалектико-материалистической трактовке — как саморазвития. Понимание развития как противоречивого в себе процесса, источником которого является борьба внутренних противоположностей того или иного объекта позволяет и систему представить как целостное, внутренне противоречивое образование. В рамках излагаемого подхода система предстает как диалектическое противоречие, а диалектическое противоречие — как система. В результате всякий объект понимается как движущийся объект, т. е. как процесс. Всякая неподвижность выступает лишь как подчиненный момент движения, всякое внутреннее различие соответственно как различие в некотором качественно едином процессе (уровне) движения материи.

Процессуальное понимание объектов реализуется прежде всего в способе их вычленения. Взаимная обусловленность сторон делает противоречие самодостаточным образованием. Именно взаимообусловленность сторон выступает как мера целостности объекта. Таким образом, система не гомогенное, а внутренне расчлененное целое. Противоположности как стороны объекта, взаимно полагающие и взаимно отрицающие друг друга, выступают как первый уровень членения системы. Дальнейшее членение есть рефлексия противоречия в себя, а именно — раздвоение сторон и их взаимопроникновение друг в друга.

Всякое образование является системой лишь постольку, поскольку оно включает в себя стороны, которые полагают и отрицают друг друга. Таким образом, критерием для выделения органической системы является выделение диалектических противоположностей. В случае, когда в составе эмпирически данного объекта не обнаружено сторон, по некоторому определенному параметру взаимополагающих и взаимоотрицающих друг друга, следует констатировать, что данный объект по данной параметрической определенности не система (вывод такого рода, как и всякий другой вывод правомерен, разумеется, лишь с учетом исторической ограниченности каждого этапа познания). Развитие системного образования определяется взаимодействием его сторон (диалектических противоположностей). Закономерности этого взаимодействия определяют развитие и в целом жизнь системы. Словом,

принцип историзма оказывается неразрывно связан с принципом структурности. Раскрытие причин, внутренних движущих сил развития системы неразрывно связано с определенным подходом к ее структурированию. И наоборот, адекватное вычленение структуры одновременно раскрывает внутренние механизмы развития системы, ее собственные движущие силы.

Понятийно задать систему — значит" задать качественно специфический способ взаимодействия составляющих, которые благодаря включенности в данное взаимодействие и выступают как элементы системы. Специфическое для данной системы взаимодействие само непрерывно развивается. Для обозначения взаимодействия в его развитии введем термин «отношение». Особенность отношения, следовательно, состоит в том, что это есть взаимодействие, опосредованное собственной историей. Каждое отношение является внутренне сложным образованием. Непрерывно усложняясь, оно создает свои внутренние опосредования, которые затем приобретают относительную самостоятельность и выступают как новые, производные отношения в рамках данной системы. Поэтому система всегда *система отношений*.

Систему нередко определяют как совокупность элементов, взаимодействующих между собой, причем акцент делается именно на *совокупность элементов*, связанных некоторыми отношениями. В результате возникает обоснованный скептицизм: «Гносеологические цели приписывания тем или иным объектам свойств системы далеко не всегда очевидны и оправданы: практически любой объект, материальный или идеальный, можно представить как систему, выделив в нем множество элементов, отношения и связи между ними и зафиксировав его целостные характеристики; однако очень трудно (если вообще возможно) найти такие нетривиальные задачи, для решения которых возникла бы необходимость в представлении как системы таких объектов, как, например, карандаш или отдельное слово разговорного языка»²⁴.

Понимание системы как целостного множества взаимосвязанных элементов, по существу, основано на отвле-

²⁴+ Садовский В., Юдин Э. Система,— Философская энциклопедия, т. 5. М., 1970, с. 19.

чении от развития объектов. Оно фиксирует некое налич-по-данное состояние. Указание на способ взаимодействия фигурирует в определениях такого рода, но оно отодвинуто на второй план, на первом же содержится указание на некоторую совокупность (множество) элементов как на исходный пункт конститунрования системы. И хотя при таком подходе признается, что для фиксации системы необходимо задать присущий ей тип отношения, тем не менее неявно допускается, что элементы существуют якобы до и независимо от соответствующего отношения.

Конечно, в явной форме этот тезис вряд ли будет признан кем-либо из сторонников подобной трактовки систем, однако в неявной форме он фактически принимается. Иначе было бы невозможно говорить о совокупности элементов, объединенных специфическими отношениями. Правильнее говорить наоборот: о специфическом отношении, порождающем в процессе своего формирования и развития соответствующие элементы.

При диалектическом подходе к системе становится очевидным, что отнюдь не элементы как таковые являются главным в системе. Количество и многие характеристики элементов могут изменяться на разных этапах ее развития. Главное в системе — определенный, качественно специфический способ взаимодействия, который и развертывается через относительно обособленные и взаимообусловленные подсистемы (элементы).

По существу, диалектическая концепция систем опирается на два тезиса. Во-первых, в качестве исходного пункта выделения систем рассматривается не совокупность (множество) элементов, а тип взаимодействия, конституирующий элементы. Во-вторых, накладывается сильное ограничение на способы взаимодействия, которые имеют системный характер. Согласно генетическому подходу системными являются лишь самообусловленные (самодостаточные) взаимодействия.

В понятии «органическая система» фиксируется не только целостность соответствующего образования как таковая, но и тип этой целостности. Органическая система — это развивающаяся целостность.

Единство всякой органической системы — в ее генезисе. Вся сложность, все разнообразие развитой системы возникает в результате обособления моментов специфич-

веского для данной системы исходного взаимодействия. Целостность вообще связана с наличием определенного типа взаимодействия и возникающей на этой основе взаимообусловленности, взаимозависимости. Однако степень взаимодействия может быть различна, а в разных случаях может преобладать либо зависимость над независимостью, либо, наоборот, независимость над зависимостью. Следовательно, необходимо различать разные степени (типы) целостности.

О системах в собственном смысле слова, т. е. об органической целостности объектов, можно говорить только в тех случаях, когда взаимозависимость преобладает, снимая собой независимость. Поскольку взаимодействие — хотя бы опосредствованное, а значит, и некоторая взаимозависимость — имеются всегда, постольку, казалось бы, все объекты можно отнести к системам. Однако у ряда объектов взаимозависимость несущественна, она снимается независимостью. Такого рода объекты не системны, а квазисистемны. Квазисистема, следовательно, это такой объект, где взаимозависимость составляющих несущественна.

Поскольку степень взаимодействия и взаимозависимости прямо пропорциональна степени генетического единства, постольку основанием для разбиения объектов на системы и квазисистемы является единство или, соответственно, различие генезиса образований. Единство генезиса дает систему, различие — квазисистему.

Конечно, уже само сосуществование генетически разнородных объектов может быть интерпретировано как момент генезиса. Действительно, в конечном счете оно может привести к возникновению органической системы. Хотя отнюдь не каждая квазисистема превращается в органическую систему, тем не менее органические системы возникают из квазисистем. Поэтому целесообразно различать класс предсистем — как некоторых переходных состояний, знаменующих момент скачка, возникновения новой системы.

Поскольку у всех объектов, хотя бы в минимальной степени, присутствует признак, по которому выделяются системы, можно построить классификацию, в рамках которой все взаимодействующие объекты рассматривались бы как системы вообще. Введя представление о системах вообще, можно различить среди них два класса — ква-

зисистемы и органические системы. Такая классификация правомерна, однако она имеет лишь формальный характер, не учитывая перехода количественных изменений в качественные. И хотя такой подход может быть использован для решения определенного класса задач, следует подчеркнуть, что специфические системные свойства присущи только органическим системам, которые и являются системами в собственном смысле слова. При характеристике последних недостаточно просто указания на факт целостности, здесь необходимо указание на целостность определенного, а именно — генетического типа.

В заключение несколько слов о терминологии. Поскольку существуют различные концепции систем, для обозначения излагаемого в этой книге подхода был использован термин «диалектическая (генетическая) концепция систем». Слово «генетический» употребляется здесь для того, чтобы подчеркнуть основополагающую роль идеи диалектического развития в выработке используемого нами понятия системы. Для отличия данной трактовки системы от других подходов представляется уместным также термин «системно-диалектический подход», призванный подчеркнуть, что данное понятие системы прямо производно от основных категорий материалистической диалектики.

В стилистических целях термин «генезис» иногда употребляется в дальнейшем не только для обозначения становления, но и в более широком смысле.

§ 2. СУБСТАНЦИЯ И МОДУСЫ

Каждая система обладает своей качественной спецификой, для фиксации которой могут быть использованы понятия субстанции и модусов. Наличие в объективной действительности качественно-определенных форм (уровней) движения материи позволяет фиксировать их в себестождественности, в их инвариантности по отношению к самим себе. Для этой цели и используется понятие субстанции, которая выступает как себестождественность системы. Выделение субстанции, конечно же, не является исчерпывающей характеристикой системы. Вместе с тем это чрезвычайно важный этап ее синтетического представления. Он выступает как снятие предшествующего анализа, ибо инвариантность может

В. Ц. Фофанод

быть раскрыта лишь через отождествление вариаций, модификаций, которые фиксируются первоначально в их отдельности, обособленности, специфичности. Соответственно их синтез в представлении о субстанциональном единстве данного образования дает возможность продолжить и углубить анализ, во многом снимая, переосмысливая первоначальные аналитические представления.

В онтологическом плане введение понятия субстанции является средством выделения системы как таковой: себестождественность системы как ее внутренняя характеристика одновременно выступает как средство ее спецификации по отношению к другим системам, т. е. как средство фиксации внешних границ системы.

В гносеологическом аспекте понятие субстанции как бы очерчивает границы рассмотрения действительности данной научной дисциплиной. Внешне подобные, а по существу качественно различные процессы выступают благодаря введению понятия субстанции именно в этой своей качественной различности. Так, качественно различны поведение животных и человеческая деятельность, хотя в отдельных своих проявлениях подобие между ними весьма велико²⁵. Здесь можно отметить, например, наличие организации в биологических сообществах, использование орудий целым рядом животных видов, присущие животным мыслительные способности. Для характеристики субстанции важно задать не только ее качественную определенность в себе, но и качественную специфику относительно единых генетически, но менее (или, наоборот, более) развитых процессов. Однако задать качественную специфику системы невозможно, не введя внутренних дифференциаций. Так, качественная специфика диалектического мышления состоит в его рефлексивности, ибо его предпосылкой является «исследование природы самих понятий». Но это и значит, что для фиксации этой специфики надо ввести такую модификацию понятия вообще как понятие о понятии.

Возможны различные уровни отображения субстанции: во-первых, в ее абстрактной общности, тождественности себе; во-вторых, в ее внутренней различности, модифицированноеTM. Первый уровень обобщения яв-

²ⁱ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 537—538.

ляется абстрактной характеристикой целого, он почти бессодержателен и необходим лишь как промежуточный этап. Так, абстрактное выделение субстанции уже есть и вместе с тем еще не есть очерчивание границ системы. Здесь еще нет конкретной характеристики ее границ, но вместе с тем задан способ видения и в этом смысле уже произошло своеобразное выделение круга того, что относится и что не относится к данной системе. Однако это выделение еще должно быть осуществлено на содержательном уровне, поскольку реально существует не «субстанция вообще» как таковая и не система «вообще», а ее конкретные подсистемы. А так как система имеет конкретно-исторический характер, то и границы ее, задаваемые наличными подсистемами, также имеют конкретно-исторический характер и могут быть выделены лишь в результате осуществления процедуры структурирования системы, лишь путем введения понятий о модификациях субстанции.

В чем же тогда состоит необходимость абстрактно-общего понимания субстанции? Субстанция как таковая есть то предельное основание, тот предельный уровень членения объекта, к которому сводятся и из которого выводятся все различия, осуществляемые в рамках данной научной дисциплины. Эти различия выступают как внутренние по отношению к субстанции, выступают как ее модификации. Таким образом, понятие субстанции задает не только внешние, но и внутренние границы системы. Каждая такая модификация обладает собственной спецификой относительно целого и может рассматриваться как некая производная субстанция. Это дает возможность рассматривать соответствующую сторону системы в ее себестождественности, а на этой основе вводить представление о ее внутренних различиях. Соответственно и теоретическое воспроизведение данной стороны целого в ее специфичности, ее относительной обособленности от целого существенно не только для характеристики ее самой, но и для понимания всей системы. Различия действительного мира, сопоставимые на основе первоначально выделенного единства, включаются в предметную¹ Ф^еРУ данной науки. Вскрытие единой качественной основы позволяет объединить и объяснить круг весьма разнообразных явлений.

2*

В реальной действительности «существуют не качества, а только вещи, обладающие качествами, и притом бесконечно многими качествами»²⁹. Отсюда следует, что членение эмпирически данной действительности может быть весьма различным, в зависимости от того, по какой качественной характеристике оно осуществляется. Но каждый раз познающий субъект должен следовать одному, вполне определенному системному параметру, для чего и необходимо выделение субстанции. В свою очередь, теоретическое членение объекта как *системы* должно опираться на поиск различий внутри качественного единства.

Рассмотрим проблему на примере политэкономии капитализма. К. Маркс писал, что «отправным пунктом, от которого зависит понимание политической экономии» является «двойственная природа содержащегося в товаре труда». Необходимым средством различения этой двойственности было сведение различных конкретных форм труда «к абстрактно человеческому труду». Таким образом осуществляется идеализация, в результате которой «продукт труда приобретает совершенно новый вид»³⁸. Все разнообразие товаров сведено к единой субстанции. «Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем человеческой субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости».

Стоимость как понятие, фиксирующее субстанцию товарного мира, и стала исходным пунктом системы категорий, отображающих товарные экономические отношения. Построив этот конструкт, К. Маркс сформировал единое видение объекта, что позволило представить все капиталистические экономические отношения как ряд специфических модификаций единой субстанции — стоимости. В результате была создана политическая экономия капитализма как единая научная система.

Важным моментом системного представления системы и является выделение ее субстанции. Однако сама

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 547.

²⁷ Там же, т. 23, с. 50. ^{2a} Там же, с. 46.

²ⁱ Там же.

субстанция как таковая еще не дает предмет науки. Так для системы капиталистических экономических отношений специфична не купля-продажа товаров вообще, не движение стоимости как таковой, а купля-продажа вполне определенного товара «рабочая сила». Отношение эксплуатации реализуется через движение именно этого специфического товара. Однако для того, чтобы представить эмпирически данных капиталистов и рабочих как «экономические маски», взаимодействующие в процессе производства прибавочной стоимости, необходимо было иметь определенный *способ теоретического видения* эмпирической данности. Этот способ видения и задает теоретический конструкт «стоимость», фиксирующий субстанцию данной системы.

Итак, понятие субстанции фиксирует качественно единый способ представления объекта. Однако абстрактно-общая характеристика субстанции только исходный пункт системного исследования. Единое должно быть различено в себе. Достаточно полное, конкретное описание субстанции предполагает теоретическое развертывание ее модификаций. Это развертывание не произвольно, оно должно выявить иерархию противоречий, присущих данной системе. Именно такая фиксация внутренних различий субстанции дает возможность раскрыть источник, причину развития системы. Как пишет Ф. Энгельс, «спинозовское: *субстанция есть causa sui* — прекрасно выражает взаимодействие»³⁰.

Субстанция есть как бы единая шкала отсчета в рамках данной науки. Все различия, в ней вводимые, предопределены «выбором» субстанции. Конечно, каждая такая исходная теоретическая конструкция нуждается в специальном обосновании. Однако её содержательное обоснование требует раскрыть генезис соответствующей системы как процесс формирования того качественно-специфического типа движения, который обобщен в понятии субстанции. Это составляет содержание особой познавательной задачи. Если же исследуется не становление, а ставшая система, то субстанция выступает как налич-

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 546.

ный исходный пункт, что, разумеется, не исключает необходимости введения соответствующего понятия.

Для характеристики возникающих в результате развития противоречия внутренних различий может быть использовано понятие модуса. Особенность трактовки категорий субстанции и ее модусов в рамках генетической концепции систем состоит в том, что их диалектическая взаимосвязь раскрывается на основе принципа развития. Поскольку субстанция не существует вне модусов, постольку сам способ представления субстанции через модусы означает всегда конкретно-исторический подход к субстанции. Соответственно и модусы выступают как генетически взаимосвязанные модификации целого, даже когда они рассматриваются как наличные и взаимодействующие между собой.

Внутренняя расчлененность имманентна системе. Именно внутренние различия делают целое *развивающимся* целым, без чего оно не может существовать *как целое*. Ибо пока объект непосредственно зависит от внешних условий, он непрерывно меняется под их воздействием и не может сохранить тождественность себе, т. е. целостность. Когда же объект воспроизводит свои предпосылки сам, тогда он получает возможность сохранять свою самотождественность — выступать как целое. В результате противоположности переходят друг в друга. Наличие внутренних различий является предпосылкой сохранения тождества себе, а сохранение тождества ведет к усилению внутренних различий.

Поскольку целостность и внутренняя дифференцированность системы взаимообусловлены, постольку и теоретическое членение системы должно опираться на определенное представление о целом. Это — представление о единой субстанции, существующей через развитие, через движение внутренних противоположностей. Соответственно фиксация внутренних различий выступает как выделение движущих противоположностей, т. е. сторон, связанных взаимоотрицанием и взаимоположением, — таков основной принцип структурирования органических систем. На наш взгляд, это требование является непосредственной конкретизацией применительно к системным исследованиям тезиса, сформулированного В. И. Лениным: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть* (одна из «сущно-

стеи», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики»³¹.

Поскольку противоречие рефлексировало в себя, следует различать противоположности первого, второго, третьего и т. д. порядка и соответственно иерархически структурировать систему.

В рамках такого подхода подсистемы той или иной системы должны выделяться не в силу эмпирической различности неких частей исследуемого объекта. Действительными подсистемами данной системы окажутся те образования, которые связаны отношениями взаимоотрицания и взаимоположения в рамках присущего данной системе субстанционального единства. Именно так, например, были выделены К. Марксом основные фигуры капиталистического производства — капиталист и рабочий, две противоположные составляющие в едином процессе производства прибавочной стоимости. И тот и другой не конкретные, эмпирически данные люди (группы людей). Это лишь разные «маски», разные экономические функции, единство которых в том, что они — взаимодополнительные моменты движения стоимости как субстанции товарно-капиталистической системы.

Эмпирическое различие при этом может оказаться лишь внешностью, за которой скрывается внутреннее единство. Так, промышленный капиталист и землевладелец, внешне, для обыденного понимания, выступают, наряду с рабочим, как различные фигуры капиталистического производства, что и зафиксировано в «триединой формуле». На самом деле, как показал К. Маркс, промышленный капиталист и землевладелец (поскольку последний ассимилирован капиталистическим производством) — это лишь модификации единой фигуры капиталиста, составляющие единство относительно рабочего. Действительное их различие — это различие иного порядка, а именно: уже внутри деятельности совокупного капиталиста как одной из подсистем капиталистического производства. Наоборот, эмпирическая одинаковость может выступать как внешность, за которой кроются качественные различия. В этой же триединой формуле все фигуры одинаковы тем, что каждая имеет якобы свой специфический источник дохода: капиталист — капитал, земле-

⁸¹ Ленин В. Я. Поли. собр. соч., т. 29, с. 316.

владелец — землю, а рабочий — свой труд. На самом же деле общественное богатство создает только рабочий, а промышленник и землевладелец лишь присваивают его.

Итак, структурирование системы опирается на поиск внутренних различий, имманентно присущих данной субстанции. Однако эти различия также качественно едины. Всегда имеется специфическая грань, мера различий, за которой о системе говорить уже нельзя: далее начинается «тканевая несовместимость», качественно иная определенность. Например, землевладелец, когда он не сдает землю в ренту капиталисту, а использует труд зависимого крестьянина, оказывается включенным в качественно иные системные связи и как таковой чужд капиталистическому производству. В результате два, казалось бы, эмпирически одинаковых объекта — например, две группы землевладельцев одной и той же страны — по характеру своей экономической деятельности относятся к системам разной качественной (формационной) принадлежности — капиталистической и феодальной.

Таким образом, понятия субстанции и модусов являются необходимым средством теоретического представления и эмпирического распознавания систем.

§ 3. ФУНКЦИЯ, ЭЛЕМЕНТ, СТРУКТУРА

Как качественно специфический тип движения система есть некоторое единство. Но в то же время она различна в себе. Причем, поскольку речь идет о противоречии, постольку эти различия в полноте своего развертывания достигают противоположности. Поэтому каждый цикл развития может быть рассмотрен как взаимодействие различного (противоположного).

Поскольку взаимодействие есть некоторый синтез, некоторое сложное в себе единство, представляется возможным вычленив в нем более простые составляющие. Обозначим их как действия. Действия обусловлены целостным отношением и вне его не существуют. Всякое действие, таким образом, одновременно и обусловленное, и обуславливающее. То или иное действие в его обусловленности будем понимать как функцию.

Например, купля и продажа как моменты единого процесса обмена являются типичным образцом системной дифференциации, причем их содержание всегда определи-

ется целостным отношением, в которое **они** включены. В частности, отношение эксплуатации реализуется в двух взаимодополнительных и относительно обособленных моментах, действиях: в купле и продаже вполне определенного товара — рабочей силы. Каждое из этих действий не может существовать само по себе. Купля осуществляется постольку, поскольку осуществляется продажа, и наоборот. Вместе с тем купля и продажа рабочей силы существуют в их качественной и количественной определенности лишь постольку, поскольку исторически сложился комплекс условий, делающий капиталиста владельцем вещных факторов производства, а рабочего — владельцем рабочей силы, и только рабочей силы. Исторически сложившееся отношение обуславливает действия капиталиста и рабочего, выступающие как определенные функции в рамках данного целого.

Вместе с тем функция сама может быть рассмотрена как обуславливающее. Функция как обуславливающее тоже сложное в себе единство. Она может быть рассмотрена как взаимодополнительные действия, причем критерием структурирования и здесь является представление о противоречии: более простые — но также сложные в себе — составляющие выступают как взаимообусловленные процессы,¹ т. е. как диалектические противоположности.

Поскольку они всегда существуют лишь как составные моменты некоторого сложного действия (функции), постольку целесообразно употреблять для их обозначения термин «подфункция». Это дает возможность зафиксировать субординацию функций, аналогичную тому, как фиксируются субординационные отношения посредством употребления терминов «система» и «подсистема». Функции выступают как противоположности, которые, будучи рефлексированны в себя, составляют иерархию функций и подфункций. Подфункция здесь понимается как вторичная (внутренняя) дифференциация некоторой функции. Такая характеристика имеет относительный характер. Каждая подфункция в отношении собственных внутренних дифференциаций может быть рассмотрена как относительное единство, т. е. функция. Всякая вторичная дифференциация прямо зависит от первичной дифференциации, или от существа того противоречия, внутренним опосредованием которого она является.

Действие обусловлено не только взаимодействием, но и тем, на каком субстрате данное противоречие существует. Субстрат как некоторый снимаемый данным взаимодействием предшествующий тип (уровень) движения задает определенный набор возможностей, выбор из которых и осуществляется в зависимости от характера данного противоречия и степени его развития. Действие в его обусловленности субстратом будем понимать как элемент.

Элемент не есть субстрат как таковой, но субстрат как фактор, непосредственно влияющий на функцию, а через нее — и на систему в целом. Поскольку субстрат тоже сложен, различен в себе, постольку он по-разному влияет на систему. Понятие элемента и вводится затем, чтобы зафиксировать различия в субстрате как фактор, определяющий различия функций. При этом надо учитывать, что функции определяются не только элементами (различиями в субстрате), но и взаимодействием, т. е. системой как целым. Элемент как некоторый задаваемый субстратом набор режимов действия (функционирования) не может быть понят вне взаимодействия, благодаря которому осуществляется выбор того или иного конкретного действия, т. е. конституируется функция как таковая.

Поскольку развитие имеет количественно-качественный характер, постольку развитие исходного для данной системы взаимодействия приводит к возникновению все новых и новых уровней взаимодействия, в результате чего в системе складывается иерархия развивающихся взаимодействий (отношений). Каждый такой уровень взаимодействия включает в себя соответствующие элементы и функции. Обозначим такое образование как структуру. Всякая структура есть взаимодействие на определенном этапе развития, т. е. некоторое отношение в его внутренней расчлененности. Структуры в системе находятся в отношении иерархии.

Фиксируя структуру в ее целостности, в отвлечении от внутренних различий, можно представить ее как подсистему системы. Тогда появляется возможность различать структуры — структуры отдельных подсистем и общую структуру системы как иерархию всех ее подсистем.

Структуры, как и элементы, находятся между собой во взаимодействии и взаимообусловленности. Поэтому ни одна структура не существует как таковая, но лишь в единстве со своей противоположностью. Так, трудовая

структура общества (трудовые отношения, производительные силы) всегда существует в единстве с его экономической структурой, образуя определенный конкретно-исторический способ производства материальных благ. В свою очередь, производство материальных благ существует в диалектическом единстве с производством самого человека и т. д.

Диалектико-материалистический подход требует все объекты рассматривать в движении. Поэтому понятия «объект» и «процесс» соотносительны. Если процесс есть некий качественно определенный тип движения, то всякий объект процессуален. По существу, понятием «объект» фиксируется лишь факт объективного существования некоего движущегося образования, фрагмента действительности. Система с этой точки зрения — целостный самодостаточный объект-процесс.

В теоретическом познании нередко бывает нужен специальный термин для обозначения некоторого фрагмента действительности, когда его еще не характеризуют специально, а лишь выделяют среди других фрагментов. Зачастую эти неспецифицированные стороны действительности обозначают термином «явление». Так, говорят о различных «социальных явлениях», имея в виду лишь простое указание на те или иные аспекты общественной жизни. Но так как термин «явление» имеет и категориальное значение в рамках оппозиции «сущность — явление», то такое двойное словоупотребление создает неудобства. В этих случаях можно употреблять термины «объект» и «процесс», придавая им следующие соотносительные значения. Когда говорится об объекте в этом смысле, имеется в виду момент устойчивости в определенном объективно существующем качественно специфическом процессе. Когда же говорится о процессе, имеется в виду момент изменчивости в определенном качественно специфическом объекте.

Иногда, наоборот, понятие «объект» явно или неявно противопоставляют понятию «процесс». Под объектом при этом подразумевается нечто не просто неизменное, себе-тождественное, устойчивое, но, по существу, не процессуальное, якобы неподвижное. Система действительно обладает себетождественностью, неизменностью, устойчивостью. Однако ее себетождественность — следствие ее внутренних различий, ее устойчивость — результат по-

стоянного движения, ее неизменность — результат непрерывного изменения.

Живую клетку, например, нередко рассматривают прежде всего как *структуру*, в которой происходят биохимические реакции. Возникает впечатление, будто структура клетки есть нечто неподвижное, как бы форма-вместилище, в которой и разворачивается процесс — в виде обмена веществ. Между тем с точки зрения системно-диалектического подхода клетка — замкнутый на себя *биохимический процесс*. Последовательность биохимических реакций, по законам которых движется вещество, выступает как собственная дифференцированность этого процесса. Так как процесс замкнут на себя, его дифференцированность постоянно воспроизводится. В результате она и выступает как *устойчивая* дифференциация, т. е. структура.

Структура представляется как нечто неизменное, однако, в сущности, она есть постоянно снимаемое изменение. Себетождественность структуры, как и системы в целом,— результат ее постоянного движения. Именно процессуальность как способ существования объекта создает его внутреннюю дифференцированность, а замкнутость процесса на себя делает эту дифференцированность устойчивой — благодаря постоянным повторениям самого процесса. Если бы одно химическое соединение не переходило в другое, существовала бы простая себетождественность. Переход, изменение создают различия. А циклический характер изменений создает в различиях тождество: благодаря замкнутости, ограниченности движения собой различия не нарастают, а постоянно отождествляются себе.

Таким образом клетка — процесс, а структура клетки — это и есть структура сложного, замкнутого на себя химического процесса. Структура воплощает в себе последовательность этапов единого потока химических превращений вещества. Система есть сложным образом движущееся вещество, соответственно и ее структура не что иное, как внутренние различия в этом процессе движения. Данное вещество, взаимодействуя с другими веществами, выступает как некая структура. Переходя в другое соединение, оно выступает как другая структура. Но так как на его место в первой реакции тут же приходит новое вещество, которое образует соответствующее соединение, то каждая из структур существует постоянно.

Главное в системном процессе — это его стабильность, достигаемая за счет постоянного воспроизводства одних и тех же взаимодействии. А для этого нужны специальные средства. Необходимо, в конечном счете, воспроизводство условий, в которых осуществляется каждое взаимодействие. Это обеспечивается тем, что каждая предпосылка есть вместе с тем следствие процесса, т. е. имеется взаимообусловленность разных сторон целого. Данная взаимосвязь реализуется через сложную иерархию отношений, где одни реакции являются средством осуществления других, и наоборот.

Клетка как система представляет собой сложный самовоспроизводящийся циклический процесс. Воспроизводство обеспечивается постоянной заменой собственных элементов на новые, но тождественные предшествующим, точнее говоря — наличием цепочки постоянного превращения предыдущих элементов в последующие, в результате чего каждый элемент одновременно разрушается и воссоздается. Из вещества, которое усваивается из окружающей среды, система собирает все то, что она собой представляет. Современные данные позволяют утверждать, что «упорядоченное формирование различных структурных элементов клетки является результатом того, что может быть названо «самосборкой* соответствующих молекулярных суб-единиц»³². Вообще устойчивость возникает как результат непрерывного воспроизводства процесса. Форма воспроизводства — циклическое движение, которое имманентно всем органическим системам.

Система и порождается прежде всего как процесс собственного воспроизводства. При наличии достаточных условий в процессе возникает внутреннее опосредование, замыкающее его исходное и конечное состояния как противоположности,— когда конечное становится исходным, а исходное, таким образом, конечным. Органическая система есть прежде всего механизм ее *собственного воспроизводства*. Поэтому, сколько бы ни усложнялась система в дальнейшем, механизм воспроизводства всегда лежит в основе системы: без воспроизводства она попросту не существует как таковая. На ранних этапах система вообще состоит только из процесса собственного воспроизводства. Затем воспроизводство становится основанием, на котором возникает надстройка. Так, живая клетка приоб-

³² Иост Х. Физиология клетки. М., 1975, с. 790.

ретает, например, способность секреции и т. п. Этот надстроечный процесс выступает как функция клетки, являющейся элементом более широкой системы.

Внешние системные связи могут подчинять себе подсистему воспроизводства вплоть до полной ее ликвидации, когда это необходимо для эффективности функционирования данной клетки в рамках целого. Так происходит, например, с эритроцитом. Однако в таком случае имеет место лишь перераспределение функций: в организме возникает специализированная система эритропоэза, расположенная в костном мозге, селезенке и других органах. Данный факт показывает, что воспроизводство может осуществляться в сложных, многократно опосредованных формах, но оно всегда лежит в основе любого системного процесса. В этом смысле воспроизводство — всеобщая характеристика органической системы. Исходное отношение системы нередко называют ее клеточкой. Генетически первичная клеточка системы и есть ее первоначальный механизм (вос)производства.

Как всеобщая характеристика системы, производство имманентно всем ее подсистемам. Все они оказываются лишь специфическими процессами собственного воспроизводства, а также воспроизводства системы в целом. Не менее существенно и то, что как бы ни усложнялись за счет нарастания опосредования внутренние связи системы, все ее подсистемы в конечном счете зависят от исходного, базисного типа производства.

Генезис системы снимается в ее структуре. Поэтому теоретическое воспроизведение структуры опирается в конечном счете на реконструкцию формирования и развития системы. С этой точки зрения чрезвычайно важным является выделение генетического и функционального подходов к системе. Генетический и функциональный подходы различаются, на наш взгляд, отнюдь не тем, что в первом случае рассматривается генезис системы, а во втором — ее структура (элементы и их функции). Ни первое, ни второе невозможно сделать отдельно. Структуру системы можно адекватно раскрыть, лишь воспроизводя генетические связи ее элементов. А генезис системы нельзя представить иначе, чем генезис ее структуры.

Функциональный аспект фиксирует структуру *как результат* развития, отображая ее воспроизводство (функционирование) на том или ином конкретном этапе.

Генетический аспект фиксирует структуру как процесс развития, выявляя предпосылки и механизмы перехода от одной структуры к другой.

Как известно, генетическое исследование воспроизводит не историю, а логику развития объекта³³. К. Маркс подчеркивал: «Для того чтобы раскрыть законы буржуазной экономики, нет необходимости писать *действительную историю производственных отношений*»³⁴.

Воздействие процессов развития на структуру системы воплощается в наличии иерархической связи подсистем, а также в наличии тождественного строения (изоморфизма) отдельных элементов³⁵.

Для исследования систем как в генетическом, так и в функциональном аспектах необходима разработка категориально-терминологического аппарата, отображающего их пространственно-временные характеристики³⁶. Прежде всего необходимо введение понятий *собственного пространства* и *собственного времени* системы. Пространство и время всегда имеют системный характер, это *специфически системные* параметры. Поэтому уточнение «собственный» может показаться излишним. Однако наложение высших систем на низшие приводит к сложному взаимодействию и их пространственно-временных характеристик. В результате при исследовании одной системы могут быть применены различные пространственно-временные членения. Так, представление о физическом пространстве и времени обычно используют для описания более сложных биологических и социальных процессов. Между тем физическое время не есть собственное время биологических и социальных систем. Как биологические, так и социальные системы обладают своими, специфическими для них, про-

³³ См., напр.: Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. М., 1961; Подкорытов Г. А. Историзм как метод научного познания. Л., 1967; Французова Я. Я. Исторический метод в научном познании. М., 1972; и др.

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 449.

³⁵ Несколько подробнее об этом см.: Фофанов В. Т. Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск, 1979, с. 31-32.

³⁶ Исследования пространства и времени ведутся весьма активно, см., напр.: Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени. М., 1969; Молчанов Ю. В. Четыре концепции времени в философии и физике. М., 1977; Мостепаненко А. М. Проблема Универсальности основных свойств пространства и времени. Л., 1969; Пространство, время, движение. М., 1971.

странственно-временными характеристиками, которые снимают в себе физическое пространство и время.

Структура системы — это ее собственное пространство, имеющее всегда конкретно-исторический характер. Собственные закономерности формирования и развития системы воплощают в себе специфическую для системы последовательность изменений, т. е. ее время. Внутренняя необходимость соответствующих процессов выступает как мера их эмпирического движения.

Необходимость того или иного акта относительно целостного процесса выступает как его мера в собственном времени системы. Каждое отдельное событие измеряется тем целым, в который оно включено. Так, отдельное событие измеряется циклом. Цикл измеряется другими циклами. Качественно специфические этапы — другими этапами развития данной системы.

Для того чтобы подобное измерение было возможно, должна быть сконструирована особая шкала. Целое, зафиксированное в его инвариантности, и выступает как эталон измерений. Детально разработанный пример такого подхода дает понятие необходимого рабочего времени, введенное К. Марксом. «Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»³⁷. Способ его применения таков: «...Например, в Англии после введения парового ткацкого станка для превращения данного количества пряжи в ткань требовалась, быть может, лишь половина того труда, который затрачивался на это раньше. Конечно, английский ручной ткач и после того употреблял на это превращение столько же рабочего времени, как прежде, но теперь в продукте его индивидуального рабочего часа была представлена лишь половина общественного рабочего часа, и потому стоимость этого продукта уменьшилась вдвое»³⁸. Общественный рабочий час — это и есть образец социального времени, собственного времени вполне определенной, исторически конкретной системы материального производства.

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 47.

³⁸ Там же, с. 47—48.

Взаимосвязь структуры и генезиса системы создает ее единый пространственно-временной континуум. Пространство и время системы переходят друг в друга. Так, в живой клетке различные этапы (последовательности) процесса воплощены в особых биологических структурах. То же самое имеет место и в социальных системах. Например, материальное производство как структура есть развернутая последовательность отдельных составляющих (событий). Иначе говоря, в структуре непосредственно воплощено собственное время системы. «То, что ...выходит из одной сферы производства как продукт, входит в другую сферу производства как условие производства, проходя таким образом последовательные фазы вплоть до окончательного изготовления в качестве потребительной стоимости. Здесь прошлый труд постоянно выступает как условие труда, выполняемого в настоящий момент.

Но *одновременно* с тем, как продукт передвигается таким образом из одной фазы в другую, как он прodelывает этот реальный метаморфоз, он производится в каждой отдельной фазе. В то время как ткач перерабатывает пряжу, прядильщик прядет хлопок, а новый хлопок-сырец находится в процессе своего производства.

Так как непрерывный, возобновляющийся процесс производства есть процесс воспроизводства, то он в такой же мере обусловлен и *сосуществующим трудом*, который одновременно производит различные фазы продукта, в то время как продукт прodelывает свои метаморфозы, переходя из одной фазы в другую. Хлопок, пряжа и ткань — все это производится не только одно после другого и одно из другого, но и производится и воспроизводится одновременно, рядом друг с другом»³⁹.

Отношение *одно после другого* снимается отношением *одно возле другого*. Поэтому последующее существует одновременно с предшествующим. Системное понимание производства есть понимание его как воспроизводства. В этом случае процесс производства берется «в его течении и в совокупности его условий, а не только в одном изолированном акте или в ограниченном пространстве»⁴⁰. Тогда-то и обнаруживается, что «это не только кругооборот через различные фазы, но и параллельное производ-

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 289. Там же.

ство товара во всех его фазах»⁴¹. По нашему мнению, закономерность, открытая К. Марксом на материале товарно-капиталистического производства, имеет общий характер. В органических системах последовательные процессы оказываются параллельными. Этот эффект необходимо возникает всюду, где есть цикличность процессов, т. е. в системах. В результате того, что процесс непрерывно воспроизводится, его различные последовательные этапы (фазы) существуют рядом и одновременно.

Пространственно-временная конфигурация системы — исторический результат ее становления и развития. К. Маркс отмечает: «Если один и тот же крестьянин сперва возделывает лен, потом делает из него пряжу, а затем ткёт, то имеет место последовательность этих операций, но не их одновременность, как это предполагает способ производства, основанный на разделении труда внутри общества»⁴². Как видим, временные отношения находятся в неразрывном единстве с пространственными. Тип временных связей зависит от степени структурной дифференциации процесса.

При таком подходе исследование пространственно-временных характеристик системы оказывается неразрывно связано с выявлением содержания ее структурной дифференциации в процессе развития.

§ 4. ЦЕЛОСТНОСТЬ И САМОДОСТАТОЧНОСТЬ

Необходимо различать абстрактное отображение системы и абстрактное состояние системы. Исходное состояние системы есть абстрактное, бедное состояние, однако оно может быть отображено полно, теоретически конкретно. И наоборот, зрелое, развитое состояние системы может быть представлено абстрактно — через понятие субстанции.

Действительное, т. е. диалектическое, тождество всегда конкретное тождество, тождество с различием. Поэтому в тождестве следует выделять момент различия и момент тождественности, совпадения сторон. Развитие исходного состояния системы приводит к нарастанию различий и

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 289. « Там же, с. 290.

вместе с тем к росту целостности системы. Несущественные различия становятся существенными, формируются собственно противоположности, однако именно противоположностям присуща взаимообусловленность. Именно возникновение противоположностей знаменует развитие системы в целостность. Как отмечал К. Маркс, в любой органической системе «каждое положение есть вместе с тем и предпосылка»⁴³. Развитие системы качественно изменяет характер присущего ей тождества. Непосредственное тождество, простая одинаковость, сменяется тождеством противоположностей. Теперь стороны суть то же самое, но в противоположном определении. Так, и капиталист и рабочий — моменты движения рабочей силы в системе буржуазного производства. Но капиталист — купля, а рабочий — продажа рабочей силы. Такое перевернутое тождество позволяет говорить о том, что стороны противоречия связаны зеркальной симметрией.

Конкретно-исторический подход является непреложным требованием системного исследования. Различные этапы развития систем дают возможность выделять типологически различные состояния, обладающие собственными специфическими законами. Как отмечал В.И. Ленин, «каждый исторический период имеет свои собственные законы»⁴⁴.

Особенно важно иметь в виду, что и целостность системы исторична: «...Система в ходе исторического развития превращается в целостность»⁴⁵. Поэтому целесообразно этапы предсистемы и собственно системы рассматривать в диалектическом единстве: «Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития»⁴⁶. Органические системы с этой точки зрения также представляют собой лишь определенный этап развития, а следовательно — лишь определенный *тип* систем.

На первоначальном этапе развития система выступает как непосредственное тождество самой себе. Однако это конкретное тождество, «тождество с различием». Логика развития состоит в постепенном нарастании различий, их обособлении, результатом чего является формирование

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 229.

⁴⁴ Ленин В. И. Поля. собр. соч., т. 1, с. 167.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 229. ⁴⁶ Там же.

Ы

противоположностей. Противоположности — это стороны системы, связанные отношением взаимоположения и взаимоотрицания. Это сложное взаимодействие противоположностей, или, как принято говорить, их «борьба», и выступает причиной, источником развития системы. Наличие такого взаимодействия позволяет фиксировать наличие системы как органического целого. Теперь каждая из сторон имеет свою предпосылку внутри системы, а это значит, что и система в целом имеет свои предпосылки внутри себя.

Процесс развития как бы замкнулся на себя, возникло кольцо причинного взаимодействия. Следствие выступает причиной собственной причины, благодаря чему возникает цикл, повторяющийся вновь и вновь.

Подобная взаимосвязь причины и следствия есть их всеобщая характеристика. Ф. Энгельс писал, что «причина и следствие суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю; но как только мы будем рассматривать этот отдельный случай в его общей связи со всем мировым целым, эти представления сходятся и переплетаются в представлении универсального взаимодействия, в котором причины и следствия постоянно меняются местами; то, что здесь или теперь является причиной, становится там или тогда следствием и наоборот»¹⁷. Однако отдельные случаи сходятся и переплетаются лишь в общей связи «со всем мировым целым». Иначе говоря, взаимообусловленность причин и следствий многократно опосредована. В системе же возникает частный, предельный вариант, когда эта взаимосвязь имеет непосредственный характер. Этот, казалось бы, простейший случай на самом деле весьма и весьма сложен. Фактически перед нами универсальная связь, которая как бы свернута, сжата, сконцентрирована в некоем отдельном объекте. Универсальная связь в ее целостности — связь, способная к саморазвитию, развертыванию, обогащению «из самой себя». Система с этой точки зрения есть функциональное подобие, своего рода изоморф универсума.

Важнейшей характеристикой системы является ее самодостаточность. Безусловно, самодостаточность системы — это не самодостаточность универсума. Никакая из

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, с. 22.

систем, существующих в объективном мире, не является абсолютно самодостаточной. Самодостаточность всякой системы есть ее способность к самовоспроизводству и саморазвитию в рамках данной качественной определенности. Самодостаточность ее лишь в том, что она *сама* существует *как таковая*. Основания же ее существования *вообще* лежат вне ее, в конечном счете — в мире как делом. Самодостаточность — это способность системы воспроизводить себя при наличии необходимых внешних условий.

У каждой системы есть своя материальная основа, которая выступает как предпосылка ее возникновения, воспроизводства (функционирования) и развития. Между субстанцией данной системы и материалом, на основе которого она существует, имеется необходимая взаимосвязь. Органическое единство материала и субстанции отображается понятием «субстрат». Система всегда существует на специфическом для нее субстрате. Субстрат — *тело* системы, та материальная основа, на которой осуществляется данный качественно специфический процесс движения. Субстрат, как всякое единство, различен в себе и является первоначальной основой для возникновения различий в самой системе. В свою очередь, и субстрат формируется в процессе формирования системы и развивается в процессе ее развития.

Так, социальная форма движения материи невозможна без биологии человека. По биология человека сама сформирована его социальным существованием. Ее непосредственная предшественница — биология предчеловека была предпосылкой, возможностью возникновения новой, качественно высшей биологии. Лишь возникновение общества стало способом воплощения этой возможности в действительность, лишь в обществе формируется тот специфический биологический субстрат, который является предпосылкой социального процесса, и вне его не существует. Анатомо-физиологические, биохимические и иные биологические особенности, присущие человеку, суть столько же предпосылка, сколько и результат его социального существования.

Итак, субстрат и субстанция составляют диалектические противоположности. Субстрат полагает данную субстанцию, а субстанция воспроизводит собственный субстрат. И генетически, и функционально система всегда

связана с внешним миром. Наличие внешних границ, внешних связей выражается прежде всего в том, что всякая система имеет специфический для нее субстрат. Будучи качественно иным по сравнению с системой, субстрат выступает как *иное*, но *свое иное* системы. Субстрат, в свою очередь, многократными опосредованиями связан с другими качественно специфическими формами, уровнями движения. Он, таким образом, лишь начало цепь многократных опосредований, которыми система связана с остальным объективным миром.

Отвлечение от субстрата при исследовании системы в принципе правомерно, но лишь в определенных пределах. Всякая попытка вообще оторвать систему от ее субстрата, абсолютизировать ее самодостаточность антиисторична. В каких пределах систему можно рассматривать в отвлечении от ее материала? По существу, в основе такого подхода лежит допущение, что материал обладает совокупностью характеристик, необходимых для функционирования и развития системы.

Однако в целом ряде ситуаций — и прежде всего при изучении развития систем — в поле зрения необходимо включить и материал — в частности, затем, чтобы проследить обратное действие системы на свой субстрат. Это важно, например, в ситуациях, когда это действие оказывается отрицательным. Так, в современных условиях возникла задача сохранения генофонда человечества путем защиты его от ущерба, наносимого социальными факторами — такими, как повышение радиоактивности, химические реактивы, алкоголизм и т. д. Актуальна также задача сохранения внешней природной среды — животного и растительного мира, пресной воды, чистого воздуха и т. д. Социально-классовые причины, порождающие подобные проблемы, показаны современными марксистами⁴⁸. В данном контексте важно подчеркнуть, что само возникновение подобных проблем прямо говорит о наличии существенной взаимосвязи между социальными процессами и их природной основой. Эта связь имеет место на всех этапах общественного развития и выражается, в частности, в том, что каждый такой этап опирается на

⁴⁸ Фролов И. Человек и его будущее.— Проблемы мира и социализма, 1978, № 10; Заглавии В., Фролов И. Мир на рубеже третьего тысячелетия.— Там же, 1979, № 9.

свой, специфический субстрат. Так, выделяются эпохи камня, бронзы, железа и т. д, в зависимости от степени развития социальной, и прежде всего трудовой, деятельности людей.

Субстрат обладает сложным внутренним строением. Упомянутые эпохи, например, выделяются лишь по преобладанию определенного материала в неорганической сфере субстрата, используемого для изготовления орудий труда. Вообще же тот или иной элемент субстрата обычно не исчезает: новое всегда как бы наслаивается на старое. Тот же камень давно перестал быть основным материалом для изготовления орудий труда, однако до сих пор широко используется в строительстве. Можно выделить определенные эпохи и по особенностям развития биологического субстрата социальной формы движения (биология человека, животные, растения, микроорганизмы), а также по особенностям субстрата в целом.

Из внешнего мира органическая система черпает и ассимилирует материал и энергию, необходимые для ее развития. Характер этой ассимиляции и определяет качественную специфику системы, а процесс ассимиляции выступает как основной внутрисистемный процесс. В этом смысле все системы являются открытыми. И хотя при решении определенных задач мы можем отвлекаться от этого и мыслить систему как закрытую, такое допущение неправомерно, если речь идет о системном, т. е. достаточно цельном и полном познании системы. Но если это так, то для всех реально существующих органических систем признак открытости сам по себе перестает быть специфической характеристикой. Это свойство непременно должно быть учтено в исследовании, но не может выступать как одна из существенных характеристик при теоретическом выделении системы. Важна не открытость как таковая, а тип открытости (закрытости). А это значит, что акцент должен быть сделан на фиксацию качественной определенности системы, основания которой лежат в ней самой. Следовательно, первоначальный этап системного вычленения системы требует раскрыть ее внутренние противоположности, а не внешние предпосылки. И лишь адекватная фиксация внутренних противоположностей позволит адекватно зафиксировать и внешние предпосылки.

Только выяснение способа, каким система ассимилирует среду (а эта ассимиляция есть момент внутреннего

самодвижения системы), дает возможность показать, что, собственно, является средой данной системы. Ибо «среда» — понятие функциональное, оно отображает ту часть объективного мира, с которой система связана как с собственной предпосылкой. Таким образом, понятие открытости выступает как одно из средств конструирования системы, но его роль сводится к тому, что исследование ведется на основе предварительно сделанного допущения, что весь системный процесс разворачивается при наличии соответствующих внешних условий. Анализ этих условий, однако, более поздняя задача.

Из сказанного следует, в частности, что важнейшим критерием выделения системы является доказательство самодостаточности исследуемого объекта. Пока самодостаточность не доказана, квалифицировать данный объект как систему было бы преждевременно, даже в случае, если некоторые внешние признаки цельности у него имеются. Как видим, принцип диалектического противоречия — главное средство описания не только внутренних, но и внешних связей системы.

Для фиксации диалектики внутреннего и внешнего можно использовать следующую терминологию. Собственную (внутреннюю) расчлененность системы обозначим как внутреннюю структуру, а связи со средой — как ее внешнюю структуру. Такой подход хорошо соответствует пониманию системы как звена, этапа в последовательном ряду усложняющихся уровней (форм) движения материи.

Понятие самодостаточности применимо к характеристике не только внешних, но и внутренних связей системы, в частности для описания пределов, степени, форм, зависимости отдельных процессов (структур) от их объективного основания⁴⁹.

Собственной системной основой для каждой частной структуры выступает предшествующая структура данной системы. Так, для политической структуры социальной системы такой основой является экономическая структура, в результате чего экономическая структура общества непосредственно определяет его политическую структуру.

⁴⁹ В этой связи представляется интересной мысль В. П. Кузьмина о системах с расширяющимся основанием и сменными структурами (см.: *Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса, с. 163—175).

Эта связь, как известно, зафиксирована в марксистско-ленинском учении об экономическом базисе и политической надстройке⁵⁰.

По нашему мнению, отношения базиса и надстройки специфичны не только для социальных систем. Базисно-надстроечные взаимосвязи присущи системам вообще. Они возникают во всех органических системах и воплощают в себе — разумеется, в снятом виде — генезис систем. На ^{наш} взгляд, применительно к системам можно говорить об особой форме детерминации, а именно — системной детерминации, под которой понимается замкнутая на себя причинно-следственная связь. Механизм системной детерминации наглядно проявляется в базисно-надстроечном отношении. Особенность базисно-надстроечной детерминации в том, что в этом взаимодействии имеется определяющая сторона, которая сама непосредственно зависит от определяемой. Новая надстроечная структура возникает на основе исходной базисной. Обособление отдельных внутренних опосредования исходной структуры ведет к появлению надстроечного отношения, которое по-прежнему выступает как посредствующее звено базисного процесса, но выполняет эту роль уже иначе. Структурно-функциональная обособленность этого опосредования, наличие собственных законов движения надстройки ведут к тому, что надстройка становится фактором, существенно модифицирующим движение базиса. В результате и движение системы в целом становится более сложным, более различным в себе. Внутреннее разнообразие системы позволяет представить ее как вероятностный процесс.

Диалектика базиса и надстройки включает в себя следующие основные моменты.

1. Базис *генетически первичен* относительно надстройки. Точнее говоря, отношение, выступающее как базисное, генетически первично. Базисом оно становится лишь с возникновением надстройки.

2. Базисное отношение *функционально определяет* надстроечное, которое в конечном счете является собственным, относительно обособившимся опосредованием базиса.

3. Надстроечное отношение обладает *относительной самостоятельностью*, так как имеет собственные внутренние опосредования, прямо детерминирующие его развитие.

О двояком понимании К. Марксом базиса см.: Кузьмин В-П. "Принцип системности...", с. 154.

4. Надстроечное отношение в силу своей относительной самостоятельности обладает *активной ролью* в отношении базиса. Надстройка оказывает на базис обратное действие, которое может весьма по-разному сказываться на его развитии.

Возможен, однако, такой тип отношений, когда производный уровень системы не выступает лишь как опосредование исходного, но подчиняет его себе и сам начинает играть ведущую роль. Его возможности и здесь зависят от структуры, лежащей в основании, но речь идет о том, какая из двух структур — первичная или вторичная — является функционально определяющей. Когда ведущей оказывается вторичная структура, представляется возможным говорить о переходе процесса в противоположность, о скачке. Так, кора головного мозга, возникая на основе предшествующих структур, в значительной мере подчиняет их себе, делает их средством своего собственного движения, *снимает* их в себе. Такого рода снятие — постоянный процесс, само существование коры неотрывно от подкорки. По существу, перед нами взаимодополнительные противоположности. Их системная связь, однако, сама определяется социальным существованием человека; иначе говоря, переход в противоположность связан с возникновением новой, качественно высшей системы.

К сожалению, в настоящее время отсутствует развитая терминология для обозначения двух указанных типов системного взаимодействия. Первый из них можно условно назвать положительным базисно-надстроечным отношением: первичная структура полагает вторичную. Второй тип можно назвать отрицательным базисно-надстроечным отношением: вторичная структура отрицает первичную. В случае, когда генетически поздняя структура становится в конечном счете функционально определяющей, снятое существование исходной структуры становится ее необходимой предпосылкой. Именно эта предпосылка определяет исходные возможности генетически высшего процесса. С другой стороны, она сама функционирует в том режиме, какой необходим для высшей структуры. «Диалектика вообще состоит в отрицании *первого* положения, в смене его *вторым*»⁵¹. Но осуществляется этот процесс <<с удер-

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 208.

донием положительного»⁵², а именно — с удержанием того способа функционирования, который оказывается пригоден для возникновения на его основе более сложного типа движения. Используя слова Гегеля, воспроизведенные в «Философских тетрадах» В. И. Ленина, можно сказать, что вторичная структура «содержит внутри себя» свое первое положение. «Тем самым первое, по существу, также *сберегается и сохраняется в другом*»⁵³. Каждый цикл функционирования (воспроизводства) системы есть как бы повторение ее генезиса.

Система формируется как иерархия непрерывно воспроизводящихся взаимодействий. В результате взаимообусловленность возникает не просто внутри отдельных взаимодействий, но между взаимодействиями. То, что в данном отношении является результатом, в противоположном — предпосылкой, и наоборот. Эта последовательная рефлексия в себя присущего данной системе взаимодействия составляет сущность системного развития. Степень взаимоопосредованности элементов определяет типологическую принадлежность соответствующей системы.

Глава II

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

И МЕТОД ВОСХОЖДЕНИЯ

ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

§ 1. ПОНЯТИЕ ФОРМАЦИИ И ЕДИНСТВО ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Открытие материалистического понимания истории явилось переворотом в развитии общественнознания, ознаменовало превращение социологии в науку. Ядро материалистического понимания истории — учение об общественно-экономической формации как закономерной стадии развития общества. В. И. Ленин писал, что «Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 207. Там же.

агрегат индивидов, допускающий всякие изменения гхо воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную ночву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»¹. Благодаря введению понятия формации К. Маркс смог представить общество как целостный, закономерно развивающийся *социальный организм*. Основой для введения понятия формации служат два принципа: материализм и историзм. В свою очередь, материализм и историзм обретают в понятии формации конкретную содержательность и доказательность. Материализм и историзм в понятии формации неразрывно связаны и взаимообусловлены. Как отмечает В. И. Ленин, именно материализм представляет собой «единственное научное понимание» истории².

Специфика исторического материализма в подходе к обществу определяется прежде всего тем, что исторический материализм — это философская наука. Исторический материализм рассматривает основной вопрос философии применительно к обществу и решает его вполне определенным образом — материалистически. Именно поэтому исторический материализм и определяется как распространение материализма на общественную жизнь. Для того, чтобы быть в состоянии охватить общественную жизнь, материализм должен опираться на принципы диалектики, идею внутренне противоречивого развития. Иная концепция попросту не сможет адекватно раскрыть взаимоотношения таких специфических для общества противоположностей, как материя и сознание, т. е. не сможет быть последовательно материалистической.

Исторический материализм впервые дает адекватную постановку основного вопроса философии. Адекватность постановки выражается в следующем: вне общества и помимо общества сознание не существует, поэтому только в обществе правомерно искать ответ на вопрос о его соотношении с материей. Но для того, чтобы этот ответ был материалистическим, необходимо само общество рас-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 139. ² Там же, с. 140.

считать как часть материального мира, закономерный этап его естественноисторического развития. В рамках материалистического понимания истории материализм *доказывается* на основе исторического подхода: сознание теоретически выводится из развития материального мира как имманентное свойство высшей, социальной формы движения материи. Доказательство вторичности сознания не единственный аспект диалектико-материалистического решения основного вопроса философии. На основе вторичности сознания относительно материи исторический материализм также раскрывает относительную независимость и активную роль сознания, чем обогащает, конкретизирует решение основного вопроса философии.

Учение об общественно-экономической формации и есть содержательно развернутое, действительно конкретное решение основного вопроса. Через диалектику таких категорий, как общественное бытие и общественное сознание, материальные и надстроечные отношения и т. д., исторический материализм показывает и вторичность сознания, и противоречивый характер его взаимосвязи с материей.

Поскольку свое содержательное воплощение материализм в применении к обществу находит в учении об общественно-экономической формации, постольку материалистическое понимание истории выступает как фило-софско-социологическая концепция, обладающая сложной, развитой структурой. Исторический материализм — социальная философия, но философия, имеющая не абстрактно-общий, а теоретически-содержательный характер. Иначе говоря, эта социальная философия выступает в роли социальной теории (теоретической социологии). К. Маркс и Ф. Энгельс выявили ряд наиболее важных противоречий — противоречие между производительными силами и экономическими отношениями, экономическим базисом и политической надстройкой и т. д., — и показали тем самым основные механизмы развития общественно-экономической формации как качественно-специфического социального организма. Диалектико-материалистическое понимание противоречий как собственных системных движущих сил находит воплощение в целой иерархии социологических категорий.

Понятие общественно-экономической формации задает *предметное единство* в подходе к обществу как объекту

исследования, сводя все многообразие социальных процессов к некоторым существенным инвариантным характеристикам. Историзм в подходе к общественной жизни порождает идею ее системно-генетической целостности. Материализм позволил расчленить общественные отношения на материальные и надстроечные, а «анализ материальных общественных отношений (т. е. таких, которые складываются, не проходя через сознание людей: обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение)— анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*»³. Субординация общественных отношений на основе принципа материализма — материальные отношения первичны, а надстроечные вторичны — в сочетании с диалектическим принципом саморазвития замыкает их в систему, где надстроечные отношения выступают как внутреннее опосредование отношений материального производства.

Очевидно, что введение такой сложной теоретической конструкции, какой является понятие формации, не может быть *исходным* пунктом познавательного движения в рамках исторического материализма. Конструирование этого понятия само есть результат осуществления целого ряда предварительных познавательных процедур, среди которых важную роль играет идеализация. Понятие формации соотносительно с понятием общественного отношения как сложной системы социальной деятельности, с членением общественных отношений на две диалектически противоречивых группы.

Сам способ выработки понятия «формация» предполагает использование в качестве средства понятия общественных отношений. В. И. Ленин отмечал, что идею «о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций» Маркс выработал «посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — отношений производственных, как

³ Ленин В. И, Поли. собр. соч., г. 1, с. 137.

основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения»⁵. Следовательно, для того, чтобы выработать понятие формации, необходимо иметь понятие общественных отношений, необходимо расчленить общественные отношения на производственные и надстроечные, и именно эта процедура позволяет представить общественно-экономическую формацию как диалектическое единство производственных и надстроечных отношений — при определяющей роли первых. Вместе с тем и понятие общественного отношения не может быть выработано безотносительно к представлению о наличии разных отношений, о их взаимодействии и единстве, составляющем систему, т. е. формацию. Перед нами как бы полюса, которые не существуют друг без друга. Иначе говоря, сложность *понятия* формации — это свернутая сложность *теории* формации. Тем более было бы неправильно ату теорию рассматривать как нечто непосредственное.

Разработанное классиками марксизма-ленинизма понятие общественно-экономической формации обладает огромной обобщающей силой. В. И. Ленин отмечал, что К. Маркс «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации»⁰.

Общественно-экономическая формация — это категория для фиксации общества как сложной саморазвивающейся системы, как социального организма. Это центральная категория исторического материализма. Если выделить в историческом материализме главное, то его вполне можно назвать учением о формациях как закономерных качественно специфических ступенях общественного развития.

Между тем в разработке теории общественно-экономических формаций как закономерных ступеней общественно-исторического процесса «наблюдается отставание»⁶. Сегодня общепризнано, что назрела задача не просто Уточнения содержания отдельных категорий исторического материализма, но разработки системы его категорий⁸ в виде единого логического целого. Как справедливо от-

; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1. с. 134. I Там же, с. 139. *О состоянии и направлениях философских исследований.*— Коммунист, 1979. № 15, с. 73.

мечает В. А. Демичев, «система категорий исторического материализма существует и не существует»⁷. Солидаризуясь с ним, В. С. Барулин пишет, что «в историческом материализме, к сожалению, не так уж много системных идей, которые могли бы стать базой плодотворного научного обсуждения»⁸. На наш взгляд, правильнее говорить не о недостатке системных идей в историческом материализме, но скорее о недостаточном осмыслении современными марксистами системной природы социально-философского наследия, оставленного классиками. Не пытаясь охватить все, отметим, в качестве примера, три, пожалуй, важнейших, момента.

1. Системная сущность исторического материализма воплощается прежде всего в трактовке формации как социального *организма*. Соответственно и наука о социальном организме должна быть построена как органическая система. Прежде всего это означает, что ее следует вывести из единого теоретического основания.

2. Классики показали, что единым основанием всей общественной жизни является сфера материального производства. Необходимо, следовательно, найти средства, позволяющие всю сложнейшую иерархию категорий марксистско-ленинской социологии свести к этому системообразующему элементу.

3. Классики раскрыли соотношение ряда подсистем формации, и прежде всего таких, как экономический базис и политическая надстройка, общественное бытие и общественное сознание: определяющая роль одной стороны, относительная самостоятельность и обратное действие другой. Думается, что перед нами не частный случай, а общий механизм системных связей, своеобразный функциональный инвариант, представление о котором может быть использовано как унифицированный принцип описания взаимосвязей самых различных подсистем (элементов) социального организма. Конечно, каждый раз эта схема

⁷ Демичев В. А. Общество как открытая саморегулирующаяся органическая целостность — исходная абстракция исторического материализма.— В кн.: Методологические проблемы исторического материализма. Барнаул, 1976. с. 37.

⁸ Барулин В. С. К построению системы категорий исторического материализма.— В кн.: Методологические проблемы общественных наук. М., 1979, с. 128.

должна модифицироваться, наполняться конкретным содержанием, однако ее использование намного повысит эффективность исследовательской работы. В основе этой *t* схемы — принцип диалектического взаимодействия: «Историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружа-

■ ющую среду и даже на породившие его причины»⁹. Чем

■ более опосредованы связи, тем сложнее их проследить. Поэтому до сих пор многие категории рассматриваются лишь в соответствии со своей парой, а их опосредованные связи, как правило, значительно менее ясны. Между

: тем уточнение непосредственных и опосредованных связей категорий — важное средство уточнения их содержания.

В этих условиях особое значение приобретает методологическое значение классического наследия, без освоения которого современные марксисты не могут успешно решать задачу дальнейшего развития исторического материализма. Важно видеть у классиков не только уже достигнутые рубежи, но и ориентиры дальнейшего познания исторического движения. В настоящее время имеется определенный конкретно-исторический, а значит преходящий, уровень системности в разработке исторического материализма. Оценивать его можно двояко: с точки зрения уже достигнутого и с точки зрения предстоящего.

Причины современной ситуации понятны. Как писал Энгельс, «это старая история: вначале всегда из-за содержания не обращают внимания на форму»¹⁰. Мысль Энгельса интересна и с логико-методологической точки зрения: очевидно, настало время обратить внимание на логическую форму исторического материализма. Однако «нередко еще можно слышать, что исследование категорий, тем более их системы,—это пройденный этап в науке и, хуже того, считается чуть ли не схоластикой»¹¹. Между тем онтологический аспект системных исследований находится в прямой зависимости от логико-гносеологического.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 84

¹⁰ Там же.

¹¹ Караваяев Г. Г. Исторический материализм — метод познания общественных явлений. М., 1973, с. 109—110.

Поэтому внимание специалистов все в большей мере обращается к вопросу о структуре исторического материализма¹². Обычно задача осознается как необходимость систематизации категорий исторического материализма.

В. И. Ленин подчеркнул, что «каждое понятие находится в известном отношении, в известной связи со всеми остальными»¹³. Оно существует лишь как элемент определенной научной дисциплины. Его содержание определяется не только содержанием отображаемого объекта, но и местом понятия в системе теоретического знания. Именно от этого зависит, какие стороны объекта будут зафиксированы в данном понятии. Именно поэтому его невозможно относить к действительности непосредственно: его содержание можно осмыслить лишь через посредство того предметного среза, который делает в объекте данная наука.

Установление связей понятий на основе принципа субординации (включающего, как свой момент, координацию) и составляет задачу систематизации понятий. Систематизация, таким образом, есть одновременно и выработка понятий, она представляет собой необходимый момент познавательного движения. «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, по объективны в целом, в процессе, в итоге..»¹⁴.

Принцип конкретности воплощается, в частности, в требовании выяснить все, в том числе и опосредованные, связи понятий. «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования“»¹⁵.

Как бы ни были сложны и опосредованы связи между понятиями исторического материализма, все понятия данной науки должны быть выведены из понятия общественно-экономической формации и соответственно сведены к нему.

¹² См., напр.: *Исторический материализм как наука*. М., 1974; *Актуальные проблемы развития исторического материализма*. (Материалы Всесоюзной научной конференции. М., 1972). М., 1974; *Методологические проблемы исторического материализма*. Барнаул, 1976; *Барулин В. С.* Соотношение материального и идеального в обществе. М., 1977.

¹³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 179, + Там же, с. 190.

¹⁴ Там же, т. 42, с. 290.

fir,

§ 2, ЕДИНСТВО ПРЕДМЕТА И МЕТОДА ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Ключевую роль в систематическом развертывании категорий исторического материализма играет логико-методологическое обоснование данной науки. Обоснование исторического материализма как единого целого — это прежде всего обоснование его предмета и метода, позволяющих зафиксировать единство объективного содержания и способа его отображения. В основе диалектического единства предмета и метода, в свою очередь, лежит противоречивая взаимосвязь объекта и познавательной задачи.

Объект — это сторона объективной действительности, выделяемая в практической деятельности субъектов. Несмотря на свою ограниченность в некотором определенном отношении, объект слишком сложен в себе, чтобы познание могло охватить его во всех связях и опосредованиях. Отдельные научные дисциплины выделяют лишь отдельные стороны реально существующих многообразных объектов. Сторону объективной действительности, изучаемую данной наукой, обычно и определяют как ее предмет. Важно подчеркнуть, что предмет — это сторона объекта, зафиксированная в основных понятиях данной науки. Категория «предмет науки» связана с фиксацией двуединства: системы объективно существующих закономерных связей и системы понятий, эти связи отображающих. Если понимать предмет науки как систему ее базисных понятий, то необходима специальная категория для фиксации объективной основы предмета науки. Предмет делает как бы срез в объекте, вычленив и фиксируя качественно специфический тип отношений. Каждая наука лишь более или менее адекватно воспроизводит объективно существующие законы в соответствии с идеализирующими допущениями, сделанными при формировании предмета.

Возникновение и развертывание предмета науки — результат активной конструктивной деятельности субъекта, направленной на теоретическое отображение законов действительности. Субъект конструирует понятия, в которых эти законы удается более или менее адекватно воспроизвести. Попятная реконструкция законов объективной действительности дает законы данной науки.

3*

67

Формирование как предмета, так и содержания науки в целом находится под воздействием двух противоречивых, взаимодополнительных факторов: объекта и познавательной задачи. Именно содержание познавательной задачи является критерием различения существенного и несущественного в объекте. Использование соответствующего задаче методологического инструментария приводит к предметной фиксации объекта. Развертывание возникшей таким образом исходной системы ПОНЯТИЙ опосредовано сложным взаимодействием с содержанием отображаемого объекта. Этот процесс и составляет реальный путь развития соответствующей научной дисциплины. Для понимания этого процесса, на наш взгляд, чрезвычайно важен анализ, проделанный В. И. Лениным в «Философских тетрадах», В этой работе В. И. Ленин цитирует Гегеля, утверждающего, что методом философской науки «может быть лишь природа содержания, движущаяся в научном познании, причем вместе с тем эта собственная рефлексия содержания сама впервые полагает и производит его определение»¹⁶. А далее следует ленинское обобщение: «Движение научного познания— вот суть»¹⁷. Однако это не абсолютное, совершенно самодостаточное движение научного знания — иначе необходимо возникла бы идея абсолютного знания, абсолютного духа и т. п. В. И. Ленин, разумеется, далек от подобной односторонности.

Конспект Предисловия к I изданию «Науки логики» содержит две взаимодополнительные идеи, раскрывающие научное познание как диалектически противоречивый процесс. С одной стороны, В. И. Ленин констатирует: «„Сам себя конструирующий путь“= путь (тут гвоздь, по-моему) действительного познания, познания, движения от незнания к знанию»¹⁸. С другой, отмечает, что концепцию Гегеля следует «перевернуть: логика и теория познания должны быть выведены из „развития всей жизни природы и духа“»¹⁹. В. И. Ленин «переворачивает» гегелевскую концепцию отнюдь не в аспектах, касающихся раскрытия диалектически противоречивых внутренних

¹⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 79.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 80.

¹⁹ Там же.

гсханнзмов теоретического познапня, Наоборот, Ленин всячески подчеркивает, что движение (по Гегелю—«царство») мысли следует представить «в его собственной имманентной деятельности п, что то же, в его необходимом иазвитии»²⁰. Объективность и доказательность философии не только по Гегелю, но и по Ленину,— лишь па этом *конструирующем самого себя* пути. В. И. Ленин «переворачивает» *онтологический* статус гегелевской концепции. Для гегелевского идеализма познание есть *самодостаточная онтология*: «движение сознания

подобно развитию всей жизни природы и духа" покоится ^{на} „натуре чистых сущностей, составляющих содержание логики"»²¹. Для диалектического материализма познание только элемент, подчиненный момент онтологии, выступающей как развитие «всей жизни природы и

духа».

Важно подчеркнуть, что в результате такого «переворачивания» диалектическая концепция познания не остается неизменной также и «в себе», она совершенствуется и углубляется. Логика и теория познания теперь должны охватить не только собственную, *внутреннюю* противоречивость познания, на чем акцентирует внимание Гегель, но и противоречивость взаимоотношений познавательного процесса с существующей независимо от него объективной действительностью.

Казалось бы, возникающая в результате позиция содержит несовместимые тезисы. С одной стороны, путь познания должен быть выведен («сконструирован») «из самого себя». С другой стороны, путь познания должен быть выведен из развития «всей жизни». Но это лишь кажимость. На самом деле здесь диалектически противоречивые, не взаимоисключающие, а взаимодополнительные утверждения. По существу, перед нами одна из тех антиномий, которые не тормозят, а двия^ут научное познание. «Философские тетради» по только объективно дают формулировку этой антиномии, но и содержат ее решение. Оно состоит в том, что *категории действительно должны конструироваться «одна из другой», но сообразно развитию объективного мира, который в них отражается*. «Отногаения(= переходы = противоречия) *ноня-*

;^o Там же, с. 81.

¹ См.: Ленин В. И. Полп. собр. соч., т. 29, с.

тин = главное содержание логики, **причем** эти понятия Си их отношения, переходы, противоречия) показаны как отражения объективного мира»²². Что касается Гегеля то он «гениально угадал в смене, взаимозависимости *всех* ПОНЯТИЙ, в тождестве их противоположностей в переходах одного ПОНЯТИЯ в другое, в вечной смене движении понятия **ИМЕННО ТАКОЕ ОТНОШЕНИЕ ВЕЩЕЙ, ПРИРОДЫ**»²³.

Итак, Ленин вслед за Гегелем подчеркивает, что познание движется «из себя», ХУЛ собственных внутренних противоречий, однако в противовес Гегелю показывает, что *не только* «из себя»: движущей силой познания в конечном счете является его противоречивая взаимосвязь с объективной действительностью. Такое переосмысление гегелевского подхода требует перестройки всей категориальной системы, в том числе введения ряда новых категорий. В этом плане особенно значимо осуществленное К. Марксом и Ф. Энгельсом введение в теорию познания категории «практика». Как неоднократно отмечал В. И. Ленин, «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»²⁴.

В методологическом плане принципиальное значение имеет следующий ленинский вывод: воспроизведя в содержании и взаимосвязях категорий законы объективного мира, «категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не „рассказывая“, не „уверая“, а доказывая), исходя из простейших основных (категорий.— В. Ф.)»²⁵. Применительно к общей теории развития В. И. Ленин тут же перечисляет такие «простейшие основные» категории, как «бытие, ничто, становление»²⁶. На наш взгляд, можно и нужно обсуждать, является ли это собственно ленинским решением вопроса или пере-числением, если угодно, «по аналогии» с гегелевским подходом. Видимо, диалектико-материалистическая трактовка требует не только «переворачивания» онтологического статуса соответствующих гегелевских категорий, но в соответствии с этим «переворачиванием» также и пере-

²⁵ См.: Ленин В. И. Шли, собр. соч., т. 29, с. 178.

²³ Там же, с. 179.

²⁴ Там же, т. 18, с. 145.

²⁵ Там же, т. 29, с. 86.

²⁶ Там же.

отра их «номенклатуры», содержания, взаимосвязей. Ситуация здесь подобна затронутому выше вопросу о ношении закономерностей познания. Очевидно и неоспоримо другое. В каждом конкретном случае, независимо от предмета идет речь о диалектике, гносеологии, социологии

т' Д- должны быть выделены «*простейшие, основные*» категории, которые выступают в роли *исходных* категорий науки, ибо последующие категории *выводятся* из них, причем выводятся не спекулятивно, а доказательно.

Метод исторического материализма индивидуален, как и метод любой другой научной дисциплины. Его специфика неотрывна от специфики объекта и познавательной задачи этой науки и непосредственно воплощается в формировании предмета и развертывании всего содержания исторического материализма.

Системное исследование социальной деятельности и системное развертывание исторического материализма неразрывно связаны. Нельзя построить исторический материализм как систему, не используя категорию деятельности. И наоборот, нельзя системно представить социальную деятельность, не строя исторический материализм как систему. Поэтому рассмотрим вкратце вопрос о принципах выведения категорий марксистско-ленинской теоретической социологии.

Объект исторического материализма — это общество как специфический тип объекта, или социальная форма движения материи. В первом определении содержится прежде всего лишь простое указание на объект. Использование понятия «социальная форма движения материи» для характеристики общества как качественно специфического уровня развития объективного мира уже вносит определенную конкретизацию: таким образом очерчиваются общие границы онтологии, в рамках которой идет разработка предмета исторического материализма. Такой подход определяет и содержание познавательной задачи, которая состоит в раскрытии наиболее общих законов формирования, развития и функционирования общества как наиболее сложной системы объективного мира. Эта задача определяет специфический взгляд исторического материализма на реальную действительность, ту познавательную призму, в которой преломляется объект данной науки. Однако познавательная задача действует не как таковая: для достижения цели нужны адекватные ей

Средства. Содержательной основой для разработки исторического материализма и его ядра — понятия общественно-экономической формации является материалистическая диалектика как наиболее общая теория развития. В этом состоит одно из реальных проявлений единства диалектического и исторического материализма. В свою очередь выявление специфических особенностей социального движения — важный источник обогащения диалектики.

Для того, чтобы материалистическая диалектика могла выполнить свою методологическую функцию в отношении исторического материализма, необходимо законы диалектики, отображающие объективную действительность, переформулировать в познавательные регулятивы, т. е. представить диалектику как *методологию* научного познания.

Методологической конструкцией, которая способна обеспечить решение познавательной задачи исторического материализма, является метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Поскольку постановка вопроса о разработке исторического материализма на основе метода восхождения²⁷ отнюдь не получила пока общего признания, представляется целесообразным дать хотя бы краткое обоснование правомерности предлагаемого подхода. Конечно, главное доказательство эффективности метода — это сам факт его успешного применения. Однако построение категориального аппарата исторического материализма на основе принципов восхождения — задача такой степени сложности, что она может быть делом лишь коллективных усилий. В данной книге обсуждается ряд аспектов применения этого метода в связи с разработкой категории «социальная деятельность». Здесь уместно хотя бы очертить контуры подхода, чтобы привлечь внимание исследователей к самой проблеме. Независимо от степени успешности данной попытки, выскажем те представления, которые позволяют считать использование метода восхождения в систематической разработке исторического материализма объективно возможным, необходимым и крайне актуальным.

²⁷ См.: *Фофанов В. Я.* Исторический материализм и метод восхождения от абстрактного к конкретному. — Методологические проблемы науки, вып. 1. Новосибирск, 1973,

По нашему мнению, метод исхождения не что иное, -ак система основных положений материалистической диалектики, переформулированных в познавательные предписания. Особо важную роль в формировании структуры метода играет ядро материалистической диалекти-кц — закон единства и борьбы противоположностей.

Цель метода восхождения — теоретическое отображение общих законов жизни сложных саморазвивающихся систем. Поэтому материалистическая диалектика, раскрывающая наиболее общие законы самодвижения и выступает как единственно возможная теоретическая основа разработки этого метода. Характер цели прямо определяет характер топ теории, которая может быть использована в качестве средства ее достижения. Так, степень общности исходной задачи предопределяет соответствующую степень общности теории, при помощи которой эта задача решается.

Выполнение методологической функции требует структурного преобразования теории. Однако содержание конкретных требований метода восхождения от абстрактного к конкретному определяется содержанием соответствующих положений материалистической диалектики как теории саморазвития. Так, задача выбора «исходной клеточки» восхождения, по существу, есть требование фиксации того конкретного тождества, которое представляет собой исходный этап развития основного противоречия системы. Задача фиксации собственного основания системы — задача раскрытия взаимообусловленности сторон дапного противоречия. Наконец, сама задача выделения системы — это задача вычлепения некоторого диалектического противоречия в его целостности.

Метод восхождения занимает важное место в стукту-ре диалектической логики. Материалистическая диалектика и диалектическая логика в рассматриваемом аспекте их взаимосвязи выступают как противоположности, качественно различающиеся по их роли, а следовательно, и месту в системе научной деятельности. Первая является продуктом одного, вторая — средством другого Цикла познания. Возможны и ситуации иного рода, когда - их функциональные взаимоотношения будут, например» прямо противоположны. Здесь, однако, незачем проследивать все возможные типы их взаимодействия. Для **данной работы достаточно зафиксировать наличие такого**

взаимодействия материалистической диалектики и диалектической логики, в котором они фактически предстают как разные полюса единой системы, развивающиеся через переход в свое иное, в свою диалектическую противоположность и благодаря этому обслуживающие потребности научного познания.

Как известно, К. Маркс не оставил специальных работ по диалектической логике, однако он дал блестящий образец применения метода восхождения к исследованию системы капиталистических экономических отношений, показал «всю капиталистическую общественную формацию как живую»²⁸. Но, поскольку «диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики», постольку возникает задача реконструкции метода восхождения в его всеобщей форме. В последние годы советские исследователи уделяют все возрастающее внимание разработке общей теории метода восхождения от абстрактного к конкретному, опираясь при этом главным образом на опыт применения его в «Капитале», поскольку этот метод был систематически реализован лишь в данной работе — в построении политэкономии капитализма³⁰. К сожалению, две другие составные части марксизма — философия и научный коммунизм — не получили в трудах классиков той же степени теоретического развертывания. Осуществление этой работы, по моему мнению, настоящая задача наших дней. В настоящее время также обсуждаются возможности и предпринимаются попытки применения метода восхождения в политэкономии социализма, биологии и некоторых других науках³¹.

Не пытаясь дать обобщенной характеристики метода, остановимся на тех основных его составляющих, которые необходимы для системного рассмотрения социальной деятельности.

²³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 139.

²⁹ Там же, т. 29, с. 318.

³⁰ Об опыте применения К. Марксом метода восхождения от абстрактного к конкретному при построении политической экономии капитализма см.: Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960; Вазюлин В. Л. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968; Оруджев З. М. Единство диалектики, логики и теории познания в «Капитале» К. Маркса. Баку, 1968; и др.

³¹ См., напр.: Федоренко Я. Я. К вопросу о «клеточке» социалистического производства, — Вопросы философии, 1978, № 4.

T'

Метод восхождения отнюдь не абсолютное, универсальное средство получения научной истины. Пределы его применения вполне определены. Специфика метода восхождения в том, что он ориентирован на системно-диалектическое отображение системных объектов — в отличие от более частных методов, раскрывающих те или иные отдельные стороны объективно существующих систем. Следует подчеркнуть: метод восхождения нужен не просто там, где познание имеет дело с системами как объектами познания, а там, где стоит специальная задача познания общих законов формирования, функционирования, строения, развития и прехождения сложной системы. Там, где ставятся более частные задачи, использование этого метода неуместно. Подобно тому как система законов диалектики не воплощается в своей полноте в любом отдельном фрагменте действительности, так и метод восхождения неприменим к изучению тех ее фрагментов, где развитие не выступает достаточно цельно, в виде того или иного единства противоположностей. Частичные объекты для него недоступны.

Вместе с тем диалектические закономерности, пусть лишь в той или иной степени, лишь более или менее полно, проявляются в любом фрагменте действительности. Поэтому различные аспекты методологии восхождения могут быть использованы и на самом деле повсеместно используются в теоретическом познании. Так, диалектика абстрактного и конкретного, на наш взгляд, одна из всеобщих характеристик теоретического познания. И хотя свое наиболее полное развертывание она получает в рамках метода восхождения, тем не менее в специфических формах она имеется в самых разных науках.

Исходя из понимания логического как очищенного от случайностей исторического, можно утверждать, что метод восхождения раскрывает не историю, а логику, объективную необходимость развития системы. Поэтому его, в отличие от исторического метода, обозначают термином «генетический». Однако цель достигается отнюдь не прямолинейным движением от исходного пункта к зрелому состоянию, а затем и к прехождению системы. Познавательное движение отнюдь не во всем совпадает с действительным развитием системы. Поскольку это так, метод может быть назван псевдогенетическим. Если, однако, учесть, что речь идет лишь о внутренних механизмах

метода, лишь о средствах решения основной — генетической — задачи, то будет точнее говорить о псевдогенетическом подходе как внутренней, снимаемой целым, противоположности в рамках единого процесса генетической реконструкции объекта.

Назовем два основных случая псевдогенетического движения.

1. Метод восхождения раскрывает структуру и закономерности функционирования системы на основе представления о ее генезисе. Генезис на определенном этапе исследования вообще не выступает как самостоятельная задача: генезис только средство фиксации объекта в некотором его качественно специфическом состоянии.

2. Познавательное движение идет от зрелых состояний к исходным.

О том, насколько значим такой подход, свидетельствуют широко известные слова К. Маркса, что «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»³².

Наконец, если необходимо подчеркнуть не только способ подхода к объекту, но и специфику самого объекта, метод восхождения может быть назван системно-генетическим.

Рассмотрим основные этапы системного представления объекта в рамках процесса восхождения. Речь здесь идет лишь о сущности процесса, тогда как многие, особенно промежуточные и подготовительные, звенья опускаются. Вместе с тем следует подчеркнуть, что даже самая полная общая характеристика метода восхождения не раскрывает бы действительных путей его применения в той или иной науке. Субординация отдельных познавательных приемов окончательно определяется не общими принципами, а содержанием конкретной познавательной ситуации. Логика познания, как всегда, не совпадает с реальной историей.

Общеизвестны такие черты метода восхождения, как развитие категорий от простых к более сложным, от абстрактных к конкретным в процессе теоретического воспроизведения объективных закономерностей развития, усложнения изучаемого объекта. Много внимания уделяется раскрытию внутренней сложности исходного «простейшего» отношения системы. Однако зачастую вне поля

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 42.

зрения методологов остается исходная операция — выявление субстанционального единства³³ «клеточки», а отсюда и всей системы.

На наш взгляд, познание может быть сведено к одной простейшей процедуре — сравнения, которое состоит из двух противоречивых моментов: отождествления и различения. Средством сравнения является прошлое знание, результатом — новое знание, которое есть по сути иное, как исходное знание, модифицированное применительно к познаваемому объекту. Этот механизм имеет всеобщий характер, он действует не только в науке, но также, например, в искусстве.

Все различия, в том числе и различия, доходящие до противоположности, могут быть заданы лишь на основе предварительно обнаруженной тождественности.

В процессе диалектического познания сравнение многократно рефлексировано в себя, поэтому можно выделить ряд взаимодополнительных процедур отождествления и различения. Сравнение есть та простейшая клеточка познания, которая весьма по-разному развертывается в различных видах познания — обыденном, художественном, научном и т. д. Внутри научного познания этот механизм также действует каждый раз в специфическом виде, в зависимости от конкретной ситуации. В данной работе представление о сравнении как диалектическом единстве отождествления и различения используется в качестве средства для характеристики метода восхождения.

§ 3. ДВА ВИДА ВОСХОЖДЕНИЯ

Метод восхождения включает в себя два основных этапа: восхождение от конкретного к абстрактному и восхождение от абстрактного к конкретному. К. Маркс писал, что на первом пути полное представление о реально существующем конкретном живом целом превращается в абстрактные определения, а на втором пути «абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления»³¹. Поэтому «метод восхождения

и 9^{Мг}. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 58—59. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 37.

от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное»³⁵. Сущность первого этапа — редукция эмпирического материала к понятиям, выделяющим абстрактные всеобщие отношения. Сущность второго этапа — выработка и развертывание системного представления о целом. Абстрактные всеобщие определения здесь организуются в систему. Затем, посредством непрерывной ассимиляции эмпирического материала, теоретическая система развертывается во все более полное, все более конкретное отображение реально существующей системы. Первый этап, таким образом, лишь предпосылка восхождения в собственном, узком смысле слова — как движения от теоретически абстрактного к теоретически конкретному³⁸.

По нашему мнению, наука проходит два основных этапа развития: допредметный и предметный³⁷. Первый из них — подготовительный. Второй — собственно научный. Обычно представление о науке и связывают именно с этим этапом. Познание начинается с первичных расчленении объекта, которые в конечном счете и дают мыслительный материал, необходимый для формирования предмета науки. Первый этап осуществляется преимущественно стихийно: ученые не видят целого, не видят, следовательно, и действительного значения полученных ими результатов, которые можно адекватно оценить лишь с точки зрения представления о целом. Второй этап осуществляется в конечном счете созпательно. Рефлексивность как специфическая черта научного познания прояв-

³⁵ Там же, с. 37—38.

³⁶ О диалектике двух этапов восхождения см., в частности: *Нарский Я. С., Левин Г. Д.* Принцип восхождения от конкретного к абстрактному.—В кн.: *Диалектика научного познания.* М., 1978, с. 167—183; *Азудов В. В.* Восхождение от абстрактного к конкретному.— Там же, с. 184—207.

³⁷ В социальном познании переход от допредметного к предметному непосредственно обусловлен классовыми интересами и находится в тесной связи с научным и квазинаучным развитием теории. Подробнее об этом см.: *Фофанов В. П.* О влиянии идеологической функции обществоведческих теорий на их структуру.— В кн.: *Методологические проблемы развития науки и культуры.* Куйбышев, 1976.

ляется здесь в иолийй мере. В этом смысле предметный и допредметный этапы качественно различны. Возникновение предмета — это *скачок* в развитии науки, этот процесс знаменует возникновение данной научной дисциплины в собственном смысле слова. Однако было бы чрезмерным огрублением рассматривать первый этап как внена-учный. Как всякое становление, этот период есть единство различного. Он уже включает в себя целый ряд абстракций данной науки, хотя они еще и не организованы в целое. Здесь возникают и накапливаются представления о действительно системных связях этих абстракций.

Важная особенность допредметного существования понятий состоит в том, что их содержание зачастую остается неуточненным. В их трактовке заметны остатки обыденного подхода. Связи между понятиями зачастую не фиксируются в явной форме. Даже если понятия определены, а их связи установлены, познавательное значение различных фрагментов допредметной теории может быть весьма различным. Они могут фиксировать существенные характеристики объекта, но рядом с ними обычно находятся понятия, которые фиксируют лишь его видимость. Так, Маркс отмечает, что, например, Л. Смит зачастую смешивает «определение стоимости количеством труда, затраченного на производство товара, с определением товарных стоимостей стоимостью самого труда»³⁸. Поэтому в процессе формирования целостного представления об объекте судьба допредметных понятий оказывается весьма различной. Одни отвергаются, как квазитеретические, т. е. фиксирующие в рационализированной форме иллюзии обыденного сознания. Другие частично уточняются, переосмысливаются. Третьи, казалось бы, не претерпевают существенных изменений в своем содержании, однако включение их в теоретическую систему, безусловно, существенно меняет их познавательную нагрузку.

Входя в состав органической теоретической системы, допредметные понятия могут занимать в ней весьма различные места. Одни ложатся в ее основу, выступая в качестве исходных. Другие, в том числе и казавшиеся ранее непосредственными, вводятся путем многократных теоретических опосредования. Допредметные характеристики

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 56.

объекта могут быть по видимости чрезвычайно близки к предметным, но разница между ними именно качественная. Допредметные определения дают, говоря словами К. Маркса, «хаотическое представление о целом», а предметные — системное. Субординация и координация до-предметных определений, даже если они содержательно адекватны объекту, не соответствует координации и субординации воспроизведенных в них отношений. В предметном отображении объекта все поставлено «на свое место». И содержание категорий, и их взаимные переходы адекватны объекту — разумеется, в специфических пределах данного предмета. J

После своего возникновения предмет проходит ряд фаз развития. Предметную природу имеют те понятия данной науки, которые фиксируют ее объектную основу как целое. Они могут делать это с большей или меньшей степенью абстрактности и конкретности, однако для каждого уровня развития науки именно эти понятия выступают в качестве основы для выведения всего последующего. В науках типа исторического материализма базисная система понятий проходит через несколько последовательных фаз конкретизации (развертывания) на основе постоянного эмпирического обогащения первоначально введенных абстрактных схем.

Очевидно, что такой результат не может быть непосредственным. Адекватная объекту определенность и иерархия категорий достигается в процессе осуществления ряда специальных познавательных процедур. Так, этап допредметного расчленения системы капиталистических экономических отношений охватывает период развития буржуазной политэкономии с XVII до середины XIX в. Первоначальные расчленения эмпирически данного объекта и породили те исходные абстракции, которые легли в основу следующего этапа. Формирование предметного этапа, ознаменовавшее возникновение действительно научной политэкономии, было результатом теоретической деятельности Ф. Энгельса и в решающей степени — К. Маркса. Процесс развертывания данного научного предмета потребовал сорока лет жизни К. Маркса³⁹ и продолжается в трудах современных марк-

³⁹ См., напр.: *Выгодский В. С.*, К истории создания «Капитала». М., 1970.

слетов, хотя бы уже потому, что живет объект отображения — система буржуазных экономических отношений.

Два этапа восхождения представляет собой не что иное, как наглядный пример диалектики предметного и допредметного развития науки. В рамках этого метода средством организации исходных несистемных расчленений объекта является принцип развития. Поэтому восхождение в узком смысле начинается с того момента, когда удается зафиксировать объект как развивающееся единство.

Развитие есть изменение, поэтому зафиксировать объект как развивающееся единство значит зафиксировать его как единство тождественного и различного. Различие здесь — появляющееся, возникающее: различие как процесс и результат развития. Если так, то исходным оказывается единство, которое содержит в себе различие и поэтому выступает как источник развития системы. Соответственно на каждом этапе развития система есть единство, опосредованное внутренним различием. Поэтому на каждом этапе движения от абстрактного к конкретному объект должен быть представлен двояко: как тождественный себе и как различный внутри себя. Синтез этих определений дает теоретически единую картину.

Весь процесс восхождения состоит из ряда переходов в противоположность — от тождественности к различию, причем первым шагом на этом пути является обнаружение качественного единства объекта, фиксация его себе-тождественности (субстанции).

Фиксация системы как целого — принципиально важный этап. Здесь происходит отвлечение от ее внутренних различий, внутренних опосредований. Хотя, конечно, подразумевается, что перед нами сложный объект, на данном этапе он фиксируется в его самотождественности, равенстве себе. Разумеется, решение данной задачи предполагает осуществление ряда предварительных процедур. Так, фиксация качественной определенности данной системы есть одновременно фиксация ее качественной специфики относительно других систем. Конечно, характеристика этой специфики во всей ее конкретности достигается лишь в конце исследования. Тем не менее на определенном уровне приближения она должна быть зафиксирована изначально — уже для того, чтобы выделить систему как целое.

Выделение субстанции тесно связано с задачей эмпирического распознавания — как на этапе формирования теоретической конструкции, так и на этапе ее использования для описания отдельных объектов. Если адекватное теоретическое выделение субстанциональной определенности того или иного целого не достигнуто, почти неизбежно возникает ряд типичных ошибок. Во-первых, это неполно-та выделения системы, когда некоторые фрагменты объективно существующего и теоретически воспроизводимого целого остаются понятийно не выделенными, теоретически не распознанными как образования, относящиеся именно к данному целому. Вторая типичная ошибка в ходе выделения систем — это отнесение к данной системе таких объектов, которые специфическим для данной системы качеством не обладают и, следовательно, к данной системе не относятся.

Причина ошибок в том, что нет критерия распознавания, относится данное образование к данной системе или не относится. Точнее говоря, эти критерии смещены. Так, в их число могут попасть характеристики, присущие элементу как элементу *данной* системы, и специфические характеристики, присущие ему как *особенному* элементу данной системы. Те и другие являются собственными характеристиками элемента, но имеют совершенно разное значение для понимания целого. Вторая категория признаков связана как раз с модифицированностью субстанции, являясь выражением ее ограниченного относительно целого существования в каждом из элементов.

Выделение субстанции создает возможность перехода к следующему этапу — к выявлению внутренних различий в первоначально установленном тождестве. Действительное познание ищет «вечное в преходящем»⁴⁰, поэтому и различия должны быть зафиксированы как «вечные >> относительно системы, как ее устойчивые, себестождественные различия. Система есть процесс, поэтому устойчивость различий — результат их постоянного воспроизводства. Воспроизводство в системе — это самовоспроизводство. Таким образом, речь идет в конечном счете о выделении элементов системы. В системном познании различие выступает как структурирование.

⁴⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 548,

Каким же образом осуществляется структурирование системы?

Система — сложное целое, обладающее качественным единством и специфическими различиями *внутри* единства. Понятие субстанции фиксирует ее единство как простое, себестождественное единство. Необходимы дополнительные процедуры для раскрытия его внутренних различий. По существу, на решение этой задачи направлено все дальнейшее развертывание теории: оно состоит во введении все новых и новых спецификаций в рамках исходного единства. В этом смысле все последующие этапы как бы противостоят первичному, снимают его. Однако противоположности взаимопроникают: каждая из них содержит другую в себе. Все последующие различения вводятся на основе первоначально зафиксированного тождества. Таким образом, исходная конструкция не исчезает, она воспроизводится на каждом этапе восхождения, хотя и в модифицированном виде. Но как на последующих этапах все различения содержат в себе тождество, так и на исходном этапе тождество должно содержать в себе различие. Любой качественно определенный объект — момент развивающегося мира, момент соответствующего процесса развития. Исторический подход необходим всюду, в том числе и в отношении ставших и, казалось бы, пребывающих в неизменности объектов. Даже объект как таковой, в его неизменности, себестождественности, есть результат развития. Он обладает генетическим единством с теми процессами (объектами), продуктом развития которых является. Поэтому его тождественность *себе* должна быть представлена как тождественность *другому*, а именно — определенному процессу развития. Чтобы объект специфицировать, его надо предварительно отождествить с определенным генетическим рядом, найти его *генетически общее*.

Если структуру представить как последовательность дискретных состояний, то каждый элемент выступит как единство общего и специфического по сравнению с предшествующим состоянием. Структура определяется развитием, она *снятый генезис* системы. Поэтому специфику каждого элемента можно вывести лишь путем фиксации его тождественности генетически предшествующим элементам, в конечном счете — исходному состоянию системы.

Задача, следовательно, состоит не просто в том, чтобы *свести*, последующее к исходному, но *вывести* последующее из исходного. Каким же образом это можно сделать, если исходное состояние зафиксировано только в абстрактном виде, только в себестождественности? Эта позиция позволяет сводить последующее к исходному единству, но еще не дает возможности для теоретического выведения различий, возникающих в процессе развития системы. Для того чтобы проследить развитие различий, они также должны быть зафиксированы изначально.

Это означает, что исходный пункт восхождения не может сводиться лишь к выделению субстанции как себестождественности системы. Для того чтобы иметь возможность конкретно-теоретического выведения исторически возникающих различий, необходимо первоначально ввести понятие, которое фиксирует присущие системе различия на том же самом уровне абстрактности, как это сделано в понятии субстанции с ее себестождественностью. Введение представлений о внутренних различиях системы не может быть чисто дедуктивным. Эти различия возникают исторически, существуют как эмпирическая данность, и в теоретическую конструкцию их можно ввести только путем ассимиляции эмпирического материала.

Исследователь активно ищет эмпирический материал, *строит факты*, которые позволяют развивать, специфицировать теоретическую схему. Например, обращение первоначально задано у К. Маркса как простое тождество себе. Расширенное обращение, т. е. обращение не тождественное себе, нельзя вывести отсюда лишь «умозрительно». Между тем «капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении»⁴¹. Обращение — это именно то отношение, на основе которого возникает капитал. Но пока оно зафиксировано абстрактно, как обращение вообще, вывести из него капитал невозможно. В действительности обращение непрерывно расширяется, обогащается. Значит, за объяснением этого эффекта надо обратиться к самой действительности. И Маркс пишет: «...Извлечь стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся

⁴¹ Маркс П., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 17С.

лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости...»⁴². Точно так же исследователь решит свою задачу только в том случае, если сумеет обнаружить этот особенный товар — и тем самым зафиксирует обращение как особенное, специфическое обращение. Как известно, Марксом был обнаружен «этот своеобразный товар, рабочая сила»⁴³. Это и есть факт, положенный в основу дальнейшего развертывания концепции. Основа всего дальнейшего теоретического движения — «специфический товар; это — способность к труду или рабочая сила»⁴⁴.

Но что является средством ассимиляции эмпирии в теоретическую конструкцию? Чтобы ввести в состав теории понятие «товар рабочая сила», надо было предварительно иметь понятие «отдельный товар», или, что тоже самое, «специфический товар вообще». Это обстоятельство ускользает от взора в силу своей очевидности. Между тем оно имеет принципиальное значение.

Введению понятий о тех или иных конкретных специфических различиях предшествует общее представление о существовании таких различий. Оно фиксируется в абстрактно-общем понятии об *отдельном* элементе системы. Понимание целого как единства отдельных составляющих предполагает в каждом отдельном не только наличие всеобщих характеристик системы, но также наличие характеристик специфических. Именно категория *отдельного* предназначена для фиксации единства общего и специфического. Уникальное сочетание общего и специфического полагает границы отдельного, его отделимость, *отдельность* от прочего. Элемент есть генетически возникающее отдельное. Поэтому элемент можно определить как отдельное в рамках данного качественно единого целого. В этом отдельном и общность, и специфика суть результаты развития исходного состояния данного процесса. Система качественно специфична, поэтому она — отдельное. Наличие внутренней специфики, специфики одного относительно другого *внутри* системы,

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 177.

⁴³ Там же, с. 181. ⁴⁴ Там же, с. 178.

в свою очередь, предполагает наличие внутренних от-дельностей, т. е. элементов.

Фиксация внешних границ элемента неразрывна с фиксацией его внутренней определенности. На первом этапе восхождения она не может не быть абстрактно-общей. Таким образом, речь идет о необходимости введения абстрактного представления об элементе системы как таковом, в отвлечении от специфических различий конкретных элементов. Только наличие абстрактного понятия элемента системы создает возможность перейти к введению понятий о конкретных элементах системы. Обозначим абстрактное понятие элемента термином *изоморф*. *Изо-морф* — это понятие, в котором различия системы фиксируются как тождественные себе, иначе говоря — фиксируются различия, инвариантные для данной системы. *Изоморф*, таким образом, абстрактная характеристика по только отдельного элемента как такового, но и системы в целом. Понятие *изоморфа* может быть использовано при описании элементов данной системы на уровне их конкретного представления.

Различия системы тоже различны. Они нарастают по мере развития системы. Чем сложнее система, тем сложнее, дифференцированнее и присущие ей различия. Несмотря на это они могут быть сведены к простейшей себетождественности. Можно выделить такие различия, которые есть во всех элементах системы и тем самым составляют один из моментов ее качественной определенности.

Единство субстанции как простой тождественности системы себе и *изоморфа* как тождественных себе внутренних (специфических) для данной системы различий создает *конкретное тождество*. Понятие о конкретном тождестве, т. е. тождестве с различием, и способно выступать в качестве отправного пункта восхождения.

Подводя итог, можно выделить следующее сочетание процедур, необходимых для того, чтобы начать восхождение от абстрактного к конкретному. Во-первых, необходимо зафиксировать тождественность системы с самой собой, что достигается введем понятия субстанции. Во-вторых, необходимо задать различия в этой тождественности, что достигается введением абстрактного понятия элемента системы. Эти операции противоположны, но противоположности взаимопроницают. Субстанция

включает в себя различие, хотя и снимает его в единстве. Изоморф фиксирует различия лишь в их себестоимости, лишь в их абстрактном равенстве друг другу.

Структурная тождественность элементов имеет абстрактный характер, и ее фиксация лишь момент движения через абстрактное к конкретному. Конкретным же является изображение элементов не только в их общих для всей системы чертах, но и к собственным, специфическим особенностям'.

Таким образом, структурирование системы включает в себя разнопорядковые процедуры. Во-первых, конструирование абстрактной модели типичного для данной системы элемента. Во-вторых, вычленение, на этой основе, реально существующих элементов системы. Конечно, прообразом, средством для конструирования абстрактной модели является эмпирический материал, те или иные представления о различных реальных элементах. По сконструированная, она становится средством унифицированного описания всех отдельных элементов, в результате чего представление об их различиях вводится на основе исходно зафиксированного тождества.

Итак, восхождение в узком смысле слова включает в себя два принципиальных этапа. Во-первых, вычленение системы как целого. Во-вторых, структурирование этого целого. Сначала система предстает как абстрактное целое, затем, через структурирование,—как конкретное, внутренне расчлененное целое. Каждый из этих этапов включает в себя свою противоположность. Абстрактному целому -противостоит объект как эмпирически конкретное целое. Конкретному дифференцированному отображению системы противостоит ее абстрактно дифференцированное отображение (изоморф).

Диалектическая концепция систем требует при конструировании представления о целом задавать не отдельные элементы, на которые затем накладывается определенное отношение, а, наоборот, задавать взаимодействие (отношение) элементов. Это значит, что элементы изначально должны быть представлены в той взаимообусловленности, вне которой они по существу как таковые. Одна логика такова: есть непосредственно наличные отдельные объекты, которые объединяются «системной» связью, в результате чего они и выступают как элементы Данной системы. Другая логика противоположна:

ты выводятся из целого. Из чего же они могут быть выведены? Лишь из некоторого предшествующего целого, т. е. они могут быть заданы лишь как *становление*. Попытка пойти этим путем увела бы в дурную бескопечность. Поэтому генезис не реконструируется каждый раз непосредственно, а *снимается* в абстрактности исходных понятий.

Абстрактное представление о целом находит свое обоснование не в предпосылках, а в результате. Не анализ предпосылок и механизмов возникновения данного целого, а его развернутое теоретическое представление является окончательным доказательством того, что исходное абстрактное представление адекватно объекту.

Абстрактно-общее представление системы, безусловно, не исходный пункт теоретического познания, но лишь определенный его итог. Значение его в том, что именно отсюда начинается восхождение в собственном, узком смысле: от абстрактного к конкретному. Поскольку это итог, восхождение от абстрактного к конкретному иногда рассматривают вообще лишь как метод изложения, а не исследования. Это действительно изложение предшествующих результатов, но одновременно и фаза исследования, ибо здесь ранее полученные результаты впервые получают подлинную системность. Вместе с тем это лишь одно из многих проявлений циклического характера диалектического познания, когда исследование многократно возвращается к собственному началу, опосредуя его более поздними результатами.

Реальные отношения системы реконструируются в определенном порядке. Исходный пункт этого процесса — выделение того отношения, с которого началось действительное развитие системы. Оно лежит в ее основе и в дальнейшем, почему нередко называется системообразующим элементом. Система никогда не состоит из одного элемента, она изначально *система* отношений. Поэтому точнее говорить не о системообразующем элементе, а об образующей *подсистеме*. Ее теоретическая модель называется исходной (генетической) клеточкой данной науки.

Еще относительно недавно были полностью справедливы слова: «Вопрос о „клеточке“ человеческого общества, т. е. о начале исследования в историческом материализме, продолжает оставаться одной из слабо разработанных

проблем этой науки. Более того, можно сказать, что ему не придавалось того значения, которое он заслуживает»⁵. Что касается степени разработки — существенных перемен пока нет, но степень осознания значимости проблемы заметно возросла. Более того, рассуждения о «клеточке» становятся своеобразной модой. К сожалению, однако, при этом не затрагиваются ни проблема субстанции, ни проблема изоморфа социальной системы, ни большинство других теоретико-методологических проблем, связанных с обоснованием столь сложной теоретической конструкции, какой является «клеточка» восхождения вообще и восхождения в рамках исторического материализма в особенности.

Эта теоретическая конструкция призвана выявить движущие противоречия системы. Например, в товаре как «клеточке» должны быть вскрыты «все противоречия (respective зародыши всех противоречий)»⁴⁶ буржуазного общества. Введение «клетки» знаменует переход на уровень конкретно-содержательного представления системы. Здесь ставится задача раскрыть специфику исходной системы отношений, те ее отличительные черты, которые и определяют ее особое место в целом. Так, отдельный «товар вообще» отнюдь не является специфической клеткой восхождения в политэкономии капитализма. В основе капиталистического производства лежит купля-продажа особого товара — рабочей силы. Исходные отношения, как и любые отношения системы, могут быть представлены двояко: на уровне теоретической конкретности или же на абстрактно-всеобщем уровне. Но клетка как исходный пункт содержательного движения в рамках восхождения — это именно конкретная конструкция. Эмпирическая нагруженность понятий, входящих в ее состав и создает условия для дальнейшего содержательного вывода.

Это отнюдь не уменьшает роли изоморфа. Абстрактно-всеобщее определение применимо ко все-м элементам системы. Поэтому, само по себе чрезвычайно малосодержательное, оно используется как средство теоретического конструирования всех конкретных отношений, присущих данной системе, в том числе и «клеточки».

^{1a} Шершунов А. Д. Категории исторического материализма в их взаимосвязи. М., 1975, с. 24.

⁴⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 318.

В начале восхождения имеется своеобразная «двухэтажная конструкция», которая включает в себя конкретно-содержательный уровень отображения объекта, к уровню более абстрактный. Конкретный уровень — это генетическая клетка. Абстрактный — диалектическое единство субстанции и изоморфа. Эти категории фиксируют систему как конкретное тождество. При этом в субстанции преобладает совпадение, тождественность, которая снимает в себе различие. В изоморфе же, наоборот, непосредственно фиксируются различия, тождественные для данной системы. Понятие изоморфа дополняет понятие субстанции, является тем внутренним опосредованием, которое позволяет в рамках представления о целом, вводить представления о его отдельных элементах.

Двухуровневая рефлексивная конструкция позволяет выделить, что на данном этапе является общим, а что — специфическим. Поскольку задача различения общего и специфического стоит на любом этапе познания, постольку названная конструкция неизбежно приобретает общее значение, выступая каждый раз в специальном виде.

Клетка — объяснительный принцип всего дальнейшего развития, причем решающую роль здесь играет именно ее специфика, например специфическая способность товара «рабочая сила» создавать стоимость в процессе его потребления. И все же клетка, несмотря на свою конкретность и специфичность, лишь *исходное* в системе. Если соотнести клетку с другими звеньями восхождения, можно представить следующую картину. Субстрат фиксирует абстрактное тождество системы, изоморф — абстрактные различия, клетка — конкретное тождество, а вводимая на ее основе совокупность теорий данной науки фиксирует конкретные различия системы во всем их многообразии.

§ 4. МЕТОД ВОСХОЖДЕНИЯ И СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Структуру исторического материализма можно представить как продукт диалектического синтеза общих методологических установок и исходных содержательных позиций, зафиксированных в предмете исторического материализма.

Принципы восхождения, преломляясь через понятие общественно-экономической формации, наполняются конкретным содержанием и дают познавательное движение, специфическое лишь для данной науки. В соответствии с этим структура исторического материализма выступает не только как результат последовательного отображения различных аспектов объекта, но и как результат последовательной конкретизации исходных его определений. Поэтому исторический материализм обладает сложным, многоуровневым строением.

Исторический материализм — генетическая концепция, поэтому здесь синхронное представление общества в конечном счете лишь средство его диахронного представления. Основное назначение этой науки — раскрыть законы общественного развития. Законы функционирования и структуры — их подчиненный момент. Принципиальное значение в разработке теоретической социологии имеет требование «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»⁴⁷.

Единство синхронного и диахронного представлений не может быть непосредственным. В соответствии с этим в составе исторического материализма необходимо различать два аспекта: генетический и функциональный. Функционирование — момент развития, поэтому функциональный аспект в конечном счете есть внутренний момент генетического, его внутреннее опосредование. В функциональном аспекте представление о генезисе — это средство теоретического воспроизведения структуры (элементов и функций). В генетическом аспекте представление о структуре — средство воспроизведения генезиса системы. Генезис реконструируется как переход от одной структуры к другой, т. е. как скачок, являющийся результатом накопления количественных изменений в процессе функционирования (воспроизводства). Поэтому в основе различения двух аспектов отнюдь не должно лежать противопоставление, с одной стороны, развития, а с другой — структуры. Зачастую же проводится именно такое противопоставление, поэтому распространено и соответствующее обозначение.

Ленин В, 11. Поли. собр. соч., т. 39, с. 67.

тм аспектов: генетический и структурно-функциональный. Между тем представление о структуре (элементах и функциях) должно применяться как в том, так и в другом аспекте. В используемой нами терминологии во втором аспекте имеются в виду не функции элементов, а функционирование (воспроизводство) системы.

Однако чисто внешнее сходство слов может в некоторых случаях вызывать путаницу. Поэтому представляется уместным также использовать термины — диахронный и синхронный аспекты. Под диахронным здесь понимается процесс становления, перехода от одной структуры к другой, под синхронным — ставшая структура, которая является только моментом становления в целостном процессе развития.

Таким образом, синхронный аспект лишь составной момент диахронного, который призван запечатлеть переход от одного синхронного представления системы к другому. Данное различие имеет силу для всех системных исследований. В историческом материализме оно выступает в специфической категориальной форме. Так, процесс перехода от одной формации к другой фиксирует категория социальной революции. Структура революции определяется структурами формаций погибающей и возникающей. Переход, следовательно, есть снятие, синтез синхронных представлений.

В генетическом аспекте процесс структурирован, в функциональном аспекте структура процессуальна: она непрерывно воспроизводится. Ее устойчивость — не отсутствие движения, а только специфический его способ. Эти два представления взаимодополнительны. Они способны воспроизвести целое лишь в своем единстве, причем в рамках этого единства функциональный аспект снимается генетическим.

Каждый из названных аспектов обладает сложным внутренним строением. Системность объекта, воспроизводимая в диалектике понятий, определяет и системность отображающей этот объект науки. Всякая наука, как сложная органическая система, состоит из целого ряда субординационно, а на этой основе и координационно связанных подсистем — теорий. Так, политэкономия капитализма включает в себя теории стоимости, цены, заработной платы, ренты и т. д. Исторический материализм, будучи наиболее общим уровнем марксистского общество-

знания, обладает сложной внутренней дифференциацией. Как и во всякой развитой науке, в нем можно выделить теории, различающиеся по своей объектной отнесенности. Это теории, в которых раскрывается содержание различных аспектов формации, например теория способа производства материальных благ, теория общественного сознания, теория нравственных отношений и т. д. Каждая из них имеет свою внутреннюю иерархию категорий, причем назначение этих теорий состоит в том, что они фиксируют отдельные стороны объекта в рамках единого предмет-Нусо подхода.

Однако структура науки, безусловно, не совпадает со структурой объекта непосредственно. Система категорий той или иной науки воспроизводит логику отображаемой стороны объекта, но лишь в конечном счете. В соответствии с этим, теории различаются, в частности, *по уровню* отображения объекта.

Можно выделить два основных критерия для различения теорий, составляющих тело науки: их объектная и уровневая дифференциация. В первом случае теории различаются по их отнесенности к разным сторонам отображаемого объекта. Во втором — теории могут отображать даже и одну сторону объекта, но с разной степенью абстрактности и конкретности. Поэтому одни и те же характеристики объекта могут отражаться в понятиях данной науки по-разному: менее или более конкретно. Исследование можно и нужно вести на разных уровнях абстрагирования, важно только каждый раз четко осознавать соответствующий уровень и предъявляемые им требования.

Исторический материализм можно рассматривать как единую, чрезвычайно богатую, разветвленную теорию общественно-экономической формации. Вместе с тем в составе этой науки наряду с теориями, посвященными отдельным сферам общественной жизни, имеется уровень, на котором общество представлено в целом, но в более абстрактном, обобщенном виде. По существу, это абстрактно-целостное представление и развертывается, конкретизируется в теориях отдельных сфер, сторон общественной жизни. Его преимущество в том, что оно фиксирует все подсистемы в их единстве и взаимообусловленности, однако достигается это за счет отвлечения от многих внутренних опосредований. «Недостаток» этот и ликвидируется путем разработки специальных теорий. Эта ситуа-

ция в известной мере аналогична соотношению общих и специальных (частных) наук, с той разницей, что здесь речь идет о дифференциации научных знаний внутри единого предметного подхода.

Наличие таких разноуровневых теорий является прямым воплощением движения от абстрактного к конкретному как пути получения развитого теоретического знания. Теории общественно-экономической формации — основа для разработки целого ряда отдельных теории исторического материализма, развертывающих ее и конкретизирующих в процессе изображения отдельных сфер, подсистем социального организма. Существенные и необходимые связи социальной системы фиксируются в социологических законах^{4\}

Мы исходим из того, что классики марксизма, разрабатывая категории исторического материализма — такие, как общественное бытие и общественное сознание, способ производства материальных благ, базис, надстройка и т. д., — фактически с той или иной степенью полноты реализовали требования метода восхождения, хотя рефлексивно это обстоятельство не было зафиксировано. Задача, следовательно, состоит прежде всего в том, чтобы интерпретировать соответствующие категории как моменты процесса восхождения, т. е. выявить, какую роль каждая из них играет, какое место занимает в целом с точки зрения логических критериев восхождения. Это, безусловно, в определенных случаях может потребовать некоторого уточнения содержания тех или иных категорий, введения новых категорий, пополняющих отсутствующие звенья теоретической схемы и т. д.

Сами по себе подобные процедуры закономерны для любой развивающейся науки; особенность предлагаемого подхода заключается лишь в том, что эти и иные преобразования имеются в виду осуществлять с точки зрения некоторого единого подхода, а именно — в соответствии с требованиями метода восхождения. Разумеется, такая работа чрезвычайно сложна и многоэтапна. Здесь очень важно избежать крайностей и преувеличений.

Введение новых категорий оправданно лишь в том случае, когда доказано, что они являются «абсолютно необходимыми в качестве звеньев системы логических

⁴⁸ См.: Уледов А. К. Социологические законы. М., 1975.

категорий»". Думается, что этот тезис, высказанный применительно к диалектической логике, можно отнести и к историческому материализму. И уж тем более недопустима игра в слова, когда использованием «новаций», вроде слова «социум», пытаются создать видимость новизны и актуальности написанного. Чрезвычайно важно постоянно фиксировать системные связи понятий, относительно каждого понятия выделять предыдущие и последующие. Если не осознать предпосылки, на основе которых данное понятие вводится, неизбежна путаница. Так, в литературе нередки содержательно различные определения весьма многих важных категорий, например, таких, как идеология, форма сознания, общественное отношение и т. д.

На наш взгляд, немалую роль в возникновении такой ситуации играют следующие два фактора. Возможность и необходимость многопланового (многоуровневого) рассмотрения соответствующих объектов ведет к раскрытию сущностей разного порядка, которые не только не исключают, но дополняют друг друга. Надо, следовательно, соотнести соответствующие понятия, раскрыть их переходы друг в друга. А это требует прежде всего выявить уровень и способ их введения относительно тех общих исходных параметров, по которым данные понятия фиксируют свой объект. В конечном счете такой многоуровневый подход должен быть представлен как диалектическое единство различных этапов движения от абстрактного к конкретному.

Когда этого нет, возникает ряд разрозненных и, казалось бы, несовместимых определений объекта. К сожалению, нередко различные авторы, не пытаясь соотнести и субординировать различные определения, поддаются видимости, воспринимают их как конкурирующие, в результате чего возникает ненужная полемика. Разумеется, здесь идет речь о тех случаях, когда действительно допускаются ошибки. Впрочем, вероятность ошибок также существенно зависит от степени рефлексивности исследования. Другой источник недоразумений состоит в том, что моменты, связываемые посредством звеньями, ставят в непосредственную связь, а поскольку наличие или отсут-

Ситкопский Е. П. Проблема возникновения товарных категорий диалектической логике.— Вопросы философии, 1975, № 10, с. 93.

стве опосредовании, как правило, не оговаривается, то возникает полемика с авторами, которые также выделили некоторые звенья анализируемого процесса и точно тэт; же не осознали их места в целом. В результате обе стороны и правы, и неправы. Правы в том, что выделяемые ими элементы действительно имеют место в процессе, но неправы в трактовке их связи.

Каждая позиция имеет свои сильные и слабые стороны, поэтому полемика длится бесконечно. И опять-таки правильное решение обеспечивает только системно-диалектический подход. Его применение тоже непростая задача, но постоянная рефлексия по поводу собственной работы намного повышает ее эффективность. Это особенно важно, когда речь идет о понятии обществешо-экономической формации. Здесь малейшие неточности могут иметь весьма далеко идущие и подчас весьма принципиальные последствия, как это произошло, например, с так называемой расширительной трактовкой общественного бытия.

В понятии формации отображены социальные процессы огромной сложности и многообразия — как материальные, так и духовные. В известном смысле понятие формации есть итог развертывания всего содержания исторического материализма. Поэтому понятию и теории формации должны предшествовать специальные теоретические конструкции, которые являются средством их введения. Такого рода понятия снимаются ходом научного познания, они не видны в результате, ибо они лишь средство, а не цель. Средства угасают в продукте, однако без них продукт недостижим. Поэтому, если рассматривать понятие формации как наличное, ставшее знание, можно удовлетвориться его непосредственностью. Если рассматривать по нятно формации с точки зрения его развития, пужно задуматься о средствах.

Разговор об обществешо-экономической формации как органической социальной системе обычно ведется сразу на уровне вычленения таких ее компонентов, как производительные силы и экономические отношения, базис и надстройка, общественное бытие и общественное сознание и т. д. Это, несомненно, узловые пункты теоретической марксистской социологии. Думается, однако, что при системном развертывании категорий исторического материализма должны быть учтены не только эти, содержательно важнейшие категории, но и промежуточные звенья

познавательного движения, в том числе и исходные, абстрактные понятия. Они как бы теряются в результате — совокупном, внутренне дифференцированном теоретическом целом, по без них этот результат получить нельзя. Поскольку, однако, исходные категории специально не рассматриваются, постольку неясны теоретические предпосылки соотношения категорий производных. В частности, поэтому они обычно соотносятся лишь попарно, дальше чего системность не простирается.

Фиксация общества как сложного организма предполагает осуществление ряда последовательных процедур, связанных с движением от абстрактного к конкретному, что выражается в существовании не просто отдельных категорий, но и целых теорий, различающихся по уровню абстрактности и конкретности. Так, теория стоимости более абстрактна, чем теория прибавочной стоимости, независимо от степени внутреннего развития той и другой. Это объясняется тем, что теория стоимости фиксирует лишь абстрактно-всеобщие определения капиталистического производства, а теория прибавочной стоимости — наоборот, его специфику.

Выше отмечалось, что в онтологическом плане отдельные теории исторического материализма могут различаться по тому, какую сторону действительности они охватывают. Однако с методологической точки зрения важны не столько различная объектная отнесенность теорий, сколько их различный *гносеологический статус*. Теории отдельных сфер общественной жизни образуют конкретпо-содержательный уровень исторического материализма. Над ними необходим абстрактный уровень, обладающий той же степенью общности в охвате действительности, но фиксирующий ее инвариантные характеристики. Наоборот, каждая частная теория фиксирует инвариант в единство со спецификой его существования в данном отдельном случае.

Итак, абстрактное и конкретное может выделяться не только внутри каждой отдельной теории. В историческом материализме как целом можно выделить более абстрактный уровень, который, не подменяя собой теоретически Конкретного отображения действительности, способен выполнять определенные методологические функции в отношении уровня конкретного, обеспечивая его некоторыми общими средствами описания. Абстрактный уро-

В. П. Фофанов

вень малосодержателен сам по себе. Но разработанные здесь схемы способны наполняться конкретным содержанием и, модифицируясь под действием эмпирического материала, служат мощным средством его организации.

Конструкции, которые вырабатываются здесь, тоже отображают объект. Однако их связь с ним многократно опосредована другими категориями. В этом смысле они не обладают непосредственной онтологической отнесенностью.

В условиях, когда учение об общественно-экономической формации в его существенных чертах уже разработано классиками марксизма-ленинизма и сегодня стоит задача систематизации категории исторического материализма, разработка этого раздела особенно актуальна. Задачу системного изложения категорий исторического материализма нельзя решить без выработки адекватных ей средств в виде ряда абстрактных категорий, в том числе связанных с отображением социальной деятельности. Точно так же и системное представление социальной деятельности требует рассмотреть ее прежде всего на самом абстрактном уровне.

В настоящее время изучены — и подчас весьма детально — много виды деятельности, например трудовая, нравственная и т. д. В связи с этим может возникнуть вопрос: надо ли от уже достигнутого уровня их понимания уходить к абстрактному понятию деятельности и затем вновь возвращаться к ним, пытаясь углубить теоретическое понимание этих и других видов деятельности при помощи общих абстракций? Не ведет ли установка на разработку общей концепции деятельности к отрыву от реальной действительности, где общее существует в неразрывном единстве со специфическим, а единство общего и специфического предстает каждый раз в определенной конкретно-исторической форме? Не таится ли здесь опасность чрезмерной абстрактности, схоластического теоретизирования, несовместимого с подлинной научностью?

Марксистская методология отличается именно конкретностью подхода к исследуемым объектам. Критикуя неисторический подход, присущий пародникам, В. И. Ленин писал: «Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал

научный анализ одного общества и одного прогресса — капиталистического»⁵⁰.

Важно, однако, подчеркнуть, что критику со стороны В. И. Ленина вызвала не степень абстрактности как таковая, но присущая метафизической социологии *априорность* в постановке и решении общих вопросов. Убежденный в «бесплодности априорных рассуждений»⁵¹, Ленин писал: «Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности». В том и дело, что выработка подлинно научных общих понятий возможна лишь как обобщение характеристик вполне конкретных отдельных системных объектов. Только взяв как объект исследования *отдельную систему* — всю, целиком, «как живую», можно обнаружить подлинно системные связи.

Стало быть, Ленин критикует не общие понятия как таковые, а априорно-спекулятивный подход к их выработке. И общее, и специфическое всегда характеристики вполне конкретного отдельного, поэтому соответствующие понятия имеют вполне определенную объектную основу для своего формирования и применения. Дело не в том, что абстрактные понятия плохи, а конкретные хороши. Как всякие противоположности, они друг без друга просто не существуют. Важно только всегда учитывать гносеологический статус тех и других понятий и обусловленные этим статусом эвристические возможности.

Конечная задача научного исследования — получить понятия, воспроизводящие объект в его конкретности. Однако специфика всегда специфика определенного *общего*. Именно общность, которая в системе имеет генетический характер, модифицируется и обогащается в процессе развития. Поэтому именно общее является основой для раскрытия всего богатства содержания отдельного. Опасна не только переоценка общих понятий, ведущая к спекулятивности, но также и недооценка их, ведущая к эмпиризму. Задача в том, чтобы от отдельных конкретно-исторических общественных форм, предстающих прежде всего в своей специфичности, перейти к фиксации их субстанционального, сущностного единства, с тем чтобы

⁵⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 143.

⁵¹ Там же, с. 142.

⁵² Там же, с. 141.

вывести понимание специфики из единых представлений. В. И. Ленин предупреждал: «...Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя „натывать“ на эти общие вопросы»⁵³.

Абстрактно-общее понимание деятельности фиксируется прежде всего в понятии «деятельность вообще». Это понятие, конечно же, недостаточно для конкретного описания общества. Его нельзя непосредственно применять к реальному историческому процессу, ибо в реальной действительности «деятельность вообще» как таковая не существует. Всегда имеется деятельность того или иного рода и вида, находящаяся на вполне определенном уровне развития, включенная во вполне конкретную систему взаимодействий с деятельностью других родов и видов. Поэтому, если даже исходить из того, что понятие «деятельность вообще» фиксирует некоторые всеобщие характеристики, абстрактные моменты реально существующих разновидностей деятельности, тем не менее возникает вопрос: зачем это понятие необходимо, каковы его специфические функции в системе теоретико-социологического знания?

Сложный гносеологический статус подобных понятий, их весьма высокий, если воспользоваться выражением В. И. Ленина, «отлет» от действительности неоднократно вызывали сомнение в самой правомерности их существования. Еще сегодня памятно обсуждение, которое длительное время велось, например, по поводу понятия «общество вообще». Конечно, непосредственное отнесение этого понятия к действительности ведет к глубокой ошибке, ибо никакого «общества вообще» в действительности не существует. Согласно историко-материалистическому пониманию социальная действительность непрерывно развивается, она всегда конкретна и всегда существует как диалектическое единство общего и специфического. Но критика понятия «общество вообще» уместна лишь тогда, когда ошибочна сама процедура его применения. Фактически в таких случаях имеет место прием, который можно назвать «онтологизацией» понятия. Онтологизация — это придание понятию статуса действительности, понимание мыслимого содержания как действительно существующего

⁵³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 15, с. 368.

объекта. Подобный подход в духе «наивного реализма», конечно же, несовместим с диалектико-материалистиче-ской методологией⁷¹.

Наоборот, применение понятия «общество вообще» це непосредственно к действительности, а к другим понятиям,— необходимое средство выработки более конкретных понятий и в конечном счете тех, которые могут быть использованы непосредственно для интерпретации действительности. Так, невозможно провести в объекте какие бы то ни было родо-видовые расчленения, если не будет использоваться понятие «общество вообще», т. е. общество в отвлечении от родо-видовых различий. Оно несущественно как результат, по необходимо как средство. Вспомогательный характер подобных средств, как и вообще преходящий характер внутренних опосредования теории, отнюдь не достаточное основание для их игнорирования. Процесс, конечно же, угасает в результате, но ведь это путь, который надо пройти, прежде чем будет получен результат. И даже когда теоретический результат налицо, оценить его подлинное значение можно лишь с учетом использованных средств. Только это дает основу для правильного понимания пределов применимости теории.

Принципиально важна в методологическом плане оценка общих понятий, которую дал К. Маркс на примере производства материальных благ: «Итак, когда речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития — о производстве общественных индивидов. Может поэтому показаться, что для того, чтобы вообще говорить о производстве, мы должны либо проследить процесс исторического развития в его различных фазах, либо с самого начала заявить, что мы имеем дело с определенной исторической эпохой, например с современным буржуазным производством... Однако все эпохи производства имеют некоторые общие признаки, общие определения. *Производство вообще* — это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений»⁵⁵. Даже наиболее развитые системы Уи Маркс высказывает эту мысль на примере языков)

См., пацр.: *Попович М. П.* О философском анализе языка пауки. Киев, 1966.

⁵⁵ *Маркс КС, Энгельс Ф.* Соч., т. 40, ч. I, с. 21.

«имеют законы и определения, общие с наименее развитыми»TM.

Абстрактно-общие понятия способны выполнять свои функции постольку, поскольку фиксируют качественную определенность объекта: «это *всеобщее* или выделенное путем сравнения общее само есть нечто многообразно расчлененное, выражающееся в различных определениях»⁵⁷.

Теоретико-познавательная деятельность предполагает активное конструирование понятий, однако ее содержание в конечном счете определяется содержанием объекта. Теоретические конструкции не произвольны, их формирование и отбор осуществляется путем сопоставления с отображаемой стороной действительности. Это выражается, в частности, в наличии объективных границ абстрагирования в рамках каждого научного предмета. Каждая наука имеет свой предел абстрагирования, за которым утрачиваются специфические для изучаемого процесса характеристики.

На разных этапах развертывания науки допустимая степень отвлечения различна, поскольку процесс в целом есть движение от абстрактного к конкретному. Однако на каждом этапе она вполне определена. Абстракция здесь выступает как «процесс мысленного выделения тех частей предмета, которые нас почему-либо интересуют, и временное отвлечение от иных, не интересующих в данный момент его частей»⁵⁸. Познавательная задача не может быть решена, если изначально либо на некоторой стадии рассуждения утрачены признаки, существенные именно с данной точки зрения. Содержательность диалектической логики выражается, в частности, в том, что она всегда ориентируется на пределы, в которых сохраняется качественная специфика исследуемого процесса, хотя с точки зрения формальной никаких ограничений для тех или иных отвлечений, казалось бы, нет.

Абстрактно-общие понятия в генетическом выведении определяют способ видения объекта и одновременно фиксируют исходный пункт развития. Переход от абстрактных понятий к конкретным выступает как процесс внеде-

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 21. ⁵⁷ Там же.

⁵³ Горский Д. П. Вопросы абстракции и образования понятий. М., 1961, с. 25.

пия новых различий на базе первоначально зафиксированных параметров объекта. Таким образом, абстрактные понятия не заменяют и не отменяют конкретных, а лишь служат их корректному, обоснованному введению. Специфическая роль абстрактных понятий — содействовать последовательной субординации признаков, отображаемых на более конкретных уровнях теории.

В соответствии с требованиями метода восхождения социальную деятельность следует рассмотреть прежде всего в ее абстрактных определениях, что является необходимой предпосылкой для перехода к ее более конкретному системному представлению.

Часть II
АБСТРАКТНОЕ И КОНКРЕТНОЕ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глава 111
СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И СИСТЕМА
СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК СУБСТАНЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФОРМЫ ДВИЖЕНИЯ МАТЕРИИ

Исходным для системного понимания общества, по наш взгляд, является понятие социальной формы движения материи¹. В свою очередь, теоретическая основа введения понятия социальной формы движения материи — это марксистско-ленинское учение о материальном единстве мира и его диалектическом развитии, порождающем ряд взаимосвязанных, качественно специфических уровней (форм) движения. Для обсуждаемой здесь, проблемы наиболее существенны следующие положения диалектико-материалистического учения о формах движения материи. Во-первых, различные формы движения материи генетически взаимосвязаны. Во-вторых, каждая последующая форма движения возникает и существует как результат и постоянный процесс снятия противоречий, специфических для исходной формы движения. Поэтому, в-третьих, каждая форма движения обладает собственными, качественно-специфическими законами возникновения, воспроизводства и развития.

¹ См., напр.: *Летников Т. О.* К. О природе социальной формы движения. М., 1971; *Ласточкин Л. В.* Специфика социальной формы материи. Автореф. канд. дис. Пермь, 1975.

Категория «форма движения материи» фиксирует ту или иную сферу материального мира как объект, движущийся определенным, качественно-специфическим способом. Движение как способ существования материи всегда обладает конкретно-историческими характеристиками. Эта-конкретность, качественная специфичность движения и фиксируется данной категорией. При данном способе рассмотрения основным, *субстанциональным* определением объекта оказывается именно *качественная специфика движения* данной сферы материального мира.

Если в качестве субстанции рассматривается определенный уровень движения материи, то и внутренние различия при более конкретной характеристике объекта могут вводиться лишь как различия внутри данной определенности, как способы осуществления качественно единого процесса движения. Следовательно, все собственные характеристики системы будут лишь производными от ее субстанциональной характеристики. Это и попятно: модификации внутри всякого качественно единого целого суть его собственные модификации. Как таковые они сохраняют присущую данному целому специфичность, иначе речь должна идти о модификациях иной системы.

Специфика социальной формы движения материи по сравнению с другими формами движения материи состоит в том, что здесь объективная диалектика выступает как диалектика материального и идеального, материи и сознания. Диалектическое единство материального и идеального непосредственно и фиксируется в понятии социальной деятельности. Понятие «социальная деятельность» — это лишь «абстракт» социальной системы. В этом понятии социальное взято в его абстрактной общности. Внутренние различия, внутреннее богатство социального не фиксируется, оно снимается единством своей принадлежности к социальному как таковому.

Обозначим данный абстрактный уровень отображения деятельности как реально существующего качественно единого, но многообразного в себе процесса термином «социальная деятельность вообще». Употребление термина «социальная деятельность» в предельно абстрактном смысле позволяет все общество представить как саморазвивающуюся социальную деятельность и таким образом зафиксировать его единство. В понятии «социальная деятельность вообще» отображена, с одной стороны, качественная специфика социальной формы движения мате-

рии относительно других форм движения, а с другой — ее внутренняя инвариантность, тождественность себе.

Разумеется, это не означает абсолютной бессодержательности данного понятия. Когда используют термин «общество» для обозначения социального объекта в его тотальности, то, по существу, таким способом осуществляют первичное эмпирическое вычленение объекта, как бы указание на объект. Конечно, это не процедура демонстрации объекта в буквальном смысле слова, ибо такой объект, как общество в его тотальности, продемонстрировать невозможно — в лучшем случае речь может идти лишь об отдельных его проявлениях. Однако здесь осуществляется переход от обыденного — частичного по своей сущности — видения общественного процесса к первоначальному обобщению: появляется идея наличия за многообразием проявлений некоей инвариантности, постоянной существенной определенности, хотя в чем она состоит, еще неясно. Выделение системы началось, но пока возникло первичное, почти бессодержательное, нередко называемое интуитивным, представление, которому еще предстоит наполниться конкретным содержанием.

Такое содержание и фиксируется в субстанциональной характеристике общества как системы социальной деятельности. Здесь действительно происходит отвлечение от внутренних различий, однако лишь от тех, которые составляют специфику отдельных компонентов внутри системы. Всеобщие внутренние различия, инвариантные для системы и составляющие ее специфику относительно других форм (уровней) движения материи, наоборот, составляют специфическое содержание этой категории. В понятии субстанции в абстрактном виде отображается сущностное единство, специфическое внутреннее противоречие системы. Для социальной деятельности это — противоречивое единство материи и сознания. Сознание как генетически высший тип отражения есть момент социальной деятельности. Социальное отражение опосредует тот объективный процесс, который в своем нерасчлененном единстве и фиксируется в понятии «социальная деятельность вообще».

Перед нами первичная теоретическая фиксация социальной системы в ее качественной специфике. Однако это в значительной мере еще лишь словесное отличие, ибо объект фиксируется крайне абстрактно и содержа-

тельная нагрузка термина невелика. Фиксация деятельности как способа существования социальной действительности — отправной пункт исследования. И только в ходе и в результате *его* можно будет сказать, что же *конкретно* представляет собой социальная деятельность, как реально она существует и развивается и в чем, следовательно, состоит действительная природа и действительное богатство социального процесса.

Первый шаг есть, казалось бы, уход от действительности — по крайней мере в том ее виде, как она проявляется для практического сознания. По это шаг к раскрытию сущности. Значение скачка, происходящего с введением субстанционального определения системы, хорошо иллюстрирует пример с товаром.

В самом начале «Капитала» товар выступает как «элементарная форма» капиталистического богатства. Однако он тут же подвергается анализу, результатом которого и явилось выделение составляющих — потребительной стоимости и стоимости. Товары зафиксированы в поятии стоимости как носители «общей им всем общественной *субстанции* (курсив наш.—В. Ф.)» — накопленного человеческого труда².

Эта процедура составляет важный момент перехода от первичной эмпирии к собственно теоретическому уровню. «У Маркса в „Капитале“ сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (токарного) общества: обмен товаров»³. Началом, таким образом, выступает обычное «массовидное» отношение, как оно существует в действительности. «На первый взгляд, буржуазное богатство выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как его элементарное бытие»⁴. Но это лишь эмширия, которая дана «па первый взгляд», а затем подвергается анализу и таким образом служит исходным материалом для построения собственно теоретической конструкции. Сама же конструкция неузнаваемо отличается от объекта. Средством ее введения является идеализирующая абстракция. Зафиксированная в ней действительность как таковая уже недоступна чувственному восприятию.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 58—59. Ленин В, И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 318. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 13.

Так, чувственные вещи, товарные тела сводятся лишь к одному свойству, а именно — к тому, что «они — продукты труда»⁵. Соответственно конкретные формы разных видов труда «сводятся все к одинаковому человеческому труду, к абстрактно человеческому труду»⁶. В результате эмпирия качественно преобразована: «...теперь и самый продукт труда приобретает совершенно новый вид». Вещь в таком ее представлении недоступна чувственному восприятию: «Теперь это уже не стол, или дом, или пряжа, или какая-либо другая полезная вещь. Все чувственно воспринимаемые свойства погасли в нем»⁷. Вещь как объект исследования зацеплена теоретической конструкцией, которая фиксирует общественную субстанцию вещи и как таковая выступает в качестве собственной предметной основы дальнейшего исследования.

Пестрый мир товаров был представлен К. Марксом как стоимость, и это единое абстрактное представление служит исходным пунктом дальнейшего движения к конкретному, основой всех тех спецификаций, которые позволяют ввести «клеточку» капиталистического производства, а отсюда развернуть и картину всей системы.

Аналогично этому исторический материализм представляет свой объект как социальную деятельность. Это исходное абстрактно-общее представление служит основой дальнейших различений, призванных развернуть теоретическую картину социальной системы во всем богатстве определений.

Сложность социальной деятельности как объекта социально-философского познания приводит к тому, что ее воспроизводит *целый ряд* понятий деятельности, отличающихся друг от друга по степени абстрактности и конкретности. По существу, эти понятия выступают как последовательные фазы развертывания, обогащения единой категории «социальная деятельность». Вместе с тем они могут быть рассмотрены как относительно самостоятельные, содержательно и логически связанные звенья категориальной системы исторического материализма. Первая трактовка подчеркивает концептуальное единство марксистско-ленинской теоретической социологии в отвлече-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 46.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

пни от ее внутренних различий. Вторая, наоборот, делает акцент на внутренней сложности этого единства, поскольку каждый его момент достаточно обособлен, относительно самостоятелен, обладает собственной смысловой нагрузкой и специфической функцией в составе теоретического целого. Взаимосвязь и взаимоисходы этих двух представлений прямо соответствуют взаимосвязи и взаимопереходам синтетического и аналитического аспектов восхождения.

Если учитывать, что категория деятельности проходит ряд этапов последовательной конкретизации, становится важным подчеркнуть, в каком из своих определений она имеет статус исходной категории исторического материализма. Без этого путаница неизбежна, ибо другие определения деятельности такого статуса не имеют.

В § 4 главы I было показано, что теории и категории исторического материализма различаются по уровню отображения объекта. Вычленение таких уровней и специальная фиксация способа введения каждого из них — важный способ внутринаучной рефлексии.

На наш взгляд, различие по степени абстрактности и конкретности применимо не только к понятиям внутри той или иной теории, но также к различным теориям, обладающим одной объектной отнесенностью. Один и тот же аспект предметно выделенной действительности может быть представлен в рамках данной научной дисциплины на разных уровнях абстрагирования.

Абстрактный и конкретный уровни могут быть выделены на любом из этапов восхождения. Они выражают внутреннюю противоречивость каждого такого этапа. Помимо того, что каждый этап восхождения более конкретен по отношению к предшествующим и более абстрактен по отношению к последующим, он еще и *в себе* раздвоен на абстрактный и конкретный уровни. Так, исходный этап социального развития отображается двояко: на абстрактно-всеобщем уровне — как субстанция и изоморф социальной системы, а на конкретном — как генетическая клеточка восхождения. Точно так же, например, каждое общественное отношение отображается двояко: на уровне общей теории общественных отношений и на уровне специальных теорий, посвященных отдельным общественным отношениям, где каждое из них находит свою теоретическую реконструкцию, воспроизводящую

данное общественное отношение в единстве общего и специфического. Поэтому общая теория общественных отношений непосредственно соотносится с теориями таких отдельно взятых отношений, как экономические, политические, нравственные и т. д. Такое же соотношение имеет место и в гегетическом аспекте исторического материализма. Например, общая теория социальной революции здесь развертывается в ряд теорий, фиксирующих качественную определенность отдельных типов революций.

Социальная деятельность является *исходной категорией* исторического материализма в своем самом абстрактном определении, когда она вводится на *абстрактном уровне первоначального этапа* развертывания исторического материализма. Определение социальной деятельности как субстанции социальной формы движения материи не связано с другими категориями исторического материализма. Оно вводится через *более общие* категории марксистско-ленинской философии.

Социальная деятельность как субстанция социальной формы движения материи есть *движение материи, опосредованное сознанием*. Таков минимум общих философских категорий, которые необходимы и достаточны для первоначальной характеристики социальной деятельности. Социальная деятельность — это объективный процесс, качественная специфика которого состоит в том, что здесь объективная диалектика выступает как диалектика материального и идеального. Эти две противоположности и составляют имманентное противоречие социальной деятельности как общественной субстанции. Социальное движение — наиболее сложный по своей внутренней опосредованности способ, тип, уровень, движения. Отражение как всеобщее свойство материи, в специфической своей модификации присущее каждой форме движения материи⁸, здесь достигает стадии *сознательного* отражения.

Первоначальное определение, конечно же, не раскрывает, в чем конкретно состоит качественная специфика социальной субстанции. Однако определения, как отмечает Ф. Энгельс, часто бывают полезны и даже необходимы, в том числе для обыденного употребления, когда они содержат «краткое указание наиболее общих и в то же

⁸ См.: Ленин В. И, Поли. собр. соч., т. 18, с. 30, с. 39—40 и др.

время наиболее характерных отличительных признаков» . Так, Энгельс возражает против определения жизни как процесса обмена веществ, ибо эта дефиниция «не является ни точной, ни исчерпывающей»¹⁰. Сам Энгельс определяет жизнь как «способ существования белковых тел». Отличительная черта этого определения прежде всего в том, что оно направлено на фиксацию качественной специфики отображаемого объекта: жизнь не обмен веществ вообще, а обмен «белковых тел». Однако прежде чем дать это определение, Энгельс оговаривается: «Дефиниции не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция. Для того чтобы выяснить и показать, что такое жизнь, мы должны исследовать все формы жизни и изобразить их в их взаимной связи»¹¹.

Так же обстоит дело и с пониманием социальной деятельности. Краткое общее определение констатирует, что социальная деятельность — это движение материи, опосредованное сознанием. Однако, перефразируя выражение Энгельса, тут же следует подчеркнуть: чтобы выяснить и показать, что такое деятельность, мы должны исследовать все формы деятельности и изобразить их в их взаимной связи. Тем не менее абстрактно-общее понимание деятельности полезно и необходимо, ибо вычленяет тот главный ориентир, который будет определять познавательное движение в дальнейшем.

В рамках системно-диалектического понимания деятельности речь вовсе не должна идти о каком-то едином, универсальном понятии. Социальная деятельность как реально существующий внутренне единый и вместе с тем сложно дифференцированный процесс может и должна рассматриваться на разных уровнях абстракции. Самым абстрактным в ряду понятий, фиксирующих социальную деятельность, является понятие социальной деятельности вообще, в отвлечении от ее внутренних различий. Это понятие в силу своей малосодержательности само по себе может иметь лишь вспомогательное значение. Однако оно совершенно необходимо для конкретизации, развертыва-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 635.

¹⁰ Там же, с. 634.

¹¹ Там же, с. 634—635.

ция теории. Его значение состоит в том, что оно фиксирует субстанцию социальной системы. Фиксируя субстанцию, фактически фиксируют тот предел, дальше которого познание в рамках *данного* научного предмета не идет. А в онтологическом 'ылапе' таким образом фиксируется тот инвариант, который специфичен для данной формы, данного уровня движения.

Отсюда и возникает ряд конкретизации, в своем единстве позволяющих представить деятельность в конечном счете достаточно полно и всесторонне. Развертывание исходного понятия путем раскрытия внутренних противоречий, тех конкретных модификаций деятельности, через которые эти противоречия развиваются, тех общих структур, в которых происходит движение данной субстанции,— все это позволяет показать внутреннее единство, скрывающееся за такими сложными, развитыми формами общественной жизни, которые фиксируются в понятиях общественно-экономической формации, материальных и надстро-ечных общественных отношении и т. д. По существу, речь идет о задаче теоретической реконструкции системы на основе выявления ее субстанционального единства.

Правомерен ли такой подход? На наш взгляд, он не только правомерен, но и необходим. Его непревзойденным образцом является «Капитал». Еще В. И. Ленин поставил задачу использовать все богатство созданной К. Марксом методологии для дальнейшего развития научного общественно-вознания. Это делает попытки применения такого подхода в историческом материализме насущным долгом советских философов.

В Марксово политэкономии капитализма нет ничего кроме стоимости: и зарплата, и рента, и прибыль — все это лишь определенные модификации стоимости. Вместе с тем система капиталистических экономических отношений не просто стоимость вообще. Стоимость — это лишь предельно общая абстракция и, как всякое абстрактно-общее понятие, она не охватывает систему в ее конкретности. Между тем научная истина конкретна, поэтому весь смысл исследования, проведенного К. Марксом, состоит в раскрытии тех конкретных модификаций стоимости, которые составляют качественную специфику капиталистического производства.

При таком подходе в социальной системе тоже нет ничего, кроме социальной деятельности: и отдельные ви-

пы общественных отношений, и такие сложные подсистемы социального организма, как, например, способ производства материальных благ, и, наконец, общественно-экономическая формация в целом — все это различные системы, виды, снособы, формы, процессы и продукты деятельности. Вместе с тем социальная система в ее действительной конкретности отнюдь не только социальная деятельность вообще. Действительное содержание системы, подлежащее теоретическому отображению, состоит в том богатстве *специфических* видов, способов, форм деятельности, которые в своем противоречивом единстве составляют общественную жизнь. Без раскрытия их конкретной содержательности нет и конкретности научной истины. ■

Зачем же тогда необходима категория «социальная деятельность вообще» или, кратко, «социальная деятельность»? Ее значение именно в том, что она задает некоторое единое — пусть абстрактное, но *предметно единое* видение социальных объектов. Она — необходимая предпосылка, средство введения всего богатства многообразных, конкретных, сложных в себе понятий, способных раскрыть социальную диалектику в ее конкретно-исторических формах. На нее опирается, как на важный вспомогательный этап, то *конкретное* предметно единое видение общества, которое достигнуто в понятии общественно-экономической формации.

Категория деятельности неразрывно связана с решением основного вопроса философии, ибо «деятельность» это и есть категория для фиксации диалектического единства материального и идеального, материи и сознания. Эта категория по самому способу ее введения необходимо соотносится с основным вопросом философии. Различные трактовки деятельности могут приводить к различным решениям основного вопроса. Так, немецкая буржуазная философия дала классические образцы объективно-идеалистической и субъективно-идеалистической трактовки деятельности. Идеалистические трактовки деятельности представлены и в современной философской литературе, в том числе в рамках различных разновидностей ревизионизма¹². Непосредственная и необходимая связь, объективно существующая между той или иной трактовкой деятель-

¹² См., напр.: *Табачковский В. Г.* Критика идеалистических интерпретаций практики, Киев, 1976.

ности и соответствующим решением основного вопроса, делает специальное выяснение этой связи обязательным требованием научного исследования. Попытки ограничиться неявным соотнесением категории «деятельность» с основным вопросом философии могут привести лишь к непоследовательности, отклонениям от его диалектико-материалистического решения. Следовательно, такое соотнесение должно быть сделано сознательно. Это означает необходимость ясно зафиксировать, в соответствии с принципами марксистско-ленинской партийности, все философско-мировоззренческие выводы, вытекающие из принятой трактовки деятельности, и одновременно проверить существо позиции такого рода развертыванием ее следствий.

Методология опирается на определенные философско-мировоззренческие предпосылки, поэтому возникает сложная цепь посредствующих звеньев, которые влияют на содержание отдельного метода. В конечном счете эта цепь опосредования включает в себя весь контекст духовной культуры, причем в социальном познании роль решающего фактора играет идеология. Принцип партийности был и остается краеугольным камнем марксистско-ленинской методологии социального познания¹³. Требование однозначности и точности в выяснении связи той или иной трактовки категории «деятельность» с соответствующим ей решением основного вопроса не представляется надуманным. Можно дать то или иное решение основного вопроса философии, не используя при этом категорию деятельности (хотя это и будет чрезмерно абстрактный подход). Но обратное невозможно: нельзя ввести то или иное понимание деятельности, не решая тем самым так или иначе основной вопрос философии.

Что касается диалектико-материалистического решения основного вопроса, то оно без использования категории деятельности вообще невозможно. Это обстоятельство зафиксировал К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе», начинающихся, как известно, следующими словами: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и феербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме

¹³ Федосеев П. Я. Некоторые методологические вопросы общественных наук.— Вопросы философии, 1979, № 11.

объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно»¹⁴.

Сознание есть момент социальной деятельности. Вне, помимо социальной деятельности сознание не существует. Поэтому всякая трактовка основного вопроса философии, избегающая использования категории «деятельность», неминуемо окажется абстрактной. Между тем истина коп-кретна. Поэтому решение основного вопроса философии в рамках метафизического материализма является принципиально верным, по еще абстрактным и потому недостаточным. Абстракция от социальной деятельности при рассмотрении сознания, в том числе при рассмотрении его отношения с материей, фактически есть абстракция от главного в основном вопросе: от действительного способа существования сознания, от реального способа его взаимодействия, соотношения с объективным миром. При таком подходе предпринимается попытка изучать отношение, изолируясь от его содержания. Тогда поневоле приходится заменять его химерами. От метафизически-материалистического подхода к основному вопросу, как известно, один шаг либо до вульгарно-материалистических трактовок сознания, либо до его идеалистических мистификаций. Не анализируя логику возникновения таких позиций специально, отметим лишь то, что, пожалуй, важнейшим фактором является отсутствие исторического подхода. Необходимость же исторического подхода в том и коренится, что отношение материи и сознания есть живое, деятельное, т. е. в деятельности осуществляющееся и, следовательно, историческое, развивающееся отношение. Абстракция от формирования и развития этого отношения выступает как абстракция от его живой, деятельност-ной природы.

Именно распространение материализма на общественную жизнь впервые позволило адекватно сформулировать и решить основной вопрос философии. Сознание существует только в обществе и через общество, поэтому всякие попытки решать основной вопрос философии в отвлечении от общества, в отвлечении от реального способа существования сознания ведут лишь к мистификации существа дела. Марксистский подход превращает вопрос о соотношении материи и сознания из абстрактно-фило-

¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1.*

софского в философско-социологический вопрос, т. е. переносит его на ту действительную почву, которая и послужила объективным источником его постановки. Решение основного вопроса философии истинно лишь в том случае, если в его основу положен тот факт, что материя, существенным свойством которой является сознание, есть материя, охваченная социальной формой движения. В таком случае недостаточно показать вторичность сознания относительно предшествующих неорганических и органических форм движения материи. Конкретное решение основного вопроса предполагает рассмотрение сознания также и в отношении к высшей форме движения материи — социальной. Только здесь можно получить детальное понимание механизмов возникновения, воспроизводства и развития сознания, его зависимости от материи.

Диалектико-материалистическое решение основного вопроса философии на данном уровне конкретизации состоит в понимании деятельности как *материального процесса*, внутренним опосредованием которого является сознание. Вторичность сознания относительно материи задается здесь не через абсолютное противостояние сторон (которое легко оборачивается их абсолютным совпадением), но через взаимопроникновение, что и позволяет представить их как подлинные противоположности. Трактовка сознания как свойства материи конкретизируется в историческом материализме через трактовку сознания как момента социальной деятельности. Если учесть, что социальная деятельность есть процесс, то это значит, что и сознание предстает как процесс, а именно — процесс сознательного отражения. Сознание — собственный, внутренний момент материального процесса деятельности. Диалектическая противоположность сознания материальному миру, а непосредственно материальному процессу деятельности фиксируется в его определении как идеального (нематериального) процесса, который состоит в *отражении* материи.

Понимание сознания как момента системы социальной деятельности позволяет применить к нему характеристики системного взаимодействия: сознание вторично, относительно самостоятельно и обладает — в этих пределах — активной ролью: оно может влиять на процесс деятельности, ускоряя или замедляя его развитие. (Разумеется, это пока **лишь предельно абстрактная характер-**

ее

стика; она может быть конкретизирована лишь путем введения дальнейших различий внутри целого).

Таким образом, понятие деятельности — результат соединения материализма и диалектики, поскольку оно фиксирует материю и сознание как диалектические противоположности, причем определяющей стороной противоречия является материя. Исторический материализм имеет дело с гораздо более сложным объектом, чем другие науки, ибо социальная форма движения материи есть высшая из имеющихся сегодня форм движения. При этом познавательная задача исторического материализма направлена как раз на фиксацию качественной определенности, *специфики* этой формы движения.

Исторический материализм — это распространение материализма на общественную жизнь и одновременно конкретизация диалектики, которая обогащается за счет раскрытия законов, действующих в их наиболее сложном, развитом виде. Объективные законы непрерывно развиваются. Путь их развития воплощен в гегельевском ряде форм движения материи. Переход от каждой данной формы движения к более высокой означает усложнение всеобщих законов развития. Диалектические противоречия социального движения — самый сложный тип противоречий. Раскрывая движение этих противоречий, их возникновение, развертывание и снятие, исторический материализм дает наиболее полное, наиболее конкретное представление о законах материалистической диалектики вообще. Поэтому «социально-философское знание должно рассматриваться как сфера не только применения законов и категорий диалектического материализма, но и их разработки»¹⁵. Эта разработка состоит в том, что исторический материализм выявляет качественную специфику диалектики на уровне социальной формы движения материи. «Философские обобщения должны улавливать не только то общее, тождественное, совпадающее в закономерностях развития природы, общества и мышления, что остается за вычетом особенного, своеобразного, но и существенные различия, противоположности, конкретную связь разнообразного, общую тенденцию развития от низ-

¹⁵ *О состоянии и направлениях философских исследований.* — Коммунист, 1979, № 15, с. 72.

шего к высшему, от простого к сложному»¹⁹. В этом — одно из существенных проявлений органического единства марксистско-ленинской философии.

§ 2. ЖИВАЯ

И ОПРЕДЕЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Понимание социальной деятельности как субстанции социальной формы движения материи требует не только сведения всего многообразия различных модификаций и проявлений деятельности к абстрактному понятию деятельности вообще, но также введения различий, которые фиксировали бы внутренние, субстацпопальные противоречия социальной деятельности как целого. Систему нельзя рассматривать как нечто гомогенное, но имеющее внутри себя различий. Единая качественная определенность системы, казалось бы, предрасполагает понимать ее как нечто однородное. Однако качество есть синтетическая характеристика, она складывается именно через снятие различий. Различия всегда существуют лишь в рамках некоторого единства, а отсутствие единства дает *безразличность* составляющих.

Социальное движение, как и всякая другая форма движения материи, обладает, во-первых, признаками, общими для движения вообще, а во-вторых, признаками, специфическими лишь для данной формы движения. Поэтому и различия могут фиксироваться, как по некоторым всеобщим основаниям, так и по основаниям, специфическим лишь для данного процесса. Обнаружение этих различий является чрезвычайно важной задачей: именно доходящие до качественной противоположности внутренние различия составляют источник, движущую силу развития системы.

Поскольку исторический материализм есть *генетическая* теория, то первое различие внутри абстрактного целого «деятельность вообще» должно вводиться через понятие развития. Органическая система — диалектическое противоречие, движущей силой которого является борьба противоположностей. Задача, следовательно, сводится к

¹⁶ *О состоянии и направлениях философских исследований*. Коммунист, 1979, № 15. с. 72.

ИЯ

тому, чтобы выяснить, как выступает в процессе деятельности всеобщее внутреннее противоречие движения.

В чем значение этой задачи? Социальная субстанция как диалектическое единство материи и сознания фиксируется в понятии социальной деятельности. Как показал В. И. Ленин, сознание является высшим уровнем развития ■ всеобщего свойства материи — отражения. Понятие сознания фиксирует специфический способ, каким отражение опосредует материю на уровне ее социального движения.

Аналогично этому необходимо найти некоторый специфический способ реализации всеобщих характеристик движения применительно к данному уровню *развития движения*. Материю нельзя мыслить без движения. Категория «социальная деятельность вообще» отображает имманентное социальной форме движения противоречие, однако еще в абстрактном виде. Для того чтобы представить его достаточно конкретно, надо зафиксировать всеобщее неспецифическое противоречие движения в том специфическом виде, в каком оно выступает на социальном уровне.

Поскольку нет движения вне материи, поскольку движение — атрибут материи как субстанции, постольку и определения движения могут быть заданы лишь через субстанцию. Применительно к социальной форме движения противоречивость движения, следовательно, должна быть задана относительно социальной деятельности. Иначе говоря, движущие противоположности социальной системы должны быть заданы как модификации деятельности, а в качестве основания для их вычленения должно быть зафиксировано внутреннее противоречие движения вообще.

Внутренним противоречием движения является, как известно, противоречие между изменчивостью и покоем. Покой есть собственный момент движения, и в то же время он относительно обособлен и выступает как диалектическая противоположность изменчивости.

Всякое движение обладает количественно-качественной определенностью. Количественные различия в каждой форме движения дают внутренние для нее различия качества. Различие социального движения по его количественной определенности, доходящее до качественной противоположности, дает различие живой и опредмеченной деятельности.

Момент изменчивости в системе деятельности выступает как деятельность живая, а момент покоя — как деятельность опредмеченная. Живая и опредмеченная деятельность — это два взаимодополнительных способа существования деятельности вообще. Какой бы конкретный вид деятельности мы ни взяли, она существует всегда лишь в единстве этих двух противоположностей. Например, живой труд невозможен без опредмеченного, выступающего в виде средств производства. В свою очередь, средства производства не являются таковыми, пока их не охватит живой труд. «Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет собой испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости»¹⁷. Точно так же не может быть ученым человек, который не овладел опредмеченным в соответствующих знаковых системах научным знанием. Однако и научные знания, записанные, например, в книге, мертвы без совокупного ученого, они живут и развиваются лишь через его живую деятельность.носителем живой деятельности является субъект.

Однако живая деятельность в ее первоначальном абстрактном определении еще весьма далека от того конкретного, богатого содержания, которое фиксируется в марксистско-ленинской философии при помощи категории «субъект». В частности, последняя категория фиксирует взаимопроникновение живой и опредмеченной деятельности, так как субъект является носителем и той, и другой. Живая деятельность лишь составляет его специфику в системе социальной деятельности как целого.

В исходном же своем определении живая деятельность — это лишь момент изменчивости в сложном, противоречивом процессе социального движения. Ее противоположность, опредмеченная деятельность, также собственный, внутренний момент деятельности как целого. В этом смысле опредмеченная деятельность не является чем-то «мертвым» — наоборот, это реально живущий, движущий-

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 194.

ся но законам целого элемент социального организма. Разная степень интенсивности движения и, как результат этого, разная качественная определенность внутри движения приводят к тому, что живая деятельность снимает собой опредмеченного, выступает как движущая, ведущая сторона противоречия. В этом смысле она более полно воплощает в себе природу системы. Она противоположность покоя, и *беспокойство* противоречия, как его движущая сила, живет именно в пей.

Различие живой и опредмеченной деятельности — специфический способ реализации неспецифических характеристик социального движения. Противоречие живой и опредмеченной деятельности имеет всеобщий для социальной системы характер, оно присуще всем модификациям, всем видам и разновидностям деятельности.

И живая, и опредмеченная деятельность всегда конкретны. Так, опредмеченная экономическая деятельность существует в виде денег, опредмеченная художественная — в виде скульптур, картин, нотных записей, опредмеченная научная — в виде научных текстов, исследовательских приборов и т. д. В общем понятии, разумеется, происходит отвлечение от конкретности отдельных форм существования опредмеченной деятельности. Различение происходит по месту и роли живой и опредмеченной деятельности в едином внутренне противоречивом процессе движения — деятельности как целого. Поэтому данные понятия — лишь абстрактные средства описания конкретных видов социальной деятельности. Их методологическое значение состоит в том, что они фиксируют некоторые всеобщие, инвариантные характеристики любой деятельности, а тем самым как бы определяют общую схему ее описания.

Может возникнуть вопрос, почему именно эта оппозиция избрана в качестве исходной? Почему различие именно живой и опредмеченной деятельности, а не, скажем, практической и духовной — рассматривается как фундаментальное и всеобщее? Именно потому, что оно генетически первично. Принципиальная значимость различения практической и духовной деятельности для материалистического понимания истории несомненна. Однако возникновение этой оппозиции есть результат развития уже сформировавшейся, ставшей системой. Тогда как возникновение диалектики живой и опредмеченной деятель-

ности неразрывно связано с самим становлением, формированием социальной системы. Социальная система без специализированной духовной деятельности возможна,— ибо может быть духовно обеспечена за счет функционирования сознания, непосредственно «вплетенного» в практику,— как это было на ранних этапах социальной жизни. Таким образом, духовная деятельность есть общее для ряда исторических эпох, но не всеобщее для социальной системы. Поэтому ее оппозицию практике было бы неверно рассматривать в качестве *исходного* различия. Первична практическая деятельность, но если она — целое, то в ней и должны быть заданы различия. Когда же духовная деятельность обособляется из практики, она сохраняет в себе различие живой и опредмеченной противоположностей, благодаря чему это различие и можно рассматривать как структурно-функциональный инвариант деятельности вообще.

Если живая и опредмеченная деятельность рассматриваются как диалектические противоположности, отсюда следует ряд выводов. Назовем важнейшие из них. Во-первых, живая и опредмеченная деятельность всегда существуют в неразрывном единстве. Во-вторых, каждая из них имеет другую как свою необходимую предпосылку. В-третьих, они развиваются через взаимопереходы друг в друга.

Системность социальной деятельности проявляется прежде всего в том, что каждый вид живой деятельности имеет свою диалектическую противоположность — соответствующий вид опредмеченной деятельности. Таковы два взаимодополнительных способа существования деятельности всякого рода и вида. Неразрывная связь понятий живой и опредмеченной деятельности, казалось бы, очевидна. Однако, на наш взгляд, она осознается до сих пор не вполне адекватно. Когда в теоретическое исследование вовлекается понятие опредмеченной деятельности, оно легко и естественно соотносится с понятием деятельности живой. Но когда рассматривают тот или иной вид живой деятельности, это нередко делается даже без упоминания ее диалектической противоположности — опредмеченной деятельности соответствующего вида. Например, подобным образом часто рассматривают деятельность экономическую и политическую, такие разновидности духовной деятельности, как научная и художественная, и т. д.

Еще чаще опредмеченная деятельность вовлекается в анализ фактически, по в своей категориальной сущности но фиксируется. Так, при исследовании трудовой деятельности, конечно, невозможно полностью отвлечься от средств производства, но при этом они далеко не всегда квалифицируются как специфическое единство опредмеченной трудовой деятельности.

Такой односторонний подход к деятельности в известных пределах, конечно, правомерен, однако он не является подлинно системным. Живая и опредмеченная деятельность — это *парные* категории. Как любые другие парные категории, например «сущность и явление», «причина и следствие», «базис и надстройка» и т. д., они дают целостное отображение соответствующей стороны действительности лишь в своем диалектическом единстве. Поэтому они и не могут достаточно эффективно использоваться безотносительно друг к другу.

Психологическая сложность состоит, пожалуй, именно в кажущейся очевидности проблемы. Конечно же, каждый философ-марксист хорошо знает, что всякая деятельность предметна, что она, следовательно, опредмечивается, что она, следовательно, может существовать как *опредмеченная* деятельность. Однако когда установка на поиск противоположностей не работает в сознании исследователя постоянно, подлинное значение этой категории не осознается. Она то исчезает, то появляется в поле теоретического видения, главным образом на его периферии. Если же исходить в понимании деятельности из принципа единства противоположностей, то она должна быть изначально выделена как диалектическая противоположность деятельности живой — со всеми вытекающими отсюда выводами.

Деятельность как целое состоит из двух взаимодополнительных составляющих: деятельности живой и деятельности опредмеченной. Ни одна из них не существует сама по себе, а только опосредованно через свое иное. Это хорошо видно уже на частных примерах. Вещь, вырванная из социальной системы, есть просто природная вещь. Она живет по природным, естественным законам, постепенно разрушаясь, и ее социальные свойства оживают лишь в том случае, когда она вновь включается в социальную систему, например усилиями археологов.

Даже вещь, физически, казалось бы, находящаяся в обществе, но не охваченная живой деятельностью, элементом социальной системы не является. Точно так же и люди, оторванные от общества и тем самым лишенные средств существования, теряют свою социальность, перестают быть собственно людьми, если им вообще удается выжить. Например, повесть о Робинзоне имеет видимость правдоподобия лишь потому, что море сохранило Робинзону «социальную почву», сохранило предметы потребления и, главное, средства производства, причем как материального, так и духовного (Робинзон ведет дневник, что на соответствующем этапе европейской культуры невозможно без пера, ручки, бумаги). Недаром И. А. Олеша писал: «13 „Робинзон" увлекательнейшими страницами мне кажутся те, где описывается, как Робинзон перевозил с погибшего корабля на остров провиант, вещи, всякие запасы»¹⁸. И это попятно не только с точки зрения литературной техники, но и содержательно: именно в этих вещах — объективная основа всей дальнейшей истории.

Подобные примеры, казалось бы, подтверждают возможность существования отдельного человека независимо от общества. Но если рассмотреть историю Д. Дефо в качестве наглядной модели, то главное с точки зрения обсуждаемого аспекта проблемы состоит в том, что Робинзон вовсе не был оторван от человеческого общества. Общество присутствовало на острове опосредованно через вещи, спасенные, после кораблекрушения, и именно их наличие делает все дальнейшее в принципе возможным. Иначе говоря, живая социальная деятельность не могла бы сохраниться, если бы она не имела непеременимого условия своего существования — предшествующей опредмеченной деятельности. Такова система, и стороны ее неразрывны, они не могут существовать одна без другой. Конечно, Робинзон здесь не более чем наглядная модель, ибо в действительности живая деятельность — это процесс, охватывающий огромное множество людей. Однако существо дела пример с Робинзоном передает. Если бы все люди вдруг лишились «социальных вещей», их шансы на выживание оказались бы в прямой зависимости лишь от того, насколько они сохранили в себе опредмеченную деятельность, т. е. знания.

¹⁸ Олеша Ю. Литературная техника, — В кн.: Олеша Ю. Пять рассказов. М., 1965, с. 423—424.

Нередко живую деятельность соотносят с субъектом — ее носителем, под которым понимается человек или группа людей, а опредмеченную деятельность — с вещами. Такая трактовка, казалось бы, находит прямое подтверждение в текстах К. Маркса. Так, Маркс пишет, что «во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности»¹⁹. Однако у Маркса намечены и более тонкие различия. Так, он одобрительно говорит о попытке Годскина «сделать ударение на *субъекте*, так сказать на субъективном в субъекте, в противоположность вещи»²⁰. Выражение «субъективное в субъекте», по наш взгляд, содержит значительные возможности для углубления в диалектику живой и опредмеченной деятельности.

Если в субъекте выделяется субъективное, то, следовательно, в нем можно выделить и объективное, объективированное. Иначе субъективное и субъект полностью совпадали бы и выделить в субъекте субъективное как нечто особенное было бы невозможно. Между тем Маркс выделяет труд и рабочую силу как различные характеристики рабочего. Рабочая сила как способность к труду нуждается в воспроизводстве и развитии. «Для того чтобы преобразовать общечеловеческую природу так, чтобы она получила подготовку и навыки в определенной отрасли труда, стала развитой и специфической рабочей силой, требуется определенное образование или воспитание, которое, в свою очередь, стоит большей или меньшей суммы товарных эквивалентов»²¹. Рабочая сила — результат воплощения в индивиде живой деятельности: «Поскольку рабочая сила — стоимость, в ней самой представлено лишь определенное количество овеществленного общественного среднего труда»²². Вместе с тем она источник живой деятельности, которая и выступает как реальный способ осуществления рабочей силы, «рабочая сила осуществляется лишь путем внешнего ее проявления, она осуществляется только в труде»²³.

Перед нами пример перехода живой деятельности в опредмеченную и обратно, когда носителем противопо-

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 200.

²⁰ Там же, т. 26, ч. III, с. 305.

²¹ Там же, т. 23, с. 182—133

²² Там же, с. 181.

²³ Там же.

ложных моментов этого многократно опосредованного процесса выступает в конечном счете индивид как субъект труда. Он субъект труда лишь постольку, поскольку в нем предварительно воплощена, опредмечена предшествующая живая трудовая деятельность. Этот пример демонстрирует важную закономерность всеобщего механизма взаимосвязи живой и опредмеченной деятельности. Не только производство рабочей силы, но и вообще социализация как процесс превращения индивида в субъекта — носителя той или иной живой деятельности представляет собой процесс опредмечивания в нем предшествующей живой деятельности. То же самое относится к воспроизводству рабочей силы и субъектов вообще.

По нашему мнению, неверно отождествлять живую деятельность лишь с людьми, а опредмеченную лишь с вещами. Живая деятельность — это *момент изменчивости* в процессе, выступающем как система деятельности. Определенная деятельность — *момент устойчивости*, покоя в процессе, выступающем как система деятельности.

Именно люди выступают источником изменений, непосредственно воплощают в себе момент изменения. Поэтому они и есть носители живой деятельности *по преимуществу*. Именно вещи выступают источником неизменности, устойчивости в социальной системе, непосредственно воплощают в себе момент покоя. Но противоположности взаимопроникают, и без учета этого адекватно понять систему в принципе невозможно.

Люди являются носителями не только момента изменчивости, но также и момента неизменности. Так, социальная память существует не в одних вещах — носителях знаковых систем. Важная форма социальной памяти — память индивидов. Ее значение очевидно, например, для тех этапов развития, когда отсутствовала развитая письменность. Однако и в современных условиях память индивидов не просто некоторое передаточное устройство от овеществленной (в книгах, пленках, пластинках и иных социальных средствах хранения знаний) памяти к системе живой деятельности, реализующейся через действия индивидов. Память индивидов и сегодня — второе важное составное звено социальной памяти наряду с овеществленной памятью, как это было и на ранних этапах существования общества.

Специфика ранних этапов состоит в том, что в тот период отсутствовали *специализированные* овеществленные системы памяти. Но и тогда социальная память как целое включала в себя две большие подсистемы: память индивидов и овеществленную память, которая, однако, не была специализированной. Социальные вещи — и прежде всего средства производства и предметы потребления — осуществляли функции памяти как вторичные. Они и сегодня осуществляют эти функции: в принципе по ним можно реконструировать многие стороны общественной жизни. Позднее функция хранения знаний обособилась: появились вещи, для которых она не производная, вторичная, а основная, первичная. (Поэтому чрезвычайно трудно познать ту или иную культуру как некий качественно специфический конкретно-исторический тип социальной системы, если не обращаться к памятникам письменности. Известно, как ценятся археологами и историками различного рода рисунки, рукописи и тому подобные специализированные носители знаний.) Однако и живая память — если использовать этот термин в противоположность памяти овеществленной — обладает значительными способностями, которые не следует недооценивать. Так, все более активно разворачивающиеся исследования массового сознания, показывают, что оно способно хранить различного рода знания, например мифологические, религиозные, естествоведческие и т. д., на протяжении столетий и тысячелетий²⁴.

То обстоятельство, что люди выступают носителями не только изменчивости, но и неизменности, было бы неверно рассматривать как какой-то артефакт, как закономерность, связанную скорее с остаточным переживанием более ранних характеристик системы в более поздних ее состояниях. Такое «переживание» является предпосылкой дальнейшей жизни системы. Люди выступают носителями живой деятельности, т. е. способны изменять систему своими совокупными действиями, только потому, что эти действия опосредованы системой, воплотили в себе ее качественную специфику, иначе говоря, они сами отожде-

²⁴ *Иванов В. В.* Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976; *Иванов В. В., Топоров В. И.* Исследования в области славянских Древностей. М., 1974; *Мелетинский Е. М.* Палеоазиатский мифологический эпос. М., 1979; *Пропт В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976.

ствились с системой, стали ее собственным моментом. Без этого всякие действия либо разрушают систему, либо отторгаются ею. Тканевая несовместимость в биологических телах лишь специфическая форма проявления общесистемной закономерности.

Во всяком процессе необходимо различать предшествующее и последующее. Соответственно социальный процесс может быть рассмотрен как продукт и процесс деятельности, если понимать продукт как процесс в его ограниченности прошлым. Продукт есть прошлый процесс, как он дан настоящему.

Выделение прошлого процесса (в его связи с настоящим) и настоящего процесса, процесса в собственном смысле, как непосредственного изменения значимо не только во временном аспекте. За временной градацией скрыты причинно-следственные связи и выражающие их функциональные различия. Продукт — прежде всего внутренний, относительно противостоящий момент целостного процесса, почему и правомерно разграничение процесса на продукт и собственно процесс. Иначе говоря, продукт выступает как снятие предшествующего и предпосылка, условие последующего процесса. Таким образом, перед нами взаимообусловленные, взаимопроникающие стороны, или противоположности. Системное изменение — самоизменение, т. е. изменение собой, через себя. Поэтому последующее выступает как *продукт* предшествующего, а предшествующее — как предпосылка последующего.

Анализ диалектики живой и опредмеченной деятельности позволяет раскрыть механизм реализации двух взаимодополнительных моментов развития — сохранения и изменения системы. Специфическая функция живой деятельности состоит в том, что она выступает как преобразователь системы. Движение опредмеченной деятельности, наоборот, представляет собой специфический социальный механизм наследования, качественно отличающийся от биологического прежде всего тем, что он отделен от индивидов.

Однако противоположности взаимопроникают, поэтому живая деятельность участвует также в сохранении, воспроизводстве системы, а опредмеченная — в ее изменении, развитии. Система есть процесс, постоянное изменение, в силу его циклического характера, является прежде всего средством, формой сохранения ее неизменности,

себетождественности. Эта неизменность, конечно, не абсолютна: всякое тождество конкретно. Поэтому воспроизводство — одновременно не только сохранение тождественности, но и возникновение различий. На основе непрерывного воспроизводства система непрерывно развивается. «Общество не есть кристалл, а организм, способный к превращениям»²⁵.

Единство изменения и сохранения выступает как *накопление*. Накопление — всеобщий способ существования систем, специфическая форма системного развития. Накопление — это процесс и, следовательно, постоянное изменение уже достигнутого. Последующее есть и *то же самое*, и *другое*. Соответственно накопление выступает как накопление тождественного и накопление различного, т. е. единство сохранения и преобразования. Сохранение и развитие системы взаимообусловлены. Накопление — это их синтез, взаимное опосредование.

К. Маркс писал о труде: «*Накопление* является здесь *ассимиляцией*, постоянным сохранением и вместе с тем преобразованием уже воспринятого, осуществленного»²⁶. По нашему мнению, эта характеристика применима не только к труду, но и к деятельности вообще, ко всем ее разновидностям. О том, что накопление есть общесистемная характеристика, говорит, в частности, сравнение с биологическими системами: «В таком именно смысле Дарвин делает „накопление“ посредством наследственности у всех организмов, у растений и животных, движущим принципом их формирования». По Дарвину (а к нему присоединяется Маркс), «различные организмы сами формируют себя посредством „накопления“ и являются лишь „изобретениями“, постепенно накапливаемыми изобретениями Живых субъектов»²⁷. Из контекста следует, что речь идет прежде всего о растениях и животных. Поэтому ясно, что «изобретение» здесь нельзя сводить к его высшему типу — созданию нового при посредстве сознания. Изобретение в системе — это вообще появление нового, которое закрепляется и становится предпосылкой дальнейшего развития. В этом смысле организм — независимо биологический или социальный — постоянное изобретение.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 305.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Противоречие, воплощенное во взаимодействии живой и опредмеченной деятельности, имеет всеобщий характер не только для социальной системы, но и в более широком смысле. Подобное противоречие — каждый раз в своей, специфической форме — присутствует во всякой системе вообще. Так, противоречие между изменчивостью и устойчивостью имеется в биологических системах. Механизмы стабилизации такого непрерывного потока изменений, как филогенез и онтогенез, до конца еще не раскрыты, однако давно уже ясно, что без них нет и жизни.

На наш взгляд, принцип единства изменчивости и устойчивости можно обобщить и рассматривать как универсальную общесистемную закономерность. В частности, общий характер имеет следующий механизм: ненаправленная изменчивость — отбор — закрепление. Важно, однако, подчеркнуть, что ненаправленный характер изменчивости не следует трактовать в абсолютном смысле. В каждом конкретном случае есть вполне определенный спектр, набор возможных вариантов изменения. Так, в атомной модели Бора электрон имеет вполне определенный набор орбит, по которым он движется вокруг ядра, и, следовательно, соответствующий набор возможностей изменить свое положение. Атомная модель Бора, очевидно, зафиксировала применительно к конкретному типу объектов некоторые общие черты диалектики непрерывности и дискретности.

Во всякой системе, на наш взгляд, каждый раз имеется вполне определенный, заданный предшествующим развитием набор возможностей изменения системы. Этот набор не предопределен однозначно и вместе с тем не безграничен. Если наличие вариантов развития системы, которые невозможны в данных условиях, обозначить как принцип запрета, то этот принцип можно обобщить на системы вообще и трактовать как в структурно-функциональном, так и в генетическом смысле. Например, невозможен переход к строительству социализма до тех пор, пока не будут созданы необходимые материальные и духовные предпосылки. Генетически первично движение через фазу капитализма. Альтернативным вариантом, при наличии необходимых условий, выступает некапиталистический путь развития.

Критика абсолютистской трактовки изменчивости, если она основана на противопоставлении закономерности и

случайности, ведет к фатализму²⁸. Набор наследственных вариаций каждый раз ограничен. Однако *выбор* одной из них отнюдь не предопределен однозначно. На наш взгляд, подобная ситуация имеет место и в системе социальной деятельности. Количество возможных изменений в общем случае неоднозначно — и вместе с тем не беспредельно. Каждый раз имеется некоторый объективный спектр, набор возможных вариантов осуществления живой деятельности, что, с одной стороны, позволяет говорить о закономерном характере социального развития, а с другой — требует признать социальные законы стохастическими. Из сказанного следует, что каждый шаг вперед — это всегда выбор, который означает реализацию одной из возможностей за счет других, нереализованных. Каждая система имеет свои механизмы выбора. Специфический механизм выбора в социальных системах — это сознание. Неопределенным системный процесс является в том смысле, что в каждом данном случае нет однозначной предопределенности дальнейшего развития. Сам же спектр возможностей каждый раз конечен и непосредственно определен предшествующим развитием системы. Этот механизм имеет место в самых различных сферах деятельности: трудовой, научной, политической и т. д. Например, набор объективно возможных на данном этапе развития научных концепций каждый раз непосредственно определен исторически сложившимися формами мышления, наличным уровнем знания, а также рядом вне-научных факторов, в частности характером экономических, политических, нравственных и других интересов, которые обслуживает наука.

Итак, изменчивость в социальной системе имеет ненаправленный характер — в том смысле, что она не предопределена фатально (здесь, пожалуй, точнее было бы сказать, что она не имеет абсолютно направленного, абсолютно предопределенного характера). В то же время социальные изменения имеют закономерный характер, ибо определены предшествующим развитием, а также характером взаимодействия наличных элементов и подсистем. Исследование конкретно-исторического соотношения возможностей развития, возникающих в диалектике

²⁸ Применительно к биологии см., в частности: Берг Л. С. Труды по теории эволюции. Л., 1977.

живой и опредмеченной деятельности, задача истории, эмпирической социологии и других специальных наук. Однако, каковы бы ни были конкретно-исторические вариации, в социально-историческом процессе всегда имеется определенный инвариант, некий всеобщий внутренний механизм развития, состоящий в диалектике живой и опредмеченной деятельности.

Тем не менее следует подчеркнуть, что этот инвариантный механизм далеко не всегда вычленяется как в общесоциологических, так и в специально-научных социальных исследованиях. Это связано, в частности, с односторонним пониманием социальной деятельности. Как отмечалось во введении к данной работе, за последнее время в советской философской литературе получило определенное распространение выражение «деятельност-ный подход». Оно используется применительно к исследованию как отдельных социальных процессов, например, познавательных, так и общественной жизни в целом. В отношении так называемого деятельностного подхода известны сдержанно-скептическая позиция, а также более или менее выраженный негативизм. Однако немало энтузиастов «деятельностного подхода», и их количество, пожалуй возрастает.

Думается, что за выражением «деятельностный подход» скрываются весьма различные позиции и поэтому в каждом конкретном случае необходимо уточнять, что, собственно, имеется в виду. Уже поэтому использование данного выражения создает определенные трудности и по крайней мере нуждается в спецификации. Есть, однако, и более серьезное обстоятельство. К сожалению, у ряда авторов, пишущих о деятельности, независимо от того, употребляют они или нет выражение «деятельностный подход» для обозначения своей позиции, выражена тенденция к преувеличению роли этой категории в исследовании общественных процессов. Думается, что такая абсолютизация возникает прежде всего как следствие одностороннего понимания самой деятельности, что и затрудняет адекватную оценку познавательных возможностей этой категории.

В связи с участвовавшими попытками представить человеческую деятельность в качестве чуть ли не главной категории социально-философского исследования, все чаще говорят, что человеческую целесообразную деятель-

ность нельзя рассматривать как исходное понятие в построении социальной теории. Какая же «деятельность» имеется в виду спорящими сторонами? Анализ показывает, что, хотя это обстоятельство зачастую и не фиксируется в явной форме, в полемике подразумевается живая деятельность, которая понимается иногда как деятельность субъекта-группы, иногда как деятельность человека-рода, т. е. человечества как единого субъекта, а нередко и как «деятельность» отдельного человека.

С нашей точки зрения, понимание человека как рода — абстракция, несомненно нуждающаяся в конкретизации, особенно если дело касается поиска исходного понятия для построения диалектико-материалистической концепции общества. Идет ли здесь речь о понимании человечества как единого субъекта или о фиксации ваяг-нейших характеристик, присущих человеку как представителю особого рода существ,— эти и другие возможные трактовки данного выражения означают возникновение совершенно разных познавательных ситуаций. Думается, однако, что ни одна из этих ситуаций не представляет собой достаточно содержательную исходную позицию для решения обсуждаемой задачи.

Для достижения подлинно системного понимания социальной деятельности необходимо преодолеть три основные разновидности неполноты выделения системы, имеющиеся в современной советской литературе: во-первых, сведение живой социальной деятельности к действиям отдельного человека, во-вторых, сведение социальной деятельности вообще к живой социальной деятельности и, в-третьих, сведение взаимной деятельности двух субъектов к деятельности одного субъекта. Первое — результат переноса обыденного понимания деятельности на теоретический уровень. Второе — отголосок субъективистского, в конечном счете идеалистического, понимания деятельности. Третье — проявление метафизического подхода к деятельности; по существу, это социологическая разновидность робинзонады, т. е. в лучшем случае натуралистическая трактовка социального субъекта. Все перечисленные проблемы непосредственно связаны с выделением субстанции социальной системы, а на этой основе — и с ее структурированием.

Подавляющее большинство авторов, пишущих о деятельности, имеют в виду *живую* деятельность. В резуль-

тате возникает странная ситуация. Сторонники «деятель-постного подхода» сводят деятельность к ее частному проявлению, к одному из ее моментов. Противники «деятельностного подхода» как будто бы полемизируют с ними, но, по существу, понимают деятельность столь же односторонне. Расхождения между ними сводятся лишь к оценке эвристических возможностей одного и того же, весьма одностороннего понимания деятельности. Первые считают, что это понятие способно выступить в качестве объяснительного принципа общественной жизни, исторического процесса и, значит, в качестве основного понятия при разработке социальной теории. В противовес такому подходу, вторые считают, что деятельность не может пониматься как основное понятие, как основной объяснительный принцип в научной трактовке общественной жизни.

Нельзя не согласиться, что *так понимаемая* деятельность действительно не может выполнить эту роль, ибо это противоречит принципу материалистического понимания истории. Деятельность в такой трактовке, т. е. *живая* человеческая деятельность, как бы ни понимался субъект — ее носитель, не может рассматриваться в качестве исходного определения общества. Такой подход в конечном счете ведет к идеализму в понимании общества, ибо первичный и определяющий элемент живой деятельности — цель, следовательно — образование идеальное. Думается, в этом споре затронута одна из проблем, где принцип партийности марксистско-ленинской философии требует прямых определений и недвусмысленных квалификаций. Дело в том, что такое понимание деятельности не является целостным, диалектическим ее пониманием. Оно абстрактно-односторонне, и поэтому его применение там, где необходимо *целостное* представление деятельности, способно лишь породить заблуждения. Разумеется, это не только не мешает, но и требует применять понятие «живая деятельность» там, где речь идет именно об этой модификации социальной деятельности как многообразного целого.

Совершенно несостоятельно некатегориальное употребление выражения «деятельность» или «живая деятельность», основанное на сведении его значения к действиям отдельных лиц, индивидов. Даже в психологии за изучением действий отдельных лиц стоит некое обобщенное

представление, фиксирующее в них инвариант, присущий соответствующему типу, т. е. стоит представление о субъекте. В историческом же материализме живая деятельность понимается в еще более абстрактном смысле. Само различие субъектов, на наш взгляд, более поздний результат, основанный на понимании живой деятельности как момента изменения в социальной системе.

Конечно, тот факт, что человек копает землю, можно интерпретировать как акт живой трудовой деятельности, а показав лопату, констатировать, что в ней опредмечен предшествующий труд. Можно сказать, например, что просмотр спектакля или создание симфонии — это акты живой художественной деятельности. Можно, наконец, утверждать, что когда человек ест или спит, имеет место акт его воспроизводства как носителя рабочей силы или как носителя способности к другим видам социальной деятельности. В дидактических целях такие приемы, пожалуй, и неизбежны. Но при этом надо отчетливо сознавать и оговаривать, что перед нами эмпирический объект, который включает в себя, с одной стороны, бесконечно многообразное содержание, а с другой — лишь некий ничтожно малый момент того, что охватывается понятием живой деятельности.

Насколько опосредованна связь идеализирующих понятий типа «социальная деятельность вообще», «живая деятельность» и т. п. с эмпирией, хорошо показывает пример с введенным К. Марксом понятием стоимости. Эмпирически данный труд — это всегда труд того или иного индивида, конкретный по своему содержанию. Однако в основе понятия «стоимость» лежит понятие об *абстрактном общественно необходимом* труде. В результате от продуктов труда как носителей стоимости не остается ничего, «кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишённого различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты»²³.

Если, например, учесть, что «общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 46.

производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»³⁰, то становится ясно: эмпирический индивид здесь присутствует лишь в снятом виде. Он взят в совокупности со всеми другими индивидами данного общества, осуществляющими трудовую деятельность, его труд сведен «к человеческому труду без всякого дальнейшего качества»³¹.

В понятии «живая социальная деятельность» эмпирически данные действия эмпирически данных индивидов прежде всего сводятся к моменту изменения социальной системы — и лишь затем начинается длительный ряд конкретизации, позволяющий проследить механизмы осуществления социальных изменений, их структуру, исторические особенности и т. д.

Важно всегда исходить из того, что в понятии «живая деятельность» снимается социальное значение, социальный эффект действий отдельных лиц, а значение это определяется целым, т. е. характером социальной системы. Конечно же, именно отдельные действия отдельных лиц составляют тот эмпирический материал, который обобщается в понятии живой социальной деятельности. Но суть дела в том и состоит, что индивидуальный разброс, имеющийся в этом материале, погашается в общем понятии и способ этого погашения определяется характером используемой теоретической конструкции в целом, определяется в частности, соотносительными теоретическими представлениями деятельности, в единстве с которыми формируется и функционирует понятие живой деятельности. Например, если учесть, что при сведении эмпирических действий отдельных лиц к понятию «(живая) деятельность субъекта» играет роль их *социальный эффект*, их воздействие на развитие системы, то станет очевидным, что в определенных случаях, скажем, эмпирическое «бездействие» одного или нескольких индивидов может оказаться гораздо более важным слагаемым в совокупной деятельности субъекта, чем эмпирические действия многих.

Мы избрали этот пример отнюдь не для того, чтобы пытаться показать, будто бы отдельные лица играют более важную роль, чем масса. Просто это одна из объек-

³⁰ Там же, с. 47. ³¹ Там же, с. 54.

тивно возможных вариаций, показывающая, как далека бывает теоретическая картина от эмпирической данности и насколько, следовательно, недопустимо непосредственное отождествление категории «живая социальная деятельность» с действиями отдельных эмпирически данных лиц или даже их групп.

Но даже если о живой деятельности говорят в категориальном смысле, тем не менее недопустимо сведение к ней социальной деятельности вообще. Многие авторы, сводящие деятельность лишь к живой ее «разновидности», не формулируют своей позиции в явном виде попросту потому, что не видят проблемы. Однако анализ показывает, что, говоря о деятельности, обычно подразумевают живую деятельность того или иного субъекта (субъектов). В результате претензии на универсальное значение этой категории остаются неподкрепленными. Приведем один из множества возможных примеров. Так, О. В. Ханова пишет, что «деятельность является сущ-постью человеческого способа бытия»³². При этом имеется в виду живая деятельность, ибо автор задает понимание деятельности через «цель — средство — результат», что имманентно именно для *живой* деятельности. Тем не менее ставится задача вписать «деятельность» в теоретико-социологический контекст, сопоставить ее с такими категориями как «образ жизни», «культура» и т. п.

Несостоятельность «живой деятельности» как исходной категории исторического материализма справедливо отметил (правда, в неадекватной форме) В. А. Демичев. Обсуждая вопрос о систематизации исторического материализма, он пишет: «Вызывает сомнение предложение начать с категории деятельности — эта категория хотя и одна из центральных, но производная. Ведь деятельность есть всегда деятельность некоего субъекта, его атрибут, им объясняемый. Не получится ли, что в этом случае мы фактически должны будем начать с категории субъекта, хотя и скороговоркой, «делая вид», что начинаем с его деятельности?»³³ В. А. Демичев четко фиксирует пробле-

³² Ханова О. В. Культура и деятельность. Саратов, 1978, с. 5.

³³ Демичев В. А. О некоторых аспектах рассматриваемой проблемы.— В кн.: Проблемы систематизации категорий исторического материализма. Челябинск, 1980, с. 5—6.

му на категориальном уровне. По ведь в том-то и дело, что сведение деятельности вообще лишь к деятельности субъекта, следовательно, прежде всего к живой деятельности, есть результат ее одностороннего, несистемного понимания. По существу, такая логика навязана В.А.Де-мичеву его оппонентами.

Однако, отрицая результат, необходимо проследить исходные допущения, которые к нему приводят: такой подход нередко позволяет переформулировать саму проблему. В данном же случае, на наш взгляд, нужна именно эта процедура. Если в явном виде зафиксировать, что речь идет, в сущности, о живой деятельности, то становится очевидным, что деятельность в таком ее понимании не может быть использована ни как исходная, ни как производная, если не соотнести ее с парной категорией опредмеченной деятельности. Если же зафиксировать социальную деятельность при помощи данной пары категорий, тогда возникает вопрос о том уровне конкретности, на котором это различие позволяет подойти к достаточно развернутому системному представлению социальной деятельности, т. е. представлению ее *как системы*.

Различение живой и опредмеченной деятельности играет чрезвычайно важную роль в характеристике социальной системы. Без использования этого различия представлять социальные объекты *как системы* в принципе невозможно. Однако само по себе различение живой и опредмеченной деятельности еще нельзя считать *системным* представлением социальной деятельности — оно для этого чрезмерно абстрактно. Необходимо пройти ряд последующих конкретизации, чтобы выработать представление о социальной деятельности как о системе. Одна из таких важных конкретизации состоит в том, чтобы зафиксировать взаимодействие, а на этой основе — взаимопроникновение живой и опредмеченной деятельности, для чего необходимо, в частности, введение категорий субъекта и объекта.

§ 3. СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ

Субъект есть ведущая противоположность, активная сторона противоречия. Поэтому понятие субъекта может употребляться в общепhilософском смысле применитель-

но не только к социальной системе^{3\} Социальный субъект обладает рядом специфических характеристик. Рассмотрим, хотя бы вкратце, те из них, которые наиболее существенны для системного представления социальной деятельности.

Понятие субъекта не совпадает ни с понятием живой, ни с понятием опредмеченной деятельности: оно фиксирует их взаимопроникновение. Опредмеченная деятельность — это способ, каким система положена в субъект. Живая деятельность — это способ, каким субъект дан системе. Специфика этой категории, следовательно, в том, что она фиксирует *синтез* противоположностей, опосредующих процесс развития системы.

Деятельность обычно определяют как процесс (способ) воздействия субъекта на объект. Когда хотят подчеркнуть роль объекта в этом процессе (его пусть подчиненное, но тоже существенное обратное воздействие на субъекта), определяют деятельность как процесс взаимодействия субъекта и объекта, причем такого взаимодействия, в котором субъект играет активную, определяющую роль. Следует подчеркнуть, что деятельность в таком ее определении уже не есть «деятельность вообще». Это — гораздо более узкое понимание социальной деятельности, оно вычленяет именно деятельность *субъекта* как одну из *составляющих* процесса социальной деятельности *в целом*. В связи с этим такое определение нельзя рассматривать как исходное общее определение деятельности.

Введение категории «социальный субъект» через синтез предшествующей категориальной пары создает воз-

³⁴ Проблема субъекта — одна из основных философских проблем. Советские исследователи уделяют ей значительное внимание. См., напр.: *Абдильдин Ж. М., Валгимбаев А. С.* Диалектика активности субъекта в научном познании. Алма-Ата, 1977; *Абишев К. А., Акмамбетов Г. Г., Ротницкий В. Я.* Проблема субъекта и объекта в марксистской философии. Алма-Ата, 1975; *Арефьева Г. С.* Социальная активность. (Проблема субъекта и объекта в социальной практике и познании). М., 1974; *Дейнеко Я. И.* Объективное и субъективное в процессе отражения. (Философский аспект). Киев—Одесса, 1978; *Кузьмин В. Ф.* Объективное и субъективное. (Анализ процесса познания). М., 1976; *Лекторский В. А.* Субъект, объект, познание. М., 1980; *Любутин К. Н.* Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. Свердловск, 1973; *Наумов Ю. К.* Активность субъекта в познании. М., 1969; *Петрушик А. П.* Творческая активность субъекта в познании. Минск, 1975; и др.

возможности для фиксации новых расчленений в системе социальной деятельности. Эти возможности реализуются путем введения парной категории теперь уже относительно категории субъекта. Эту роль выполняет, как известно, категория «объект».

Вряд ли стоит оговаривать, что обе эти категории в различных философских системах обладают весьма разным содержательным наполнением. В марксистско-ленинской философии важнейшие характеристики объекта, во-первых, его объективное существование и, во-вторых, опосредованность деятельностью. «Объект не тождествен объективной реальности, материи: лишь те, существующие независимо от человека вещи, становятся объектом, которые включаются в человеческую деятельность, начинают осваиваться субъектом предметно-практически и познавательно»³⁵. Таким образом, с учетом объективности объекта, его непосредственной спецификацией является именно соотносительность с деятельностью субъекта: объект — это «то, что противостоит субъекту, на что направлена его предметно-практическая и познавательная деятельность»³⁶.

Подобно тому, как возникает вопрос об особенностях социального субъекта, правомерна постановка вопроса и об особенностях социального объекта. Эти два вопроса, в сущности, неразделимы. Нельзя дать достаточно содержательную характеристику субъекта без соответствующей характеристики парной категории — объекта.

Для понимания природы субъекта огромное значение имело разграничение категориальных пар «субъект — объект», с одной стороны, и «материя — сознание», с другой. Достоинство этой точки зрения в том, что она подчеркивает активность субъекта, вычленяющую объект в процессе своей деятельности. Та или иная часть объективной реальности приобретает «свойство быть объектом» только в отношении субъекта".

³⁵ Лекторский В. Объект.— Философская энциклопедия, т. 4. М., 1967, с. 123.

³⁶ Там же.

³⁷ См. об этом: Кузьмин В. Ф. Объективное и субъективное. М., 1976; Лекторский В. А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М., 1965; Шентулин А. Я. Система категорий диалектики. М., 1967.

Суть задачи как раз и сводится к тому, чтобы раскрыть противоречивость объекта и субъекта, т. е. представить их как противоположности. Это значит, что они должны быть заданы не только как *различные*, но и как *тождественные*. Субъект должен быть представлен как объект деятельности, но это означает лишь то, что и объект должен быть представлен как субъект.

Субъект и объект действительно взаимопроникают как разные моменты движения единой субстанции, однако прежде всего они различны. На первом уровне приближения их соотношение может быть зафиксировано следующим образом. Если субъект непосредственно дан системе как посетитель живой деятельности, то объект может быть определен как деятельность опредмеченная. Это определение отображает одну из существенных характеристик объекта. Важно, однако, подчеркнуть, что оно еще чрезмерно абстрактно и приемлемо лишь как исходное. Нередко же этим пониманием ограничиваются. При таком подходе объект и субъект даны как различные, особенно если субъект сводится к живой деятельности. Абсолютизация различий, имеющих в субъекте и объекте, мешает решить главную задачу диалектического познания — раскрыть тождество этих противоположностей.

Социальная деятельность есть единство объективного и субъективного. Объективный — значит независимый от субъекта, зависящий от иного. Субъективный — значит зависящий от субъекта, имеющий основание в нем самом. Каждое, системное изменение зависит не только от элемента, непосредственно производящего это изменение, но и от системы в целом. Поэтому субъект, как источник изменений, обладает и субъективными, и объективными характеристиками. *Субъектное* как *присущее субъекту* — это единство субъективного и объективного.

Источник независимой от субъекта составляющей в едином механизме детерминации системных изменений выступает как противоположность субъекта, т. е. объект. Объект положен в субъекте, но это скорее способ воздействия на субъекта, чем собственное существование объекта. Объект в своей независимости отделен от субъекта.

Объект, таким образом, не только собственная, *внут**ренняя, но и внешняя, общесистемная противополож-

аость субъекта. Объект не только проникает в субъекта, но и противостоит субъекту как его иное в системе — и в этом его главная характеристика. Поскольку объект объективен, он не зависит от субъекта. Это значит, что он зависит от чего-то иного. Но в системе, состоящей из двух противоположностей, ничего иного, кроме субъекта и объекта, нет. Таким образом, если объект не зависит от субъекта, он зависит от себя. Следовательно, он сам является субъектом.

Мы пришли к выводу, что сторона противоречия, противоположная субъекту, выступает как объект относительно него и как субъект относительно себя. Значит ли это, что субъект и объект непосредственно совпадают и различие, таким образом, попросту не имеет смысла? Отнюдь нет. Перед нами — эффект взаимопроникновения противоположностей. Каждая из сторон противоречия имеет как субъективные, так и объективные характеристики, а субъект выделяется лишь по *преобладанию* той или иной определенности относительно системы в целом. Всякая абсолютизация лишь одного из этих двух определений ведет к разрыву системы, ибо не позволяет выявить взаимообусловленность сторон, без чего нет противоречия.

Определение субъекта лишь как субъекта и объекта лишь как объекта может быть приемлемо, но на первоначальном этапе анализа, поскольку оно чрезмерно абстрактно для того, чтобы содержательно раскрыть механизм взаимодействия противоположностей в социальной системе. Пока стороны заданы лишь как различные — система еще не задана.

Рассмотрим, почему нельзя счесть достаточной характеристику объекта через его абсолютное противопоставление субъекту деятельности? Социальное взаимодействие, конечно, так же асимметрично, как и любое другое взаимодействие. Однако тот факт, что в нем всегда есть более активная сторона, не должен заслонять следующих принципиально важных обстоятельств. Во-первых, активность стороны противоположной функционально необходима, ибо без нее также нет целого. Таким образом, субъектные характеристики присущи не только лишь ведущей, но *обеим* сторонам социального взаимодействия. Во-вторых, количественно она сопоставима с активностью стороны преобладающей. В-третьих, преобладание

активности у одной из сторон взаимодействия всегда относительно не только в количественном, но и в *качественном* смысле. Активность фактически *распределяется* между сторонами взаимодействия, так что одна активна в некотором одном аспекте, а другая — в другом. Ведущей же является та, которой присуще преобладание активности, точнее — преобладание активности в некоем, системно более важном аспекте. Наконец, соотношение активности как в количественном, так и в качественном аспектах имеет исторический характер, т. е. изменяется с развитием взаимодействия.

Казалось бы, развитием объекта можно пренебречь при функциональном подходе. Но в том и состоит особенность марксистского историзма, что он не просто *один из* принципов, который может либо использоваться, либо не использоваться наряду с другими в том или ином конкретном случае, в зависимости от характера познавательной задачи. Принцип историзма в марксистской социологии является фундаментальным, всеобъемлющим, а отсюда следует, что все теоретические конструкции должны строиться с его учетом, па его основе. Способ введения синхронных (функциональных) моделей в историческом материализме основан также на применении принципа историзма. Даже когда то или иное взаимодействие рассматривается как наличное, в отвлечении от его прошлого и будущего, это не значит, что оно может рассматриваться в отвлечении от развития. Оно должно быть теоретически представлено как *ставшее*, т. е. как *результат* развития. Развитие как результат — развитие в снятом виде, присутствует во всяком ставшем состоянии. В соответствии с этим и в собственно функциональном представлении объекта использование принципа развития играет принципиально важную роль.

Только при таком подходе и возникает необходимость проследивать активность обеих сторон взаимодействия. Если на одном этапе развития снимаемая активность выступает, казалось бы, пренебрежимо малой величиной, то другой, следующий, этап не может быть понят — особенно когда происходит качественный скачок, — если в предшествующем не найден зародыш, не раскрыта возможность перехода в противоположность, качественного преобразования системы. Словом, исторический подход как научное исследование процесса развития в принципе не-

возможен без установки на выявление противоречий. Следовательно — противоположностей. Следовательно — *активности* взаимодействующих сторон, без чего стороны взаимодействия не могут быть представлены как противоположности. Ибо активность — это полагание и отрицание в их единстве.

Но исторический материализм, как мы отмечали, предполагает применение принципа историзма к исследованию объектов независимо от того, фиксируются они в генетическом или функциональном (синхронном) аспектах. Определяемая противоположность, ведущая к возникновению последующего, качественно нового состояния объекта, где она лишь и выступает впервые в явном виде, тем не менее уже присутствует в каждом данном наличном состоянии. И дело не только в том, что отвлечение от ее исследования оставляет в поле теоретического видения лишь одну сторону целого. Односторонность проявляется еще и в том, что даже эта одна сторона не раскрывается адекватно. Ибо она сама не что иное, как лишь противоположность, снятие, которое не может быть понято *как таковое* без учета того, *что именно* им снимается, а значит — лежит в его основе. Тот или иной результат может быть достигнут разными средствами. Чтобы его понять конкретно, нужно увидеть его внутренние опосредования. Всякое снятие может быть адекватно понято лишь в его обусловленности. А это и значит, что в исследовании должны быть учтены его основания, т. е. качественная и количественная определенности того, что снимается. Внутренние механизмы развития присутствуют в каждом наличном состоянии как его имманентные характеристики. Поэтому всякое качественное состояние объекта не только в более широком контексте — в целостном историческом процессе, но и *в себе* не может быть достаточно конкретно раскрыто без учета этой снятой, невидимой, казалось бы несуществующей, тем не менее живущей, обладающей собственной активностью противоположности. Активность *обеих* сторон взаимодействия есть сущностная его характеристика, нуждающаяся в адекватном теоретическом закреплении.

Активность относительна, как относительно всякое свойство. Соответственно и характеристика активности может быть лишь относительной характеристикой, т. е. заданной лишь относительно чего-либо иного.

Относит ел ьноХчего же следует характеризовать активность социальной деятельности? Конечно, можно социальную деятельность характеризовать степенью активности, сравнивая ее с другими, асоциальными процессами. И \ действительно, активность социальной деятельности поДчас сопоставляют с активностью неживой и живой природы. Но это внешняя характеристика социальной деятельности, которая, впрочем, удостоверяет тот неоспоримый фант, что общество действительно высшая, наиболее активная форма движения материи. Но что дает такое сопоставление, если оно не является гене'-тическим?

Такое сопоставление плодотворно лишь в том случае, если в его основе лежит принцип историзма. Это значит, что стороны сравнения должны быть представлены как противоположности. Чтобы действительно сравнить их активность, нужно увидеть их как стороны взаимодействия, где, собственно, активность и проявляется. Сравнение же активности сторон вне раскрытия характера их действительного взаимодействия — это фикция, иллюзия. Она может возникать лишь потому, что мы *до сравнения* знаем — или предполагаем, что знаем,— каково «искмое» соотношение. Но это не зпачит, что большая активность одной из сторон доказывается, *выводится*. Никакого выведения здесь нет. Есть лишь иллюстрация ранее доказанного (или предполагаемого) некоей таблицей, перечнем рядоположенного.

Подобная формальная классификация выглядит как обоснование, раскрытие генетических корней человеческой деятельности лишь постольку, поскольку принцип историзма в его общем виде широко распространен в умах и это позволяет читателю примысливать некоторое генетическое единство как «разумеющееся», хотя в самой схеме оно лишь постулируется, несмотря не видимость «выведения».

Действительное соотношение активностей тех или иных сторон можно выявить только в том случае, когда они будут зафиксированы как взаимодействующие, развивающиеся, а не просто непосредственно наличные. Но это будет уже не исследование социальной деятельности как таковой. Это будет работа по решению совсем другой задачи, точнее — другого типа задач. В таком случае отправным пунктом становится представление о внешней,

более широкой системе, в которую включена социальная деятельность, выступающая здесь как некое единство Сферой исследования становится объективный мир как система различных форм движения материи. Социальная деятельность выступает уже не во внутренних своих различиях, а в единстве, которое фиксируется при помощи понятия «социальная форма движения материи». Но такое представление необходимо именно для того, чтобы теоретически построить некое *взаимодействие*, а именно — взаимодействие «природа — общество». Только в процессе раскрытия внутренних механизмов этого взаимодействия можно действительно раскрыть степень активности сторон, которая к тому же и здесь всегда имеет конкретно-исторический характер.

Проблема «природа — общество» имеет ряд относительно самостоятельных аспектов. Это и проблема антро-посоциогенеза в самом широком смысле слова — как процесса возникновения общества из природы, и проблема природы как объективной и всеобщей предпосылки существования общества, и проблема возникновения в процессе развития общества новых, более сложных единств — таких, как ноосфера. Исследование этих проблем не просто актуально. С каждым днем оно становится все более насущным, жизненно важным для человечества, по крайней мере для той его части, которая объективно заинтересована в прогрессе. Но в том-то и дело, что активность социальной деятельности, конкретная *мера* этой активности относительно живой и неживой природы может быть показана лишь в результате систематического исследования всего класса подобных проблем, а отнюдь не путем формально-логического соположения человека, животных и т. д.

Итак, можно и нужно характеризовать активность социальной деятельности относительно различных сфер природы. Однако для понимания внутренних механизмов развития деятельности необходимо раскрыть собственную активность деятельности, т. е. ее активность относительно себя. Анализ социальной активности в себе, по существу, исследование *распределения* активности в социальной системе, есть исследование *соотношения* активности различных составляющих этой системы. Эта задача не может быть решена в случае, когда изначально вводится представление, согласно которому субъекту как

V

носителю активности противостоит объект, фиксируемый лишь в этой его определенности.

Д Объект, фиксируемый лишь как объект — это простой антагонист активности, принимающий в себя, способный хранить, отдавать, но не способный развивать собственную^ активность. Активность объекта, понимаемого в таком смысле,— например, предмета труда — проявляется лишь в пассивности, лишь в сопротивлении. Конечно, пассивное сопротивление тоже вид активности, ибо модифицирует активность субъекта. Но это активность лишь в ее отрицательном определении. Полагание, участие в создании нового осуществляется здесь через препятствование активности труда.

Если в социальном взаимодействии активны обе стороны, то объект не может быть определен лишь как объект. Каждая из сторон является источником активности, и каждая испытывает воздействие другой, причем оба эти аспекта взаимодействия существенны для понимания системы в целом как в диахронном, так и в синхронном аспекте. Это означает, что стороны взаимодействия должны быть определены взаимодополнительными, казалось бы взаимоисключающими характеристиками: каждая из них должна быть определена и как субъект, и как объект.

Каким образом это возможно? Нет ли в такой постановке проблемы логического противоречия? Действительно, если понимать объект как вещь, такая постановка может показаться не просто антиномической, какой она на самом деле является, но и мистической. Вещь, сама по себе обладающая социальной силой, вещь — субъект социальной активности, например амулет дикаря или золото как «бог товарного мира»,— это и впрямь не более чем фетишистское осознание действительных отношений. Однако проблема имеет совсем другую интерпретацию.

Сторонами социального взаимодействия являются субъекты-люди, а вещи лишь опосредуют их взаимную деятельность. Специфика социального взаимодействия как раз в том и состоит, что обе его стороны — субъекты-люди. Всякая иная трактовка этого вопроса, в частности ставящая на один полюс взаимодействия людей, а на Другой — нечто иное, например вещь или идею, имеет фетишистский характер: религиозный, товарный и т. п. Отношение человеческого субъекта и вещи — это лишь

момент, одно из составных звеньев целостного социального взаимодействия как *взаимодействия субъектов*.

Важно подчеркнуть, что социальный субъект в собственном смысле слова — не отдельные люди, а большие группы. Как отмечал В. И. Ленин, в марксизме действия отдельных лиц «сведены к действиям групп личностей»³⁸. Субъекты — группы людей, и они подлинны носители социальных взаимодействий. Поскольку же социальное взаимодействие в его историческом развитии выступает как общественное отношение, постольку и носителями общественных отношений являются социальные субъекты — большие группы людей (в дальнейшем для обозначения социального субъекта мы будем для краткости употреблять термин «субъект»).

Недопустимость сведения общественных отношений к отношениям вещей, а вместе с тем и исторически закономерные механизмы возникновения взглядов, в которых такое сведение происходит, убедительно показал К. Маркс — в частности, в разделе «Капитала», называемом «Товарный фетишизм и его тайна»³⁹. Во избежание подобных иллюзий необходимо изначально зафиксировать и всегда учитывать, что взаимодействие «субъект — вещь» имеет частичный характер, что оно существует лишь как промежуточное звено в составе более сложного образования, а именно — системы социального взаимодействия, носителем которого являются субъекты.

Именно субъект-субъектное взаимодействие представляет собой то *целое*, в котором выделяются более простые составляющие, в том числе взаимодействие «субъект — вещь». Субъект-субъектное взаимодействие обладает сложной внутренней структурой, оно дважды реф-лексировано в себя. Раздвоение живой деятельности на двух взаимодействующих между собой субъектов приводит к тому, что каждая сторона выступает и как субъект, и как объект деятельности. В этом зеркальном отражении противоположностей друг в друга кроется важный механизм развития системы. Каждый субъект вносит в процесс развития свой активный вклад.

Основное содержание социального взаимодействия составляет обмен деятельностью между субъектами, имею-

³⁸ Ленин В. И. Поля. собр. соч., т. 1, с. 430.

³⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 80—93.

гкий многократно опосредованный характер. Взаимный обмен деятельностью постоянно изменяет субъектов, а тем самым и систему в целом. Именно обмен деятельностью между субъектами является источником ее постоянного обновления. Роль субъектов в этом процессе различна. Социальное взаимодействие, как и всякое другое, асимметрично, в нем всегда имеется ведущая сторона. Наличие целого ряда различных уровней взаимодействия, поскольку социальная деятельность всегда дифференцирована на различные ее виды, приводит к тому, что один и тот же субъект может действовать на развитие системы разнонаправленно — и не только на разных этапах истории, но и в один и тот же момент. В данном контексте, однако, важно подчеркнуть, что совокупный результат всегда бывает синтезом разнонаправленных действий *обеих* сторон.

Пока субъект и объект заданы лишь как различенные, пока не вскрыто взаимопроникновение, порождающее их взаимообусловленность, до тех пор противоречие, а значит и система, не обнаружены. В связи с участвовавшими попытками теоретически раскрыть активность социального взаимодействия в литературе получила широкое распространение концепция, согласно которой в обществе имеются два типа взаимодействий: во-первых, взаимодействие субъекта с объектом (так называемое субъект-объектное взаимодействие) и, во-вторых, взаимодействие субъекта с другими субъектами (так называемое субъект-субъектное взаимодействие). На наш взгляд, это представление, как и соответствующая терминология,— результат серьезной теоретической путаницы.

Дело в том, что эти два соотношения разнопорядковы, и рассматривать их рядом, рассматривать как два типа социальных взаимодействий (отношений) — значит путать часть и целое, сводить целое лишь к одному из его моментов. Действительно *целостным* социальным взаимодействием является взаимодействие двух субъектов, или, пользуясь общепринятой терминологией, субъект-субъектное взаимодействие. Объектная определенность — это лишь один из внутренних моментов данного взаимодействия, один из двух способов, каким каждый субъект выступает относительно другого субъекта. Каждый из них — субъект, т. е. источник деятельности, направленной на другого субъекта, и вместе с тем объект, т. е. вос-преемник деятельности своего контрсубъекта.

Таким образом, в субъект-субъектном отношении так называемое субъект-объектное отношение присутствует *дважды*, причем каждое из них обладает противоположной, относительно другого, направленностью. Субъект-объектное отношение — это не самостоятельный тип социальных отношений, а один из моментов более сложного целого, один из моментов взаимодействия двух субъектов. Два таких зеркально соотносящихся взаимодействия и образуют внутренний механизм, опосредующий общественное отношение в собственном смысле слова, т. е. общественное отношение как действительно целостное, системное образование. Каждый субъект испытывает воздействие — и сам его производит. В результате стороны оказываются взаимообусловлены, без чего нет системы.

Если полюсами общественного отношения являются субъекты, а так называемое субъект-объектное отношение — лишь момент субъект-субъектного, почему же тогда выделяется субъект-объектное отношение, и лишь наряду с ним, — а часто и вслед за ним — субъект-субъектное отношение? На наш взгляд, механизм возникновения этой концепции состоит в фетишизации действительной ситуации, в подмене субъекта вещью.

Прежде всего зафиксируем различие двух типов объектов: выступающего в роли объекта деятельности *субъекта* и выступающую в роли объекта деятельности *вещь*. По нашему мнению, именно это различие подразумевают, когда говорят о различении субъект-субъектных и субъект-объектных отношений. Но ведь это совсем другое различие, нежели различие объекта и субъекта. Одно дело — ввести понятие объекта вообще, без дальнейших различий, и совсем другое — выделить разные типы объектов. Разумеется, возможно и необходимо строить типологию объектов. Недопустимо, однако, класс объектов как целое подменять одной из разновидностей объектов.

Между тем в рамках анализируемого подхода объект, по существу, отождествляется с вещью, что противоречит исходному определению. Первоначально понятие «объект» определяется как то, на что направлена деятельность субъекта. Здесь не оговаривается, является ли то, на что направлена деятельность субъекта, вещью или другим субъектом, — этот вопрос в принципе остается

открытым. Так что, *по определению*, субъект может быть объектом. Субъект может быть объектом и в реальной действительности — когда на него направлена деятельность другого субъекта.

Но затем исходное понимание объекта фактически заменяется (когда, очевидно, неосознанно) другим пониманием. По существу, в дальнейшем рассуждении объект понимается как объект особого рода: объект-вещь. Теперь в содержании понятия мыслится не один, а два при-знака. Фиксируется не только свойство быть тем, на что направлена деятельность, но также свойство быть вещью (а не человеком, субъектом).

Возникает новая ситуация. Раньше объект мыслится как то, на что направлена деятельность — без дальнейших определений, и поэтому субъект мог быть объектом. Введение дополнительной спецификации в корне меняет дело. Когда объект мыслится как *вещь*, на которую направлена деятельность, субъект уже не попадает под определение и в этом смысле не может быть объектом.

Поскольку же это не соответствует реальной действительности, где субъект-человек может выступать как то, на что направлена деятельность, конструкцию «согласуют» с действительностью, вводя представление о существовании наряду с «субъект-объектными» отношениями особого класса «субъект-субъектных» отношений.

На самом же деле, если следовать первоначальному определению, имеется не два класса отношений, а один класс субъект-объектных отношений, внутри которого различаются отношения, где объектом является вещь и отношения, где объектом является другой субъект.

Однако если даже подобное расчленение сформулировать адекватно, тем не менее его нельзя считать достаточным. Формально-логическая правильность появляется, но несплестенность исходных представлений остается непреодоленной. Объект и субъект лишь различены. Их тождественность, их непосредственное совпадение остались не раскрытыми. Объектом, по определению, может быть лишь *другой* субъект. Способность этих двух определений совмещаться в одном целом понятийно не задана. Попытка мыслить как целое образование «субъект — объект» или даже «субъект — субъект», где стороны заданы лишь как различные, позволяет выделить целое только формально. Только когда обе стороны обладают взаимно

противоположными и в то же время тождественными определениями — только тогда появляется возможность зафиксировать их *переход* друг в друга, возникающую в результате этого перехода взаимообусловленность сторон, а следовательно, зафиксировать их как противоположности.

Абсолютное противопоставление субъекта деятельности ее объекту находит свое выражение в том, что, если субъект понимается как человек (здесь неважно, в каком из его определений: род, группа, индивид), то объект понимается как вещь. Думается, что такое определение нельзя считать достаточным даже в качестве самого абстрактного, первоначального определения. Такое понимание объекта слишком *бедно*. В нем не выявлена, точнее — уже утрачена качественная специфика объекта как элемента системы социальной деятельности, причем — это следует подчеркнуть особо — речь идет о поиске именно абстрактного, исходного определения. Иначе говоря, такое понимание субъекта неприемлемо не потому, что еще не развито, не развернуто в последующих конкретизирующих определениях. Оно неприемлемо потому, что и не может быть развернуто: оно элиминирует способность объекта участвовать в развитии системы, а тем самым мешает понять механизм ее развития в целом.

Если система представляется как взаимодействие субъекта и объекта-вещи, то это лишь формальное представление системы. Содержательно же здесь системы нет. Дело вовсе не в том, что в данном определении отображена противоположность объекта и субъекта. Главное состоит в том, что она признана достаточной характеристикой. На самом же деле она необходима, но недостаточна. Она должна быть дополнена и противоположным определением. Почему это необходимо? Именно потому, что на основании абсолютного противопоставления объекта и субъекта нельзя задать саморазвитие, т. е. представить общество как систему.

Важную роль в раскрытии диалектики субъекта и объекта играют категории опредмечивания и распредмечивания. Опредмечивание — это воплощение живой деятельности в объект. Распредмечивание — освоение опредмеченной деятельности субъектом. Опредмечивание обычно рассматривают с точки зрения диалектики субъекта и объек-

та, который понимается как *вещь*. Внеи-де субъект и воплощает (опредмечивает) свою деятельность. Даже если делается оговорка, что наряду с вещью субъект может делать объектом опредмечивания другого субъекта, на наш взгляд, при таком подходе имеет место одностороннее понимание опредмечивания. Это связано с тем, что само представление «субъект — вещь», стороны которого якобы связаны отношением опредмечивания и распредмечивания, отнюдь не системно. Такое образование не является ставшим *целью*, ибо оно не способно к саморазвитию. В представлении «субъект — вещь» зафиксирован лишь один из фрагментов системы, которая на самом деле гораздо более сложное образование. Этот фрагмент связан, с нашей точки зрения, с характеристикой механизма взаимодействия субъектов в социальной системе, и его принципиальная неполнота (несистемность) как раз в том и состоит, что здесь отсутствует то, ради чего осуществляется воплощение субъекта в вещь.

Поскольку опредмечивание, конечно, бессмысленно без своей диалектической противоположности, постольку возникает необходимость включить в теоретическую схему и распредмечивание. В рамках анализируемого исходного представления это можно сделать только одним способом: трактовать распредмечивание как освоение субъектом своей собственной деятельности, которую он ранее воплотил в вещь.

В результате возникает замкнутый, не расширяющийся цикл. Субъект осваивает только то, что перед тем сам же отдал в вещь. Обе стороны противоречия — и субъект, и вещь в их взаимопереходах — оказываются тождественными друг другу. Их взаимопревращение не обогащает «систему», не является источником ее развития. Сколько бы субъект ни воплощал себя в объект и сколько бы он ни осваивал объект, развития не будет. «Система» содержит в себе возможность лишь простого воспроизводства. Живая деятельность «уходит» в объект и «возвращается» в себя. Цикл замкнулся, но перед нами не спираль, не расширяющееся целое, а всего лишь круг. Природная вещь полезна для деятельности «лишь в возможности». В «действительный и действующий» элемент системы ее может превратить только воплощенная в ней деятельность. Но если деятельность лишь себестождественна, если деятельность не различна в себе, то и воз-

вращаться в себя она будет лишь как себетождественная. Такова логика процесса.

История, однако, может быть иной. Стороны взаимодействия, и что особенно важно — объект-вещь, прежде всего природные образования. Поэтому деятельность, циркулирующая из субъекта в объект-вещь и обратно из объекта-вещи в субъект, на самом деле не остается се-бетождественной. Она модифицируется под воздействием именно природной основы, под действием субстрата, на котором осуществляется процесс. Модификации деятельности накапливаются и постепенно могут привести к появлению существенных изменений, качественных различий *внутри* деятельности — как живой, так и опредмеченной. Новизна будет возникать за счет естественного процесса в связи с тем, что природа, с которой взаимодействует деятельность, непрерывно развивается. Но обновление, создаваемое за счет природы, — не саморазвитие деятельности. Конечно, оно исторично, однако история «естественных» обществ, имеющих лишь несущественную, не достигающую до противоположности внутреннюю дифференциацию, показывает, что это скорее тупиковые ветви, чем стволная, магистральная линия в развитии человечества. Общество не просто «естественное», а — по известной характеристике К. Маркса — *естественноисторический* процесс. Принцип историзма и требует представить социальную систему так, чтобы *изначально* был зафиксирован внутренний механизм ее развития, т. е. развитие было представлено как саморазвитие.

Правда, и рассмотренный выше процесс может быть представлен как саморазвитие — но иного рода. Подобные образования отнюдь не всегда представляют собой «тупиковые ветви» развития. Более того, объекты с простой (внутренне не дифференцированной) рефлексией в себя необходимо присутствуют во всяком прогрессивном системном процессе, поскольку представляют собой необходимый этап *становления* системы. Строго говоря, это еще не система, а предсистема, некоторое переходное состояние, способное, однако, постепенно превратиться в систему.

Поскольку подобные образования не только могут существовать и существуют, но могут развиваться и действительно развиваются, возникает вопрос, нет ли здесь противоречия с утверждением о несистемном характере

имеющихся представлений? Вовсе нет. Объекты данного типа не содержат импульсов развития в себе, отчего они и не системы в собственном смысле слова. Развиваться такое образование может лишь потому, что получает импульсы развития *извне*. Это значит, что мы имеем дело с системой принципиально иного порядка, вычленение которой является самостоятельной задачей, решаемой в рамках исследования процесса антропосоцио-генеза. *Социальной* системы, однако, здесь нет.

Речь идет о том этапе развития противоречия, когда специфические социальные противоположности возникают, но еще не сформировались как таковые, поскольку имеет место лишь их рефлексия друг в друга при отсутствии их собственной раздвоенности, их рефлексии в себя.

Таким образом, представление субъект — объект (вещь) применимо, с определенными оговорками, к описанию формирования социальной системы, хотя оно и не в состоянии раскрыть общие механизмы этого процесса. Точно так же оно неприменимо к сформировавшейся социальной системе как теоретическая конструкция, способная раскрыть механизм ее саморазвития.

Если источник развития системы — ее внутреннее противоречие, то задача сводится к отысканию *внутреннего* противоречия системы социальной деятельности. Проведенный выше анализ показывает, что отношение «субъект — объект (вещь)» такого противоречия не содержит.

Означает ли это, что отношение «субъект — вещь» не содержится в социальной системе? Конечно же никто из марксистов не станет всерьез обсуждать такую постановку вопроса. Дело просто в том, что это отношение лишь один из абстрактных моментов системы и оно должно быть «дополнено», развернуто, конкретизировано, чтобы выработать достаточно богатое, т. е. противоречивое в себе определение. Противоречивое, разумеется, не формально-логически, а содержательно, фиксирующее некое действительное противоречие.

Но, как отмечалось выше, такое дополнение не может быть лишь процессом развертывания уже введенных определений. Речь идет о необходимости построения другой *исходной* теоретической конструкции. Эта конструкция, безусловно, должна фиксировать противоположность субъекта и объекта, однако следующий шаг — отнюдь не

признание этой характеристики в качестве исчерпывающей, а наоборот, поиск противоположного определения. Каким же образом может быть осуществлено такое теоретическое представление системы, которое сочетает противоположные, взаимодополнительные определения сторон? Вопрос этот имеет принципиальное значение. На наш взгляд, установка диалектической логики на раздвоение единого и познание противоречивых сторон его не сводится только к различению сторон. Необходимо задать в единстве различие, а в различии вновь задать единство (взаимопроникновение). Без этого единство различного имело бы только предпосылочный или формальный характер.

§ 4. АБСТРАКТНАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Выше отмечалось, что не может быть дано никакого универсального определения социальной деятельности. Даже самое абстрактное понятие — «социальная деятельность вообще» имеет строго ограниченные пределы применимости. Если на этом уровне теоретического представления деятельности и можно говорить об *общем* определении, то не иначе как с уточнением, что это всего лишь *абстрактно-общее* определение.

Конкретное общее понимание социальной деятельности складывается только через многообразие ее определений как результат введения целого ряда категорий, развертывающих исходное понятие. Ответ на вопрос, что такое социальная деятельность, не может быть сведен ни к одной из дефиниций. Это вовсе не означает какого-то отказа от дефиниций; важно только помнить, что в процессе восхождения от абстрактного к конкретному таких дефиниций используется немало и каждая из них имеет свои пределы применения.

Вместе с тем в процессе восхождения имеются своего рода узловые пункты, знаменующие переход к качественно новому уровню конкретизации. Одним из таких узловых пунктов, на наш взгляд, является переход от понятия социальной деятельности к понятию *системы* социальной деятельности. В тех понятиях, которые были введены ранее, различия либо вообще исчезали в себестоим-

дественности субстанции, либо были еще настолько абстрактны, что не выделяли внутреннего механизма саморазвития социальной деятельности, т. е. не фиксировали ее как систему.

Поэтому переход от социальной деятельности к *системе социальной деятельности* не есть некая просто словесная добавка. Появление нового термина связано с тем, что предварительная работа завершена; это выражается в появлении возможности очертить контуры социальной деятельности как объекта, обладающего *системными* характеристиками. Разумеется, первоначально система может быть изображена лишь в абстрактном виде, однако особенность этого этапа состоит в том, что исходные абстрактно-односторонние определения синтезируются в целостную теоретическую конструкцию.

Система социальной деятельности — это сложное, внутренне дифференцированное единство, состоящее из вполне определенных элементов. Поэтому содержание понятия «система социальной деятельности» можно раскрыть лишь путем фиксации этих элементов и их взаимосвязей. Первоначальные расчленения потому и были необходимы, что они выделяют некоторые всеобщие характеристики элементов социальной системы. Было бы неверно, однако, рассматривать ранее введенные определения как сами элементы, из которых затем как бы «собирается» система. Элементы нельзя задать как таковые без фиксации их взаимосвязей. Следовательно, их нельзя описать в отрыве от характеристики системы как целого.

Необходимость теоретического синтеза односторонних определений требует введения новых категорий, фиксирующих, во-первых, целое, а во-вторых, место и роль в этом целом каждого из выделенных ранее абстрактных моментов. Только благодаря этому они приобретают свою окончательную определенность, что и не позволяет рассматривать процесс выработки целостного представления о системе как механическую «сборку» заранее данных частей.

В § 2 гл. III было показано, что живая деятельность не есть что-то самодостаточное. Живая деятельность любого вида существует не сама по себе, но лишь в диалектическом единстве с опредмеченной деятельностью того же самого вида. Это значит, что всякая живая деятель-

ность есть элемент более сложного образования — определенной системы социальной деятельности.

Опредмеченная деятельность выступает как непосредственное условие живой деятельности соответствующего вида; они представляют собой стороны 'диалектического противоречия, взаимополагают и взаимоотрицают друг друга. Они существуют и развиваются через переход одной в другую, и такие переходы оказываются циклами развития соответствующей системы.

Однако весь вопрос в том, как будет понятийно зафиксирована диалектика живой и опредмеченной деятельности. Это различие фиксирует систему, однако само по себе, без дальнейших конкретизации, оно еще несистемно.

Если понимать социальную систему как раздвоение деятельности на живую и опредмеченную, возникает следующая картина. Имеется субъект — носитель живой деятельности и опредмеченная деятельность как противоположность субъекта, т. е. объект. Объект выступает как вещь, в которую воплощается живая деятельность. Процесс движения состоит во взаимопереходах живой деятельности в опредмеченную и обратно.

Как было показано выше, такое представление в силу своей абстрактности еще не раскрывает механизмов саморазвития социальной системы, а может в лучшем случае объяснить ее простое воспроизводство. Поэтому представление социальной системы как единства живой и опредмеченной деятельности можно рассматривать лишь в качестве весьма абстрактного этапа ее системно-генетического представления. Социальную систему можно определить как диалектическое единство живой и опредмеченной деятельности, однако это еще *чрезмерно абстрактное* определение. Обойтись без такого представления нельзя, но и остановиться на нем, счесть его системным тоже было бы неправильно. Отождествление живой деятельности и субъекта дает робинзонаду — независимо от того, понимается субъект как человек, группа или род. Отождествление опредмеченной деятельности с объектом порождает натурализм, поскольку объект при таком подходе неминуемо оказывается вещью, и только вещью.

Чрезмерная абстрактность этого представления в том, что здесь задано лишь простое различие сторон. Они не представлены как противоположности, которые наряду с

различием также тождественны друг другу, без чего нет взаимоотрицания и взаимоположения, нет действительной системы.

В соответствии со сформулированными выше (гл. 1, § 1) требованиями, социальная система должна быть представлена в виде диалектического противоречия. Это противоречие возникает и развивается как способ существования некоторого единства — социальной деятельности, составляющей субстанцию социальной системы (гл. II, §1). Следовательно, в социальной деятельности как целом необходимо зафиксировать различия, достигающие противоположности. Их взаимодействие и составляет движущую силу, внутренний механизм развития системы. Подчеркнем, что это должны быть различия именно в единстве, т. е. в *деятельности* как целом. Если органическая система понимается как движущаяся деятельность, той различия, которые в ней возникают в ходе ее развития и выделяются в процессе исследования, не могут быть ничем, кроме как модификациями деятельности.

Понятие «социальная деятельность вообще» необходимо как исходный пункт этого процесса, но еще недостаточно для системного представления деятельности: система характеризуется не только субстанциональным единством составляющих ее элементов, но и их противоположностью. Первое раздвоение единого состоит в дифференциации социальной деятельности на живую и опредмеченную. Различение живой и опредмеченной деятельности имеет фундаментальный характер. Системное представление социальной деятельности как целого возможно только в том случае, если эти два соотносительных понятия вводятся изначально и при теоретическом конструировании используются в качестве обязательных средств. Однако это еще очень абстрактная характеристика социальной системы, а в онтологическом плане — абстрактное состояние, связанное с ее становлением. Чтобы получить достаточно богатую, действительно системную конструкцию, надо сделать еще один шаг: зафиксировать еще одну рефлексию противоречия в себя. Действительное противоречие предполагает не только раздвоение целого, но и поляризацию внутри каждой из сторон. Только такая степень опосредованное™ делает их противоположностями.

Поэтому социальной системе присущ еще один уровень рефлексии исходных противоположностей в себя: раздвое-

Ниге как живой, так и опредмеченной деятельности, которое ведет к наличию в системе двух взаимодействующих субъектов. Именно в этом состоит специфика социальной системы, объясняющая качественную определенность самой социальной субстанции как диалектического единства материи и сознания. «Раздвоенность» социального субъекта, а точнее говоря, наличие в любой социальной системе двух взаимодействующих субъектов является специфической основой возникновения и функционирования сознания. Сознание есть не что иное как посредствующее звено во взаимодействии. Это взаимодействие имеет исторический характер, его прошлое дано субъектам как наличная опредмеченная деятельность. Опредмеченная деятельность воздействует на живую деятельность субъектов, отражается в пей. Сознание — способ этого отражения, воплощающий в себе как зависимость, так и относительную независимость субъекта от системных условий.

Условия деятельности субъектов двойки. Во-первых, это предшествующая живая деятельность, которая теперь воплотилась в вещах, отделилась от субъектов и поэтому выступает как объективное условие взаимодействия. Вместе с тем она — лишь посредствующее звено во взаимодействии субъектов, сущность которого составляет обмен деятельностью между ними. Во-вторых, это само их взаимодействие, в рамках которого непосредственным условием деятельности каждого субъекта выступает деятельность его контрсубъекта. Дифференциация живой деятельности, выражающаяся в существовании двух взаимодействующих субъектов, определяется дифференциацией в системе овеществленной деятельности. Асимметрию «вещных» условий относительно субъектов можно зафиксировать как различие мест, которые субъекты занимают в системе. Различие субъектов по месту, а следовательно, и роли в системе может быть отображено введением понятия субъекта и контрсубъекта.

Каждая система живет на соответствующем материальном носителе, субстрате. Поскольку особенности субстрата влияют на субстанциональную определенность любого элемента, в системной модели социальной деятельности они должны быть также учтены. Различение субъектов и условий их взаимодействия как раз и решает эту задачу. Различение субъекта и объекта ограничивалось только диалектикой живой и опредмеченной деятельности — и

в силу этого было еще весьма абстрактным. Теперь субъект характеризуется гораздо более конкретно. Субъекты — это люди (большие группы людей), являющиеся носителями социальной деятельности. Условия взаимодействия субъектов — это социальные (неорганические и органические) «вещи», в которых воплощена вчерашняя живая, а ныне опредмеченная деятельность. Условия взаимодействия субъектов — не просто социальная деятельность, но деятельность, существующая через вещи. Необходимо различать условия взаимодействия субъектов и условия деятельности каждого из них: если условия взаимодействия — это вещные условия, то условия деятельности каждого субъекта включают в качестве важного элемента наряду с вещными элементами также и другого субъекта.

Важно подчеркнуть, что выделение человеческих и вещных элементов не совпадает с различением живой и опредмеченной деятельности. В конечном счете оно способно лишь объяснить ту специфическую диалектику живой и опредмеченной деятельности, которая имеет место в субъектах и в условиях их взаимодействия. Взаимопроникновение живой и опредмеченной деятельности было зафиксировано уже в понятиях субъекта и объекта, ибо каждый из них есть диалектическое единство этих противоположностей.

В предшествующем параграфе было показано, что один и тот же элемент выступает в системе и как субъект, и как объект живой деятельности. Однако соотношение этих противоположных определений еще не было снято в некотором единстве. Такое единство фиксируется путем введения представления о большой группе людей, которая выступает как в субъектной, так и в объектной определенности. Поскольку преобладает в конечном счете первая, постольку эта группа и обозначается термином «социальный субъект».

Указание на субстратную обусловленность субъекта содержится в его определении как носителя деятельности.

Тезис о том, что социальное взаимодействие включает только двух субъектов, является идеализирующей абстракцией. В реальном обществе субъект взаимодействует не с одним, а с несколькими субъектами. Однако таким путем выделяется главное, существенное в этих взаимодействиях субъекта. Со сколькими бы субъектами он ни взаимодействовал в реальном историческом процессе, его

Б. В. ц. Фофанов

действительное существование как такового включено в его взаимодействие с яким его контр субъектом, так что каждый из них не существует сам по себе.

Выделение двух субъектов неразрывно связано с самим способом введения понятия «субъект». Субъект — это дискретный носитель, один из моментов целостного процесса живой деятельности. Живая деятельность внутренне противоречива, что и выражается в ее раздвоении, в существовании *двух* сторон, которые связаны отношением взаимоположения и взаимоотрицания.

Поскольку понятие о субъектах вводится на основе принципа раздвоения единого, поскольку первоначальный уровень членения живой деятельности необходимо состоит в выделении именно двух субъектов. Разумеется, это не исключает возможности введения дальнейших различий. Но это уже дифференциации, идущие вглубь субъекта, фиксирующие его внутреннюю структуру. Здесь принцип раздвоения также играет важную методологическую роль.

Сведение взаимодействия внутри живой деятельности к взаимодействию двух субъектов упрощает теоретическую картину по сравнению с эмпирической действительностью, где обычно имеют место более сложные ситуации: субъект взаимодействует с двумя, тремя и большим числом других субъектов. Такое упрощение неизбежно, ибо «явление *богаче* закона»⁴⁰, который не воплощает в себе всего богатства модификаций и оттенков, возникающих в процессе. Как отмечал В. И. Ленин, «закоп — идентичное в явлении»⁴¹. Выделение инвариантов создает возможность зафиксировать сущность процесса, его необходимые составляющие. Субъект *может быть* включен в ряд различных взаимодействий с другими субъектами, но он всегда *необходимо* включен во взаимодействие со своим контр субъектом. Его деятельность находится в отношении *дополнительности* к деятельности контр субъекта. В этом смысле существуют не сами по себе субъекты-носители живой деятельности: существует единый и в то же время внутренне различный процесс живой деятельности, моментами которого они являются. Целостно именно *взаимодействие* двух субъектов, что и требует рассматривать их деятельность как *соотносительную*. Дея-

⁴⁰ Ленин В. Я. Поли. собр. соч., т. 29, с. 137. <⁴¹ Там же, с. 136.

тельность каждого из них не может быть поята вне взаимодействия, которым непосредственно определяется.

Формапоино-типолошсская определенность субъектов может быть задана лишь через выделение соответствующего взаимодействия в его целостности. Так, в системе капиталистических экономических отношении это взаимодействие выступает как производство прибавочной стоимости. Сущность данного процесса и определяет конкретные функции фигур, через взаимную деятельность которых он осуществляется: капиталиста и рабочего.

Поскольку «чистые» формационные типы в реальности не существуют, постольку взаимодействие с другими субъектами тоже существенная характеристика обоих основных субъектов. Эта проблема возникает на уровне эмпирического описания — например, при соотнесении различных укладов в сфере материального производства. Абстрактная всеобщая схема играет важную методологическую роль в исследовании и этих, более сложных ситуаций. Она — исходный пункт для выработки более сложных конструкций. Базисный характер этой схемы объясняется не столько ее относительной простотой, сколько инвариантностью по отношению ко всем социальным взаимодействиям: любое самое множественное взаимодействие может быть представлено как иерархия отдельных субъект-субъектных взаимодействий. И хотя исторический эффект возникает в силу многократной опосредованное™ отдельных субъект-субъектных взаимодействий, тем не менее именно они остаются теми элементарными образованиями, из которых состоит целое.

Для описания взаимоотношения деятельности субъектов в социальной системе может быть использовано понятие симметрии. Однако здесь имеет место не простая симметрия (подражание), а зеркальная симметрия (отражение). Субъект отнюдь не воспроизводит деятельность другого субъекта как наличный образец. Он делает не то же самое, но нечто противоположное тому, что делает его коитрсубъект. Это возможно именно потому, что они изначально занимают разные места в системе опредмеченной деятельности. Но именно благодаря этому их деятельности не взаимоисключают, а взаимодополняют друг друга. Субъекты делают противоположное, по так как они находятся в противоположной позиции, то получается в извест-

пом смысле «то же самое»: их действия взаимодополняют друг друга, сливаются в единый самодвижущийся процесс.

Что касается подражания, то оно также присутствует в системе, как ее подчиненный момент. Оно имеет место, в частности, при воспроизводстве субъекта в процессе смены поколений людей как биологических существ, т. е. в ходе обучения и т. д. Вообще, оно всюду, где имеется самотождественность системы, что присуще системе так же, как и внутренняя нетождественность себе. Отражение и подражание не просто присутствуют в системе, но взаимопроникают друг в друга. Подражание, копирование никогда не бывает абсолютным и в этом смысле тоже содержит в себе нетождественность, неравенство, хотя и в снятом виде, в подчинении тождественности, равенству. Л отражение, в свою очередь, содержит в себе тождественность, хотя тоже снятую, превращенную, «с отрицательным знаком». Так, рабочий и капиталист продают и покупают рабочую силу. Их деятельности противоположны, и в то же время они тождественны как определенное движение рабочей силы.

Учитывая, что за термином «отражение» закрепился применительно к общественным процессам специальный смысл, можно было бы говорить, по аналогии с физикой, о своеобразной «ротоиизации» деятельностей субъектов. Вместе с тем следует подчеркнуть, что социальное отражение в узком смысле, отражение как функционирование сознания субъектов, непосредственно порождается именно зеркальным, отраженным характером их практического взаимодействия. К. Маркс писал, что «человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека»⁴². Обратим внимание: Маркс говорит о *зеркальном* отношении между людьми. Даже если это просто сравнение, то сравнение чрезвычайно удачное. Человек начинает относиться к себе как к человеку, лишь отнесясь к другому человеку «как к себе подобному»⁴³. Вопрос таким образом, упирается в характер этого подобия. Ситуация же задана таи, что подобие имеет зеркальный характер.

Таким образом, возникновение сознания как высшей разновидности отражения — необходимый результат развертывания общего принципа, присущего системе. В этом «Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 62.»⁴³ Там же.

смысле сознание, по существу, лишь посредствующее звено, которое возникает как обособление одного из первоначальных, исходных моментов становящейся системы. При этом сознание отнюдь не является посредствующим звеном только в процессе взаимодействия субъектов, ибо это взаимодействие само не есть нечто непосредственное, оно обусловлено опредмеченной деятельностью. Сознание, следовательно, опосредует систему как целое.

Процессы, происходящие в каждой системе социальной деятельности, определяются в конечном счете тем, что она осуществляет определенную функцию в более широком целом. Эта функция выступает как внешняя необходимость, как фактор, детерминирующий данную систему деятельности. Для каждого из субъектов эта необходимость выступает как его объективный интерес. Интерес субъекта есть то направление деятельности, которое задается ему непосредственно — его местом в системе, а в конечном счете — функцией данной системы социальной деятельности в более широком целом. Иначе говоря внешняя необходимость, связанная с функционированием данной системы деятельности в составе более широкого целого, непосредственно дана субъектам как необходимость, определяемая их местом внутри данной системы, как внутренняя необходимость этой системы деятельности.

Услоия деятельности субъекта, выступающие в виде конкретно-исторического уровня развития социальной системы, детерминируют эту деятельность вероятностным образом. Иначе говоря, условия задают субъекту определенный спектр, набор возможностей. Возможность и необходимость взаимопроникают друг в друга, реализуются лишь одна через другую. Перед субъектом имеется спектр объективно возможных вариантов деятельности. Наличие необходимости выражается в том, что этот спектр, набор, как бы он ни был мал или велик, всегда конечен, в результате чего субъект и оказывается перед необходимостью выбора в рамках определенного, объективно заданного предела.

Чем выше уровень развития общества, тем больше спектр объективно существующих возможностей. Так, соха дает одни возможности использования природных ресурсов, современная сельхозтехника — другие. Важно подчеркнуть, что развитие означает прежде всего лишь общее возрастание спектра возможностей — безотноситель-

* г. г.

по к степени их соответствия или несоответствия интересам субъекта. Так, более мощная сельскохозяйственная техника — это не только возможность более высоких урожаев, но также и возможность большего разрушения природы. Именно характер деятельности субъекта — в данном случае характер использования сельскохозяйственной техники — определяет, какие возможности и в каком сочетании реализуются в действительность.

Объективное наличие определенного набора, возможность разных деятельности делает необходимым осуществление выбора. Само по себе наличие ситуации выбора не зависит от субъекта. Субъект выбирает независимо от того, хочет он или нет, сознает он или не сознает наличие ситуации выбора. Он объективно осуществляет выбор просто постольку, поскольку реализует в своей деятельности лишь одну из объективно существующих возможностей. Однако поскольку выборы могут иметь как положительные, так и отрицательные для субъекта последствия, иначе говоря, степень их соответствия объективным интересам может существенно различаться, постольку возникает задача оптимизации выбора. Приспособление субъекта к требованиям условий (в том числе путем их преобразования) может носить и стихийный характер, когда субъект находит соответствующий способ деятельности так называемым методом «проб и ошибок».

Однако по мере развития общества, по мере накопления опредмеченной деятельности социальная мощь, значимость для целого результатов деятельности каждого из субъектов все возрастает, поэтому дальнейшее использование метода «проб и ошибок» становится опасным для социальной системы в целом. -

Система и элемент взаимообусловлены, и в этом смысле они нуждаются друг в друге. Система необходима для существования элемента, а элемент необходим для существования системы. Применительно к субъекту обозначим эти две необходимые связи как потребность и интерес.

Интерес — это нужда системы в субъекте, т. е. необходимость определенного способа функционирования (деятельности), который система задает субъекту как средство собственного воспроизводства и развития. Потребность — это нужда субъекта в системе, т. е. необходимость определенных условий для существования и развития субъекта. Интерес иначе можно назвать необхо-

димостью саморазвития системы, как она дана субъекту извне. Потребность — необходимостью саморазвития, как она дана субъекту изнутри. Интерес — это обусловленность субъекта системой, потребность — это обусловленность субъекта собой. Самообусловленность субъекта имеет двойкий характер: он нуждается в воспроизводстве и развитии как собственной субстанции, так и собственного субстрата.

Для субъекта, таким образом, наиболее важны его потребности. Однако для того чтобы их удовлетворять, он должен реализовать интерес, т. е. осуществлять тип деятельности, который необходим системе как целому. Только в этом случае будет обеспечено ее воспроизводство, и развитие, т. е. создание и воссоздание условий, являющихся предметом потребности субъекта.

Интерес и потребность — это совокупные системные связи субъекта, поэтому следует говорить о системе интересов и потребностей соответственно тем различным системам деятельности (общественным отношениям), в которых участвует субъект.

Таким образом, для субъекта интересы — средство удовлетворения его потребностей, а для системы удовлетворение потребностей субъекта — средство реализации его интересов. Как всякие опосредования, интересы и потребности могут обособляться. Для субъекта первопричина его деятельности — потребность. Однако в ряде формаций — особенно ярко это проявляется при капитализме — субъекты следуют интересам независимо от потребностей, а подчас и вопреки им. Соответствующие отношения получили в марксизме название отчужденных.

Противоречие в этой системе состоит в том, что «если капитал есть всеобщая форма богатства, то труд является такой субстанцией, которая ставит себе целью только непосредственное потребление»⁴⁴. Накопление, это всеобщая закономерность развития социальных систем, выступает здесь в конкретно-исторической форме накопления капитала. «Накопление есть завоевание мира общественного богатства. Вместе с расширением массы эксплуатируемого человеческого материала оно расширяет область прямого и косвенного богатства капиталиста»^{*5}. Результат

**1 Маркс Д., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 280—281. ⁴⁵ Там же, т. 23, с. 606.*

этого — создание прибавочного труда, «то, что на стороне капитала выступает как прибавочная стоимость, как раз это самое на стороне рабочего выступает как прибавочный труд, как труд сверх его потребности как рабочего, т. е. сверх его потребности, от удовлетворения которой непосредственно зависит поддержание его жизнедеятельности»⁴⁸.

Социальная сущность капиталиста в том, что «движущим мотивом его деятельности являются не потребление и потребительная стоимость, а меновая стоимость и ее увеличение»⁴⁷. Поэтому «нса деятельность капиталиста есть лишь функция капитала, одаренного в его лице волей и сознанием»⁴⁸. Но именно потому, что деятельность капиталиста есть «действие общественного механизма, в котором он является только одним из колесиков»⁴⁹, возникает результат, который нельзя назвать иначе, как переходом в противоположность. Взаимообусловленность потребностей и интересов как взаимодополнительных системных связей проявляется и следующим: «...В качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одипаково всесторонняя и в своем производстве и в своем потреблении и труд которой выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме, ибо на место обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически»⁵⁰.

Здесь отчетливо видно, что потребность и интерес — это единая связь, опосредованная движением системы. Это связь элемента с его системной средой, взятая в противоположных определениях. Интерес подчиняет себе потребность лишь затем, чтобы в будущем подчиниться потребности. В конечном счете главной потребностью каждого субъекта выступает другой субъект, ибо определенная деятельность — это лишь их собственное ино-

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 280.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 605.

⁴⁸ Там же, с. 606.

⁴⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, т. 46, ч. I, с. 281.

бытие. В итоге возникает такая система социального взаимодействия, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. Это, однако, может быть лишь результатом длительного исторического развития.

В марксистской литературе есть две основные концепции интереса. Одна из них состоит в стремлении показать объективную природу интересов путем «разделения» интереса и сознания. Другая направлена, по существу, на решение той же задачи — показать объективную природу интересов, но другим путем. Сторонники этой точки зрения стремятся, наоборот, «соединить» в своей концепции интерес и сознание. По общепризнанной терминологии, эта группа авторов понимает интерес как «единство объективного и субъективного». Нам эта формулировка представляется неудачной, хотя мы и полагаем, что категорию «интерес субъекта» нельзя ввести не соотнося со непосредственно, в частности, и с категорией «сознание субъекта»⁵¹.

Сторонники первой позиции нередко упрекают сторонников второй за то, что таким образом интерес субъективизм руется, в механизм его реализации вводится произвольность, несовместимая с объективной природой интересов.

Если понимать сознание материалистически, т. е. как некоторое свойство материальной социальной системы, по своему содержанию и функционированию ею определяемое, то следует признать, что содержание сознания субъекта прямо и существенно зависит от содержания системы, в которой субъект функционирует. Если внешняя необходимость действительно дана субъекту, положена в деятельность субъекта, она не может быть не положена в такой элемент этой деятельности, как сознание. Иначе просто нельзя утверждать, что интерес имеет необходимый характер. Если мы говорим, что интерес имеет необходимый характер, это означает, что он детерминирует деятельность как целое, без каких-либо «исключений». Л что значит «деятельность как целое»? Значит, и том числе и сознание, ибо сознание — необходимый элемент деятельности субъекта. Поэтому тезис о необходимой де-

⁵¹ Подробнее см.: *Фофанов В. П.* Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск, 1979, с. 195—210.

терминации деятельности — признание того, что в содержании сознания субъекта есть нечто такое, что от субъекта не зависит.

На уровне индивидуальной интроспекции, на уровне обыденного восприятия сознания дело обстоит совершенно по-другому. Однако громадный разброс содержаний сознания отдельных индивидов — это не что иное, как явление, не что иное, как эмпирическая данность, которая тоже требует своего объяснения, но которая не должна заслонить сущность. Л сущь дела состоит в наличии определенных инвариантов в содержании сознания людей, занимающих одно место в системе, принадлежащих к одной социальной группе и поэтому осуществляющих одну социальную деятельность.

Интерес — это необходимость, по необходимости, как во всякой системе, имеет вероятностный характер. Поэтому интерес — это всегда спектр, набор возможностей, направлений деятельности, которые система задает субъекту. Субъект осуществляет выбор в рамках данного набора возможностей, и механизмом выбора является сознание. Сознание при таком подходе вводится как системная характеристика, а именно — категория для фиксации связи элементов. Никакого обращения к интроспекции в таком способе введения сознания нет. Сознание — это объективная характеристика системы, это некоторый механизм, опосредующий взаимосвязь его элементов, благодаря тому, что эта взаимосвязь имеет вероятностный характер. В чем состоит функция сознания в этой системе?

Интерес субъекта осознается как цель его деятельности в данной системе. Цель — это первый элемент сознания, она определяет содержание всей деятельности. Соответственно этому включенный в деятельность процесс сознательного отражения подчинен реализации ее цели. Цель формируется прежде всего как осознание необходимости воспроизводства объективных условий, что представляет собой предпосылку воспроизводства самого субъекта. На этой основе формируются более опосредованные цели, в том числе связанные с необходимостью развития системы.

Возникновение объективно данного, не зависящего от произвола индивидов содержания их сознания и есть механизм, который детерминирует их поведение, включает их в эту систему и делает их совокупным носителем дея-

тельности данного субъекта. Формирование души есть формирование субъекта. Люди, с этой точки зрения выступают как материал, который ассимилируется системой в процессе смены поколений, а так же, особенно в периоды революций, в процессе движения отдельных индивидов из одной группы в другую. Объективно существует извне данная функция, и «человеческий материал» выполняет ее.

Сознание формируется и функционирует как момент социальной деятельности. Сознание, или (что то же самое) сознательное отражение, обладает сложной внутренней дифференцированностью. Нами было предложено различать две взаимообусловленные (под)функции сознания: познавательную (отображательную) и регулятивную (регуляторную)⁵².

Каждый раз, когда выделяется относительно обособленный компонент системы, возникает необходимость выделить его субстанцию. Сознание существует столь же реально, как любой другой компонент системы. Субстанцией сознания является знание. К. Маркс писал: «Способ, каким существует сознание... это — *знание*»⁵³. Надо подчеркнуть, что перед нами лишь способ предметного представления соответствующего объекта. Социальная психика чрезвычайно сложна, и представление ее как сознания, трактуемого в качестве знания, это, конечно, очень бедный срез. Однако такое представление выделяет самый существенный параметр, самую существенную характеристику психики. В результате появляется возможность вводить на этой основе дополнительные различия. Первое из них — различие знаний на знания-описания и знания-предписания.

Обслуживая социальную деятельность сознание познает (отображает) действительность, обеспечивая субъекта той или иной совокупностью знаний-описаний. Обозначим эту систему знаний-описаний термином «онтология». Ко-

⁵² См.; *Фофанов В. П.* К вопросу об экономической форме общественного сознания.—В кн.: Проблемы политической экономии и экономики народного хозяйства. Новосибирск, 1972; *Он же.* Исторический материализм и метод восхождения от абстрактного к конкретному,—В кн.: Методологические проблемы науки, вып. 1. Новосибирск, 1973; *Он же.* Экономические отношения и экономическое сознание, с. 611—73.

" *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956, С. 000.

нечно, картина мира, которая формируется у субъекта, есть картина соответствующей системы социальной деятельности. Однако она и необходима для того, чтобы регулировать деятельность субъекта в этой системе. На основе знаний-описаний вырабатываются знания-предписания, составляющие в своем единстве программу, которая непосредственно направляет действия субъекта. Деятельность субъекта как целое включает в себя сознание и практические действия. Действия — это отдельные акты преобразования действительности субъектом. Их совокупность составляет поведение. Таким образом, сознание и поведение — два основных компонента живой деятельности (точнее говоря, деятельности субъекта, ибо понятие «живая деятельность» может охватывать деятельность обоих субъектов, без дальнейших различий).

Итак, картина мира есть как бы резервуар для поиска средств деятельности, источник выработки ее программы. Программа — это перечень действий, необходимых для достижения цели. Для построения программы знания-описания преобразуются в знания-предписания. Они-то и составляют содержание программы. Программа реализуется в практических действиях субъекта. Каждое практическое действие, таким образом, имеет свой идеальный аналог, который играет роль регулятора по отношению к практическим действиям. Сопротивление среды модифицирует деятельность субъекта. Та или иная полнота реализации программы требует осуществления повторного цикла деятельности (взаимодействия с контрсубъектом), а стало быть, и повторного цикла отражения.

Сознание субъекта непосредственно определяет (регулирует) его действия. Однако поскольку содержание сознания задано системой как целым, поскольку оно выступает лишь как посредствующий механизм в детерминации деятельности субъекта ее объективными условиями. Последовательность реализации различных звеньев процесса сознательного отражения такова: цель — отображение — программа. Оптология связана с реализацией познавательной функции, цель и программа — с регулятивной. Посредствующим звеном между ними является оценка.

Понимание сознательного отражения как противоречивого единства отображательной и регулятивной подфункций предполагает характеристику не только каждой из функций самой по себе, но также механизма их взаимо-

действия. Роль посредствующего звена во взаимосвязи познания и регуляции играют оценки. Предпосылкой для введения понятия оценки является понятие ценности. Последнее, в свою очередь, вводится на основе представления о системе.

Используемое нами понимание системы позволяет ввести следующее понятие ценности. Если функция есть способ действия элемента на другой элемент данной структуры, а противоречие — сложное отношение взаимо-полагания и взаимоотрицания элементов, то все функции могут быть разбиты на две группы: функции полагания элемента и функции его отрицания.

Функции, состоящие в полагании элементов, обозначим как положительные ценности; функции, состоящие в отрицании элементов, обозначим как отрицательные ценности. Таким образом, в общем определении ценность есть действие, положительно или отрицательно влияющее на развитие, а следовательно, и функционирование системы, поскольку функционирование — лишь момент развития.

Отсюда следует, что ценности относительны, т. е. являются таковыми не вообще, а всегда в отношении какого-либо конкретного элемента конкретной системы, а через него — и в отношении данной системы как целого. Вместе с тем ценности объективны, поскольку каждая функция есть момент объективного процесса (системы) и этим целым необходимо определяется. Таким образом, понятие «ценность» фиксирует один из объективных параметров системы, а именно — субординацию, взаимную направленность ее функций относительно развития системы и ее элементов. Асимметрия противоречия, т. е. наличие в нем определяющей и определяемой сторон, позволяет субординировать ценности уже не только относительно элементов, но и относительно системы как целого. При этом положительные и отрицательные ценности ведущей стороны являются соответственно положительными и отрицательными ценностями системы.

В социальных системах ценности всегда существуют для субъектов как носителей тех или иных систем деятельности. Однако это не делает ценности субъективными, произвольными, так как они неположены по отношению к субъекту и зависят не от него, а от целостного взаимодействия, от наличной системы общественных отношений.

Субъекту принадлежит и непосредственно от него зависит осознание этих ценностей. Осознание ценности обозначим термином «оценка». Оценка не совпадает с ценностью, она фиксирует ценность лишь более или менее адекватно. Поскольку оценка субъектна, т. е. принадлежит субъекту, кажется естественным рассматривать ее как некоторое субъективное отображение объективных ценностей. Однако в употреблении термина «субъективный» представляется необходимым сделать некоторые уточнения. Если термин «субъективный» понимать как «произвольный», т. е. обусловленный неограниченным выбором субъекта, то он окажется в данном случае неприменимым. Этот термин приемлем, если только «субъективный» понимается как «обусловленный выбором субъекта», но сам выбор при этом ограничен объективными условиями деятельности. Как в способе отображения ценностей, так, следовательно, и в получаемом результате имеется определенная необходимость, обусловленная местом, которое занимает субъект в системе общественных отношений.

Вопрос о ценностях и оценках обсуждается в советской литературе в тесной связи с вопросом о соотношении оценок, заповедей, норм и так или иначе связывается с функционированием сознания⁵⁴. Задача, на наш взгляд, заключается в том, чтобы задать системное понимание соответствующих феноменов, интерпретируя их как взаимосвязанные и взаимообусловленные моменты некоего целого. При этом разумеется, приходится учитывать то, что не всякое первичное эмпирическое расчленение адекватно фиксирует действительные элементы той или иной системы.

Целостность сознания была задана выше через понятие знания. Если системообразующий признак сознания есть знание, то это требует любой феномен рассматривать лишь постольку, поскольку он является знанием. Оценки очень часто рассматривают как проявление эмоций, переживаний⁵⁵. Думается, что это результат нарушения единства предметного подхода, если речь идет о самом общем, исходном определении оценок. Понятие оценки должно вводиться на уровне теории сознательного отражения в рамках теоретико-социологического подхода. Все дальнейшее — проблема спецификаций. Так, оценки могут

⁵⁴ Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968.

⁵⁵ Проблема ценностей в философии. М.—Л., 1966.

*

быть разделены на **рациональные** (т. е. осуществляемые посредством знаний), эмоциональные и т. д. Эмоциональные оценки обладают существенной спецификой. Их изучение, с нашей точки зрения, входит в компетенцию психологической науки.

В рамках излагаемого подхода в качестве средства введения понятия оценки используется представление о наличии в процессе сознательного отражения двух взаимосвязанных подфункций: отображательной и регулятивной. Осуществляя отображение (познание) объективного мира, субъект может фиксировать различные процессы в их взаимодействии между собой. Но он также может познавать и свое собственное взаимодействие с ними, выясняя их роль в системе собственной социальной деятельности, т. е. осуществляя их оценку.

Оценка, следовательно, один из моментов познания вообще. Вместе с тем оценка — функционально наиболее важный момент познания, так как она фиксирует именно те аспекты действительности, которые непосредственно связаны с деятельностью человека, выступают для него как положительные или отрицательные ценности. Сознание в конечном счете является средством создания оптимальных условий человеческого существования, как социальных, так и природных. Поэтому познание вообще подчинено в конечном счете ценностному познанию, оценке различных действий с точки зрения их влияния на развитие и функционирование субъекта, а также социальной системы в целом, если данный субъект становится носителем тенденции общественного прогресса.

Как оценки, так и выбор ценностей, который осуществляет субъект на основе своих оценок, субъективны, но не абсолютно произвольны. Социальная необходимость реализуется через объективный интерес субъекта, под которым здесь понимается направление деятельности, необходимо задаваемое субъекту его местом в системе общественных отношений.

Способом осознания этой необходимости является прежде всего цель деятельности. В. И. Ленин отмечал, что «цели человека порождены объективным миром и предполагают его»⁵⁸. Таким образом, если оценка есть знание некоторой ценности, то цель — это оценка, функ-

⁵⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29.

ционирующая в качестве средства деятельности. Из всех средств деятельности цель является важнейшим. По известной характеристике К. Маркса, цель определяет способ и характер человеческих действий".

Однако цель как таковая недостаточна для достижения субъектом целевой ситуации. Между наличной и целевой ситуациями лежит определенный путь развития, который еще должен быть пройден социальной системой. Средством, обеспечивающим активное влияние субъекта на это развитие, является программа, которая вырабатывается на основе цели. Программы и тому подобные регулятивы на интуитивном уровне обычно противопоставляются знаниям. При этом знания вообще отождествляются со знаниями-отображешш, дескрипциями, т. е. описаниями, которым и противопоставляются программы, пре-скрипции, т. е. предписания.

Но поскольку программы при этом выделяются как феномены именно сознания, то системный подход требует их предварительного соотнесения с образующим признаком данной системы, а именно — знанием. Такое соотнесение и позволяет раскрыть главное в программах, их существенную общность с другими феноменами сознания. На наш взгляд, программы существуют не наряду со знаниями, как нечто отличное, как некоторое «незнание», а составляют особый вид знаний, выступающий в функции идеального средства деятельности.

В чем же заключается специфика программ как особого вида знаний? Сознание отображает действительность опережающим образом. Поскольку развитие как природы, так и общества имеет вероятностный характер, поскольку отображение фиксирует разные варианты развития, и в их числе тот, который составляет путь перехода от наличной ситуации к целевой (в типичном случае таких вариантов несколько, однако мы в целях упрощения будем говорить об одном).

Программа фактически есть описание того, как субъект должен действовать, чтобы осуществился переход системы из некоторого исходного состояния к другому, которое является целевым для данного субъекта. Но поскольку субъект — элемент социальной системы, то, по

См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 189.

существо, программу его деятельности является описанием одного из вариантов развития системы как целого.

От того, насколько это описание является истинным, т. е. соответствует объективным тенденциям развития системы, зависит и успех деятельности субъекта. Как видим, при системном подходе критерий истинности оказывается применимым и к программам^{5а}. Пока они рассматриваются как таковые, в отрыве от целого, в составе которого реально существуют, вопрос об их истинности не имеет смысла. Истинна или неистинна программа только с точки зрения определенной цели — в зависимости от того, соответствует ли она объективным возможностям перехода от наличной ситуации к целевой, и, следовательно, может ли привести субъекта к достижению этой цели. Но точно так же истинными или неистинными могут быть и цели деятельности — в зависимости от того, насколько оценки, функционирующие в качестве целей, адекватны объективным ценностям данного субъекта как элемента определенной социальной системы. Достижима лишь истинная цель. Соответственно средством сознательного развития социальных систем может быть лишь истинное знание. Знание иллюзорное функционирует лишь как средство их воспроизводства и развития не сознательного, а стихийного.

Ядро марксистско-ленинской теории отражения, несомненно, составляет идея активности сознательного отражения. На наш взгляд, активность сознания можно полностью раскрыть, лишь исходя из понимания сознания как момента практической социальной деятельности, которая в свою очередь является моментом соответствующего общественного отношения.

Сознание и деятельность едины в генетическом, а следовательно, также и в функциональном аспектах: любой объект или процесс в его наличном состоянии есть

⁵⁸ Вопрос о применимости категории «истина» к программам или, как чаще говорят, нормам дискусионен. Различные позиции по этому вопросу см.; *Мвин А. А.* Логика норм. М., 1973; *Ивлев Ю. В.* Основания логики норм.—Философские науки, 19(39), № 5; *Титов В. А.* «Истинны» или «значимы» моральные нормы и оценки?—Философские науки, 1971, № 5; *Кобляков В. П.* Об истинности моральных суждений.— Вопросы философии, 1969, № 5; *Шишкин А. ф.* Основы марксистской этики. М., 1969; *Шварцман К. А.* теоретические проблемы этики. М., 1969.

результат предшествующего развития, так что его структура — это его запечатленная история. Сознание формируется в неразрывном единстве с формированием практической деятельности. Поэтому и в развитом виде практическая деятельность и сознание находятся в органическом единстве — как целое и его момент, так что активность сознательного отражения реализуется в практике и через практику.

Нередко сознательное отражение понимают чрезмерно узко: только как познание. Тогда вопрос об активности отражения сводится к вопросу об активности познания. По наш взгляд, такое исходное представление недостаточно. Активность познания, безусловно, одно из важнейших выражений активности сознания, однако только к активности познания активность сознания не сводится. Исходное расчленение объекта должно фиксировать некоторое внутреннее противоречие изучаемого фрагмента действительности. Фиксация такого противоречия является условием соблюдения принципа целостности, ибо всякое целое, всякое органическое единство есть единство противоположностей. По наш взгляд, зафиксировать основное движущее противоречие процесса сознательного отражения и позволяет выделение в этом процессе двух взаимообусловленных подфункций.

Опредмеченная деятельность — это главный элемент, фиксирующий в себе историю развития системы. Она определяет способ функционирования субъектов-носителей живой деятельности. Поскольку субъекты занимают *разные* места в системе, постольку их деятельность оказывается разнонаправленной. Поскольку они занимают *разные* места *в одной* системе, постольку их деятельность оказывается соотносительной, взаимодополнительной. Первична не деятельность одного из них, а их взаимодействие.

Именно взаимодействие субъектов является исходным представлением, а понятие деятельности субъектов вводится как средство для фиксации противоречивых составляющих этого взаимодействия, ибо характер деятельности каждого определяется всей системой в целом и непосредственно взаимодействием.

Условия как целое задают некий единый тип взаимодействия, в котором и выделяются противоположные составляющие — деятельность отдельных субъектов.

ГлаВ-

^Я

ный детерминирующий фактор — условия взаимодействия. Они задают каждому субъекту вполне определенную направленность (содержание) деятельности. Вторым детерминирующим фактором, который влияет прежде всего на количественную определенность деятельности, для каждого из субъектов выступает деятельность его контрсубъекта. Системная необходимость имеет вероятностный характер. Поэтому можно говорить о пространстве возможностей, которыми располагают субъекты в данных условиях. Соответственно, можно выделить аналогичный спектр возможностей и для системы в целом.

Поскольку деятельность субъектов соотносительна, но разнонаправлена, она снимается во взаимодействии. Результирующая взаимодействующих субъектов составляет то реальное содержание процесса, который и выступает как очередной акт социального развития.

Синтез разнонаправленных действий хорошо охарактеризовал Ф. Энгельс: «Действия имеют известную желаемую цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны»⁵⁹. Каждый субъект стремится к своей цели, но в результате получается нечто третье, чего никто не хотел. Для описания этой ситуации может быть использовано правило параллелограмма. Результирующая опредмечивается и, сливаясь с предшествующей опредмеченной деятельностью и снимая ее, выступает как непосредственное условие и предпосылка следующего цикла взаимодействия субъектов.

Вновь возникающий уровень развития опредмеченной деятельности становится предпосылкой следующего цикла взаимодействия субъектов и соответственно воспроизводства системы.

Как частный случай, это может быть простое воспроизводство. В типичном же случае — это расширенное воспроизводство, когда система, исходя из предшествующей истории, зафиксированной в виде опредмеченной деятельности, с каждым циклом накапливает все больше опредмеченной деятельности, а это увеличивает активность деятельности живой. Поскольку опредмечивается не деятельность каждого отдельного субъекта как таковая, а именно взаимодействие, в котором составляющие сняты, преобразованы, каждый цикл воспроизводства систе-

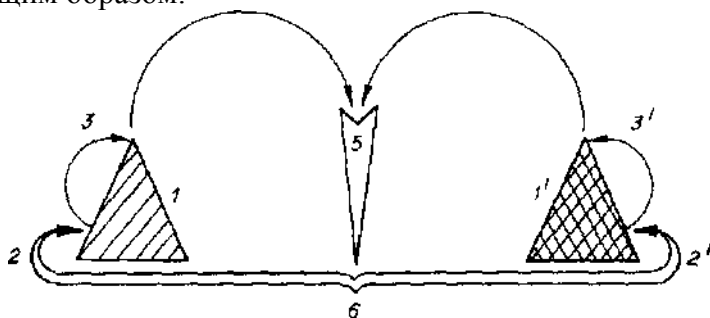
Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306.

мы означает не только количественный прирост, но и некоторое качественное изменение. Появление таких количественно-качественных изменений является мерой развития системы, выступает как реальное время ее жизни.

Итак, мы ввели представление о сложном, саморазвивающемся цикле, который представляет собой рефлексированное в себя диалектическое единство живой и опредмеченной деятельности, двух постоянно движущихся, переходящих друг в друга противоположностей.

Таким образом, простейшая система социальной деятельности есть самовоспроизводящийся цикл. Условия в виде опредмеченной деятельности детерминируют деятельность каждого из субъектов; разнонаправленная деятельность каждого из субъектов снимается их взаимодействием; взаимодействие опредмечивается, модифицируя условия; новые условия полагают новый акт взаимодействия субъектов, — и т. д.

Система социальной деятельности может быть схематически изображена следующим образом:

Цифрами обозначены: 1 и 1'—субъекты — носители данной системы деятельности; 2 и 2' — объективный интерес каждого из субъектов, осознаваемый как цель его деятельности; 3 и 3' — отображение действительности, т. е. данной системы деятельности, которое формируется у субъекта на основе его цели; 4 и 4' — программа деятельности и сам процесс действий по ее реализации; 5 — результирующая, реальная процесс взаимодействия субъектов, представляющий собой снятие их разнонаправленных деятельностей; 6 — опредмеченная деятель-

ность, исходное условие и конечный результат каждого цикла деятельности (взаимодействия) субъектов.

Значение этой схемы в том, что она воспроизводит изоморф социальной системы, т. е. те инвариантные черты строения, которые присущи каждому ее элементу⁶⁰. Типовыми элементами формации являются общественные отношения. Каждое из них — весьма сложная система социальной деятельности определенного вида, обладающая своими специфическими особенностями. Однако всякое общественное отношение обладает двумя субъектами-носителями, в каждом отношении есть необходимая связь между условиями и деятельностью, выступающая как объективный интерес субъекта и т. д.

«Система социальной деятельности» — теоретический конструкт, который не имеет самостоятельного значения, однако необходим для разработки понятий о конкретных общественных отношениях, в своем единстве составляющих общественно-экономическую формацию.

В дальнейшем мы сосредоточим внимание прежде всего на показе возможностей применения данной абстрактной схемы системы социальной деятельности. Поэтому дальнейшее изложение не претендует на степень конкретности, необходимую при специальном обсуждении соответствующих проблем. Речь идет лишь о предварительном очерчивании контуров проблематики, как она представляется с точки зрения изложенного выше подхода.

⁸⁰ Представление об абстрактной модели системы социальной деятельности и о возможностях ее применения было изложено нами в работах, опубликованных в 1972—1979 гг., в частности: *Фофанов В. П.* К методологии изучения социальной формы движения материи.— Методологические проблемы науки, вып. 4. Новосибирск, 1976; *Он же.* Предмет, метод и система категорий исторического материализма.— В кн.: Методологические проблемы исторического материализма. Барнаул, 1976; *Он же.* Общественно-экономическая формация как система общественных отношений.— В кн.: Системный метод и современная паука, вып. 3. Новосибирск, 1975; *Он же.* Системы и ценностное познание.— Там же. Графическое изображение изоморфа опубликовано в работах: *Фофанов В. Л.* Общественные отношения и социальное познание.— В кн.: Проблемы социального познания, вып. 1. Новосибирск, 1977; *Он же.* Эко-""мические отношения и экономическое сознание. Новосибирск,

Глава IV
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОНКРЕТИЗАЦИИ ИСХОДНОГО
АБСТРАКТНОГО ПОНИМАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. ИСХОДНАЯ КАТЕГОРИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА
И ИСХОДНАЯ «КЛЕТОЧКА»
ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Социальная деятельность как реальный объект чрезвычайно многообразна и в своих проявлениях и в своих сущностных характеристиках. Поэтому всякое употребление выражения «социальная деятельность» без введения дополнительных спецификаций имеет не более чем допредметный характер в силу своей неопределенности. Для того чтобы та или иная мыслительная конструкция приобрела статус категории данной науки, необходимо, в частности, зафиксировать ее отнесенность к определенной стороне объекта в рамках соответствующего предметного подхода, а также присущий ей уровень абстрактности и конкретности в отображении этой стороны.

В историческом материализме исходной является категория «социальная деятельность вообще», по отнюдь не просто категория «социальная деятельность» — без дальнейших определений: такой категории не существует вовсе. Даже самая абстрактная и содержательно бедная категория исторического материализма обладает четко зафиксированным содержанием. Логическая определенность и специфика этой категории состоит в том, что она фиксирует содержание объекта в его исходной неопределенности. Именно поэтому она выполняет в категориальной системе исторического материализма весьма важные и в то же время весьма ограниченные функции. Как всякое начало, она сжимается последующим движением.

Особенно важно подчеркнуть, что исходная категория исторического материализма неспособна выступить в роли «исходной клеточки» восхождения в процессе конкретно-содержательной генетической реконструкции социальной системы. Как было показано (§ 4 гл. II), каж-

дый этап восхождения включает категории абстрактного и конкретного уровня, находящиеся в отношении дополнительности друг к другу. Одна из важных функций, выполняемых такого рода структурой, состоит в вычленении общего и специфического в отображаемом аспекте действительности. Генетическая реконструкция системы предполагает фиксацию исходного состояния в его особенности, специфичности относительно последующих этапов развития. Каждый такой этап наращивает новый уровень в иерархии присущих системе взаимодействий, поэтому необходимым средством теоретического воспроизведения гезиса является вычлечение именно *специфики* исходного состояния. Ограничиться абстрактно-общим представлением здесь нельзя.

Однако и обойтись без него в решении данной задачи тоже нельзя, ибо тогда было бы невозможно выделить специфику исходной системы отношений. Эта специфика существует лишь в неразрывном единстве с всеобщими для системы характеристиками и может быть зафиксирована лишь относительно них. Поэтому категория «социальная деятельность вообще» вводится предварительно, а затем снимается определениями конкретного уровня, которые отображают общее в единстве с индивидуальным, специфическим.

Для выделения специфики исходного состояния необходимо еще одно звено: понятийная фиксация *иного* по отношению к исходному. «Шкала», на основе которой вводится это различие — представление о гезисе системы. Развитие всякого процесса ведет к его переходу в противоположность, что в данном случае означает возникновение такой модификации деятельности, где первичным и определяющим является не материальное, а духовное. То, что первоначально выступало как себестоимое-Дествепное целое, теперь содержит внутреннее опосредование в виде собственного момента, который обособился и приобрел относительную самостоятельность. Это опосредование снимается целым, но внутри целого выступает как его противоположность.

Целое, таким образом, раздвоено. Его качественная природа определяется ведущей стороной. Однако если первоначально эта качественная природа была непосредственно присуща всему целому, то теперь — лишь ведущей его стороне. Все же системе она присуща лишь по-

стольку, поскольку ведущая сторона снимает в себе свою противоположность.

Достаточно конкретное решение основного вопроса философии применительно к общественной жизни требует выработки теоретических конструкций, которые фиксируют противоречие материи и сознания не только на абстрактно-всеобщем уровне, но и на уровне развитых противоположностей, где они противостоят друг другу в виде взаимопроникающих сторон, каждая из которых содержит как материальный, так и идеальный моменты. Целое теперь выступает в раздвоенности на две модификации, одна из которых является генетически первичной и функционально определяющей, а другая— вторичной и определяемой. Конкретная фиксация деятельности на уровне развитого, внутренне дифференцированного целого требует введения новых понятий, производных относительно понятия деятельности вообще.

Качественную специфику социальной формы движения материи и социальной деятельности как ее субстанции составляет — относительно других форм движения — диалектика материального и идеального. Деятельность в самом абстрактном ее определении есть *материальный процесс*, обладающий, в отличие от всех других материальных процессов, особым внутренним опосредованием в виде идеального. Сознание формируется в процессе формирования социальной деятельности, воспроизводится и функционирует как ее необходимый момент. Производство сознания «вплетено в материальную деятельность»¹. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают, что первоначально сознание вплетено в материальную деятельность «непосредственно». Системное развитие ведет к углублению внутреннего опосредования, ко все большему обособлению диалектических противоположностей. Опосредованность материального процесса деятельности сознанием приводит к тому, что на определенном этапе развития в едином процессе возникает материальная деятельность — как ведущая сторона противоречия, и духовная деятельность — как ее относительно обособленная внутренняя противоположность. Духовная деятельность, которая выступает

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966, с. 29.

л ат.

системе как духовное производство, есть внутреннее опосредование целостного процесса, не изменяющее его материальной природы. Сознание «вплетено» в материальную деятельность, но «то же самое относится к духовному производству»³.

Поскольку *внутри* социальной деятельности как *материального целого* возникает необходимость различать материальную и духовную разновидности, представляется целесообразным использовать следующую терминологию. Материальный процесс деятельности — это социальная деятельность как материальное целое, снимающее в себе все свои внутренние различия. На основе этого понятия, уже для фиксации внутренних различий в социальной деятельности как едином материальном процессе вводятся два производных: материальная деятельность (практика) и духовная деятельность. Первое есть общее понятие на уровне *конкретности*, — в отличие от абстрактно-общего определения деятельности. Следующие два вводятся для фиксации на том же уровне двух взаимодополнительных способов существования материального процесса деятельности в его развитых формах. Материальная деятельность выступает как ведущая сторона целого, которая снимает в себе лодчипенную противоположность. Несмотря на то, что именно материальная деятельность полагает качественную определенность социальной системы, лишь к ней одной эта система целиком не сводится: духовная деятельность противостоит материальной как ее собственное, внутреннее, но все же относительно обособленное опосредование.

Именно в этой относительной обособленности коренятся объективные предпосылки возникновения идеализма. Абсолютизируя ее, «сознание *может* действительно вообразить себе, что оно есть нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может *действительно* представлять что-нибудь, не представляя чего-нибудь действительного»³. Однако каким бы внутренним модификациям ни подвергалась деятельность в процессе своего развития, материальность остается ее первичным и основным определением в рамках диалектико-материалистического решения основного вопроса философии. Реализаци-

* Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах..., с. 29. ³ Там же, с. 40—41.

ей принципа материализма применительно к обществу являются теоретические конструкции, во-первых, представляющие сознание как внутренний момент материальной деятельности и, во-вторых, представляющие материальную деятельность как первичную и определяющую относительно деятельности духовной.

В определении деятельности как единства материального и идеального формально заложена возможность двоякого решения вопроса о том, что здесь первично. В принципе определяющей стороной этого единства может быть признана как материальная, так и идеальная компонента.

Более того, обе эти возможности реализованы в социальной действительности, где есть деятельность материальная и деятельность духовная. В основе их различия лежит именно соотношение материального и идеального. В материально-практической деятельности с точки зрения целого преобладает материальная компонента. Практика есть материальный процесс *преобразования* действительности, внутренним опосредованием которого является сознание. В духовной деятельности, наоборот, преобладает духовная компонента. Эта деятельность — процесс *отражения* действительности. Практика включает в себя сознание, но здесь оно служит лишь средством материального преобразования, самостоятельного изменения действительности. В духовной деятельности материальное преобразование действительности также имеет место. По здесь оно — средство сознательного отражения, в котором и состоит основание, цель духовной деятельности.

Поэтому вопрос о субординации материально-практической и духовной деятельности отнюдь не является чисто формальным. Экстраполяция (более или менее мистифицированного) понятия духовной деятельности на всю сферу деятельности вообще составляет реальный механизм возникновения идеализма.

Из сказанного видно, почему в ряду категорий, отображающих социальную деятельность как качественно особую сферу действительности, для марксизма главной является отнюдь не категория деятельности вообще. Принципиальное значение для возникновения материалистического понимания истории имело выделение *практической деятельности* (практики) и еще уже — *практической деятельности в сфере материального производства*. Такой подход позволяет интерпретировать возникновение

духовной деятельности как вторичный эффект. С этой точки зрения, духовная деятельность не является самодостаточной. В широком системном смысле она лишь средство осуществления материальной деятельности, ее относительно обособившееся внутреннее опосредование. Ее развитие базируется на противоположном процессе, где собственным содержанием выступает материальное изменение действительности.

Для понимания места и роли материально-практической деятельности во всей общественной жизни чрезвычайно важное значение имеет анализ, проделанный К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии» — произведении, где впервые было дано развернутое изложение сущности материалистического понимания истории. Мы коснемся в данном контексте лишь некоторых основных положений, значимых для реализации принципов восхождения в исследовании социальной деятельности.

Многие тезисы, высказанные в «Немецкой идеологии», получили детальную разработку в дальнейшем. Однако ряд важных проблем, намеченных подчас в виде контуров, и сегодня, на наш взгляд, нуждается в более подробном разворачивании и разработке. Чрезвычайно важно, что среди них — вопрос о «клеточке» исторического материализма. К. Марксу и Ф. Энгельсу был чужд спекулятивный подход. Изложение материалистического понимания истории в «Немецкой идеологии» они начинают с констатации фактов: «Предпосылки, с которых мы начинаем, не произвольны, они не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни... Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем»⁵.

Далее вновь речь идет об индивидах, но уже в ином аспекте, в иной связи: «Первая предпосылка всякой че-

⁴ О значении этого произведения см. напр.: Вагатурия Г. А. Первое великое открытие Маркса. (Формирование и развитие материалистического понимания истории).—В кн.: Маркс-историк. М., 1968; Ойзерман Т. И. Разработка материалистического понимания истории как целостной концепции. «Тезисы о Фейербахе» и «Немецкая идеология».— В кн.: Марксистская философия в XIX веке, кн. 1. М., 1979.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах..., с. 22.

ловеческой истории — это конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию,— телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе»⁶. Если в первом случае индивиды фиксируются «в себе», в единстве лишь с непосредственными условиями их жизни, то теперь — в их отношении ко всей «остальной природе». По существу, здесь задана внешняя связь, внешняя система, и задана через материальность, «телесность» индивидов, которая обуславливает их единство с природой, выступает в виде предпосылки специфически человеческого взаимодействия с нею.

Третья — хронологически первая — констатация предпосылок имеется в черновом варианте первой главы «Немецкой идеологии» и включена в полемический контекст: «Имея дело со свободными от всяких предпосылок немцами, мы должны прежде всего констатировать первую предпосылку всякого человеческого существования, а следовательно и всякой истории, а именно ту предпосылку, что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии „делать историю“»⁷. Здесь индивиды взяты в отношении к своей истории. Необходимость *жить*, определяемая телесной организацией индивидов, фиксируется как предпосылка не только их взаимоотношений с природой, но и их собственного исторического процесса.

Как видим, К. Маркс и Ф. Энгельс начинают с констатации некоторых неоспоримых фактов. Однако это именно лишь предпосылки для разработки концептуальной схемы. Начать с фактов — значит преодолеть спекулятивный подход. Ограничиться «только фактами»—значило бы впасть в эмпиризм. Задача состоит в том, чтобы на основе эмпирических предпосылок сформулировать теоретическую конструкцию, которая позволяет посредством введения соответствующих абстракций и идеализации в первичном эмпирическом материале вычленить систему, зафиксировать ее элементы и их связи.

Следовательно, возникает необходимость постоянного различения, с одной стороны, формируемой теоретической

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах..., с. 22—23.

⁷ Там же, с. 36—37.

картины действительности, с другой — познавательного процесса, в ходе которого эта картина формируется и развертывается, т. е. различия онтологического и гносеологического аспектов.

В гносеологическом аспекте существенно, что констатация фактов сама по себе есть лишь предпосылка для разработки собственно теоретической конструкции. В онтологическом аспекте существенно, что эти факты имеют различное значение для изучаемого целого. Констатация отношения индивидов к природе и их отношения к собственной истории выделяет контуры, границы объективной действительности, попадающей в сферу видения формируемой концепции. В центре же намечаемой конструкции находятся индивиды в единстве с непосредственными условиями их жизни. Рассмотрим, как стороны этого единства соотносятся между собой.

Первый вывод, полученный на основе эмпирических предпосылок выглядит тоже как всего лишь констатация фактов, непосредственно доступная эмпирической проверке: «...Люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Но для жизни нужны прежде всего нища и питье, жилище, одежда и еще кое-что»⁶. Этот тезис внешне почти тавтологичен: чтобы жить — надо иметь *возможность* жить. Но за этой кажущейся тавтологичностью кроется существенная новизна. Это становится очевидно, если тезис развернуть более подробно: индивиды — живые телесные существа; поэтому, чтобы жить — им надо иметь *возможность* жить, т. е. иметь *жизненные средства*. Суть этого тезиса — в констатации наличия у людей *материальных потребностей* — нужды в определенных жизненных средствах, обусловленных их собственной природой. Индивиды нуждаются в определенных условиях — материальных, как они сами. По существу, здесь содержится указание на необходимую связь первоначально выделенных компонентов, указание на то, что Перед нами не просто фрагменты действительности, а элементы существующей в действительности *системы*. Безусловно, выделение системы еще не завершено, однако решающий шаг сделан. Именно этот шаг позволяет вывести тезис, лежащий в основе материалистп-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах..., с. 37.

ческого объяснения истории — тезис о первичности материального производства.

Неразрывный ряд «почти тавтологий», неразрывный ряд констатации неопровержимых фактов делает неопровержимым и вывод: «...люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии „делать историю“. По для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Итак, первый исторический акт, это — производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни»⁹.

Структура вывода такова.

Люди, индивиды — материальные живые существа.

Чтобы «делать историю», люди должны жить, существовать.

Чтобы жить, они должны иметь материальные жизненные средства.

Чтобы иметь жизненные средства, они должны их производить.

Следовательно, чтобы «делать историю», люди должны производить жизненные средства.

Так возникает понятие «производство материальной жизни» или, коротко, «материальное производство».

Введя понятие *материального производства*, К. Маркс и Ф. Энгельс по существу «замкнули» первоначально выделенные компоненты друг на друга, т. е. зафиксировали их как *элементы системы*. С одной стороны, индивиды нуждаются в определенных материальных условиях, которые, таким образом, выступают для индивидов в качестве предпосылок, С другой стороны, индивиды *производят* эти условия, т. е. сами выступают в качестве их предпосылок. Понятие «материальное производство» и фиксирует эту взаимообусловленность сторон. Выявление их целостности позволяет наряду с различием сторон показать и их тождественность: «То, что они (индивиды.— В. Ф.) собой представляют, совпадает, следовательно с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят»¹⁰.

Фиксация тождества взаимообусловленных сторон, пожалуй, ключевой момент в теоретической реконструк-

⁹ Маркс Г., Энгельс Ф. Фейербах..., с. 37. ¹⁰ Там же, с. 23.

ции действительной системы. Это позволяет раскрыть их взаимопроникновение, без чего констатация взаимообусловленности может оказаться лишь внешней характеристикой.

До сих пор речь шла о некотором способе соотнесения компонентов (элементов), выделенных в их непосредственной *эмпирической данности*. Как всякое эмпирически конкретное, они бесконечно многообразны. Однако возникают вопросы: Какова же качественная определенность тех системных связей, которые были выделены в данном объекте? Какой системообразующий признак кроется за эмпирическим разнообразием «индивидов» и «материальных условий»? Почему это не просто эмпирические компоненты некоего полисистемного объекта, а именно элементы системы? Что их объединяет? Почему они способны обуславливать друг друга, переходить друг в друга? Ответы можно получить лишь путем введения попятня, фиксирующего стороны в их тождественности друг другу. В гносеологическом плане суть вопросов состоит в том, как *надо рассматривать действительность*, какой аспект, какой «предметный срез» следует в ней выделить, чтобы уловить *внутреннее единство* зафиксированных компонентов. Собственно говоря, лишь таким путем их можно представить в виде элементов системы. Пока не зафиксирована себестождественность системы, не раскрыто ее субстанциональное единство, говорить о теоретическом выделении системы преждевременно.

Свой способ видения К. Маркс и Ф. Энгельс фиксируют однозначно: «...Для нас исходной точкой являются действительно *деятельные* люди (курсив наш.—В. Ф.)»¹¹. Деятельные люди, *люди как носители деятельности*,— такова та познавательная призма, при помощи которой формируется теоретическая картина социальной действительности. При характеристике сущности материалистического понимания истории этот мотив звучит постоянно. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно отмечают: «...Речь идет о действительных, действующих людях»¹².

Второе столь же фундаментальное обстоятельство состоит в том, что деятельность понимается как чувственно-предметная, практическая деятельность. Характеризуя

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах..., с. 29.

¹² Там же.

свой подход к обществу, К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «Этот способ рассмотрения не лишен предпосылок. Он исходит из действительных предпосылок, ни на миг не покидая их. Его предпосылками являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирически процессе развития, протекающем в определенных условиях. Когда изображается этот *дейтельный процесс жизни*, история перестает быть собранием мертвых фактов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, какой она является у идеалистов.

Там, где прекращается спекулятивное мышление, — перед лицом действительной жизни, — там как раз и начинается действительная положительная наука, *изображение практической деятельности, практического процесса развития людей* (курсив наш. — Б. Ф.)»¹³.

Итак, классики понимают людей как носителей практической деятельности. И это отнюдь не частность. «Тезисы о Фейербахе», этот «гениальный зародыш нового, мировоззрения», начинаются следующими словами: «Главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно»¹⁴.

Если таков *главный недостаток* домарксовского материализма, то очевидно, главное преимущество, *главная специфическая особенность* диалектического и исторического материализма по сравнению с другими материалистическими концепциями состоит в том, что действительность понимается как *человеческая чувственная деятельность, практика*.

Именно практическая, и еще уже — производственная, деятельность выступает в марксизме как объяснительный принцип всей общественной жизни: «Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов — не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом пред-

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах..., с. 30.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф, Соч. 2-е изд., т. 3, с. 1.

ставлении, а таких, каковы они в *действительности*, т. е. как они действуют, материально производят»¹⁵.

Поскольку производство существует всегда в определенной конкретно-исторической форме, постольку объяснительным принципом выступает не производственная деятельность вообще, а производственная деятельность, оформленная в виде исторически складывающихся производственных отношений. В этих отношениях деятельность индивидов предстает в единстве с ее условиями: индивиды «действительно проявляют себя при наличии определенных материальных, не зависящих от их произвола границ, предпосылок и условий»¹⁶.

Раскрывая природу предметных условий деятельности, классики преодолели присущий буржуазному миропониманию» товарно-фетишистский натурализм, который сводит общественные отношения людей к «отношениям вещей», возникающим якобы благодаря их природным, естественным свойствам. Такой подход мистифицирует общество, разрывает социальное целое, извращает сущность общественных отношений. Рационально понятая категория деятельности позволяет раскрыть действительные истоки того, почему вещи способны выполнять определенные социальные функции. Достигается это благодаря тому, что вещные условия живой деятельности также представляются как некоторая модификация деятельности. Без этого системная концепция материального производства логически невозможна. Когда К. Маркс и Ф. Энгельс фиксируют эмпирические предпосылки материалистического понимания истории, они соотносят индивидов-деятелей с материальными условиями их жизни. Чрезвычайно важно, что уже здесь условия дапы во вполне специфическом определении. Условия жизни индивидов определены как *продукт* деятельности, т. е. как их предшествующая живая деятельность, ныне опредмеченная в вещах.

В результате и возникает новая концепция истории. «История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого Данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах..., с. 28. ¹⁶ Там же.

условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»¹⁷. История предстает как саморазвивающийся, непрерывно расширяющийся процесс, внутренним механизмом которого являются диалектические переходы друг в друга живой и унаследованной опредмеченной деятельности поколений.

К. Маркс и Ф. Энгельс не только раскрывают роль материального производства как главной сферы человеческой деятельности, основы всей общественной жизни, но и выделяют его элементы. Они называют «четыре момента, четыре стороны первичных, исторических отношений»¹⁸.

Исторически первичные отношения включают в себя «производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством деторождения»¹³. При этом производство «выступает сразу же в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения»¹⁰.

Поскольку объекты полисистемны, постольку в отдельном материальном образовании в принципе могут быть выделены различные системы. Поэтому важно учесть оговорку К. Маркса и Ф. Энгельса: «...Способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов»²¹. С этой стороны его рассматривать пужно, ибо «физическое существование», «телесная организация» индивидов есть *объективная* предпосылка материального производства. Но не только и *не столько* с этой стороны, ибо «физическое существование» — лишь предпосылка. «В еще большей степени это — определенный способ деятельности даипых индивидов» .

Таким образом, в виде простейшей и генетически первичной системы общественных отношений классики выделяют материальное производство, включающее в себя две взаимосвязанных подсистемы общественных отношений:

¹⁷ Там же, с. 47.

¹⁸ Там же, с. 39.

¹⁹ Там же, с. 38. ^{йо} Там же.

^{г!} Там же, с. 23. ²² Там же.

определенный конкретно-исторический способ производства материальных благ и способ производства человека. На наш взгляд, материальное производство в таком его понимании и составляет «клеточку» социальной системы и соответственно исходный пункт восхождения в рамках генетического развертывания теории общественно-экономической формации.

Каждый из этих двух видов материального производства функционирует как относительно обособленный цикл. Главное, однако, в том, что они взаимообусловлены и являются, в сущности, лишь взаимодополнительными моментами единой системы производства материальной жизни. Их взаимосвязь имеет конкретно-исторический характер. Так, в классово-антагонистических формациях производство материальных благ, в котором человек функционирует как носитель трудовой и экономической деятельности, подчиняет себе (вос)производство человека.

Принципиально важным шагом к вычленению единства двух видов материального производства был анализ диалектики производства и потребления, проделанный К. Марксом²³. Ряд ценных идей в связи с производством человека высказал Ф. Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». На наш взгляд, многие из этих идей до сих пор также не раскрыты во всей их глубине. Конечно, крайне нигилистические оценки²⁴ давно преодолены, имеются интересные попытки обобщить разностороннее наследие классиков по вопросу о производстве человека²⁵. Но зачастую проблема производства материальных благ рассматривается в отрыве от своей диалектической противоположности, что обедняет ее понимание.

²³ См. напр.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 46, ч. I, с. 26—31; и др.

²⁴ См.: *Архив К. Маркса и Ф. Энгельса*, т. V. М., 1941, с. IX.

²⁵ См., напр.: *Паиков А. И. Экономические работы В. И. Ленина 90-х годов*. М., 1960; *Крапивенский С. Э. По поводу так называемой ошибки Энгельса*, — *Философские науки*, 1963, № 2; *Панов В. Г.*

Что следует понимать под производством и воспроизводством непосредственной жизни общества.— *Философские науки*, 1963, № 3; *Попова А. Л. О роли производства и воспроизводства непосредственной жизни в развитии общества*.— В кн.: *Вопросы философии*^п психологии, вып. 1. Л., 1965; *Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения*. М., 1971, с. 205—223; *Бородин Е. Т. Производство и воспроизводство непосредственной жизни общества*.— *Философские науки*, 1976, № 2; и др.

7*

Маркс и Энгельс создают концепцию огромной обобщающей силы,— концепцию, которая охватывает всю историю человечества и выделяет в ней главное, определяющее. Возникает эта концепция на основе констатации фактов обычных, обыденных, массовидных, казалось бы заурядных, по имеющим фундаментальное значение именно в силу своей массовидности. На наш взгляд, здесь начата процедура, аналогичная той, что привела к выработке концептуальной схемы, раскрывающей сущность буржуазных экономических отношений: товар — стоимость — рабочая сила — капитал. Безусловно, в данном случае отсутствует столь же детальное вычленение элементов, нет проработки их структуры. Хотя немало сделано К. Марксом и Ф. Энгельсом в дальнейшем, в частности в связи с изучением капиталистического способа производства, все же следует признать, что тут еще очень много предстоит сделать. И тем не менее, в результате движения от эмпирически фиксируемого материала намечен переход к теоретической конструкции, которая может рассматриваться как начальный пункт генетического выведения социальной системы.

Следует различать «клеточку» как простейшее состояние объективно существующей системы, послужившее исходным пунктом ее развития в самой действительности, и «клеточку» как теоретическую конструкцию, фиксирующую эмпирически данный объект. «Клеточку» в последнем смысле еще предстоит построить, хотя и здесь классиками было сделано немало. Однако даже выделение этой «клеточки» на уровне первичной эмпирической фиксации уже результат непреходящего научного значения. Эмпирия, конечно, лишь исходный материал. Для формируемой теоретической конструкции важен способ схематизации этого материала. Однако и сам отбор первичной эмпирии тоже существенно влияет на конечный результат. Маркс и Энгельс отмечают, что от фактов, которые они констатируют, можно отвлечься «только в воображении»²⁶, только в спекулятивном мышлении. Почему же в одних случаях мышление следует логике фактов, а в других приобретает спекулятивный характер? Здесь необходимо обратиться к классовой обусловленности социального познания.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах..., с. 22.

Социальный мыслитель, сознает он это или нет, всегда связан с определенной позицией класса уже в собственных *предпосылках*. В основе возникновения научного естествознания в конечном счете лежит практический трудовой опыт — именно в нем коренятся математика, физика, биология и т. д. Практический опыт масс, всегда имеющий классовый характер, лежит и в основе теоретического обществознания, которое выполняет роль идеологии того или иного класса. Идеолог выражает интересы класса прежде всего благодаря тому, что обобщает его практический опыт, выражает на уровне теории то понимание наличной ситуации, которое формируется у соответствующего класса в ходе его реальной социальной жизни. В этом смысле идеолог — это персонификат своего класса. Жизненный опыт класса полнее всего выражается в отборе первичного эмпирического материала для разработки концептуальных схем.

Создание жизненных средств, трудовое участие в материальном производстве не является непосредственным содержанием социальной деятельности буржуазии. Наоборот, рабочий не может обходиться без постоянных актов создания материальных средств жизни. Капиталист может существовать, не создавая, потому что он живет чужим трудом. Точно так же и для его идеолога, отображающего в своей концепции условия существования собственного класса, процесс производства материальных средств жизни не является всеобщим и обязательным условием и предпосылкой. Для этого идеолога первым становится все что угодно; торговля, финансы, политика, нравственность и т. д. — но не труд и не производство рабочей силы, поскольку рабочая сила всегда дана капиталисту в качестве объективной предпосылки его экономической, а на этой основе и всякой иной деятельности.

Капиталист является капиталистом с того момента, когда есть материальное производство, обслуживающее его непосредственное материальное существование и необходимое ему только как средство производства прибыли. С этой точки зрения он воспринимает и осознает всю действительность. Для капиталиста жизнь без созидательного участия в производстве — реальный факт, его эмпирическая действительность, и этот факт осознается его идеологом. Для рабочего, напротив, необходимость осу-

ществления материального производства — эмпирическая, жизненно данная предпосылка. Ее и осознает идеолог пролетариата как первое, объективно существующее условие всей общественной жизни.

Социальная теория первоначально лишь фиксирует и схематизирует действительность, какой она дана в практическом опыте класса. Затем она сама определяет способ видения этой действительности, но лишь потому, что изначально соответствует ей.

К. Маркс и Ф. Энгельс как выразители объективных интересов и объективного положения пролетариата с необходимостью положили в основу своей позиции вполне определенный эмпирический материал, и эта «логика фактов» определила логику их концепции в целом. В основе их теоретической позиции — эмпирическое положение рабочего класса. Такова объективная социальная логика, которая предопределяет все последующее. Исходные посылы в социальном познании не являются делом произвольного выбора, они классово предопределены. И тем самым предопределено и предметное видение действительности.

Конечно, было бы преувеличением утверждать, что в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс сконструировали «клеточку» формации. Это было бы неверно уже потому, что они и не ставили в этой работе задачу найти исходный пункт построения теоретической социологии на основе метода восхождения от абстрактного к конкретному, а всякая «клеточка» есть конструкция сугубо рефлексивная, и потому она не может быть получена в явном виде, как побочный результат. Утверждая приоритет классиков марксизма-ленинизма в постановке или разработке той или иной проблемы, важно избежать модернизации их взглядов, привнесения того, что отсутствует в их текстах. Вместе с тем нельзя и преуменьшать значение фактически сделанного. Поэтому можно считать, что в «Немецкой идеологии» была выделена та простейшая система общественных отношений, теоретическая модель которых может быть использована как исходная клеточка в процессе восхождения от абстрактного к конкретному в социологии.

Подчеркивая значение практики, марксизм-ленинизм отнюдь не сводит все разнообразие исторически возникающих видов деятельности лишь к практике, тем более

производственной²⁷. Наоборот, все многообразие различных видов, способов, форм социальной деятельности должно быть выведено из первичной системы деятельности в сфере материального производства.

В рамках системного представления социальной деятельности необходимо следовать требованиям диалектической логики, вводя расчленения прежде всего в соответствии с законом единства и борьбы противоположностей. Если перед нами система, то ее развитие состоит в «раздвоении единого». Понимание развития как перехода в противоположность определяет направление поиска. Так, если исходной является материальная деятельность, то соотносительной и противоположной — духовная деятельность. Если исходно материальное производство, то соотносительно и противоположно — духовное производство.

Разумеется, речь идет лишь о некоторой познавательной установке, которая должна постоянно проверяться эмпирическим материалом, об использовании эвристических возможностей диалектики, а не о навязывании действительному процессу пекпх априорных схем. Такие кон-кретпые системы деятельности, как политическая, художественная и т. д., чисто умозрительно были бы просто невыводимы. Метод состоит отнюдь не в абстрактно-дедуктивном движении. «Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае — на опыте п без всякой мистификации и спекуляции — выявить связь общественной и политической структуры с производством»²⁵. История имеет вероятностный характер, в ней нет одпознач-ной предопределенности, нет заранее поставленной цели. Поэтому научная социология не рассуждает, «какова цель и сущность общества вообще»²⁹, она объясняет ре-альное содержание естественно-исторического процесса, а на этой основе получает возможность предвидеть его перспективы.

В данной работе, разумеется, нет возможности проследить механизмы возникновения всех важнейших видов деятельности. Это может быть делом лишь коллективных Усилий исследователей-марксистов. Мы только стремились показать, что типологию деятельности можно постро-

²¹ В связи с этим см., папр.: *Ярошевский Т. М.* Размышления⁰ практике. М., 1976, с. 87—89.

* *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах..., с. 28. *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 1, с. 133.

нить лишь путем выяснения места и роли тех или иных процессов в социальной системе, исходя из их субординации на основе первичности материально-практической (производственной) деятельности.

Здесь уместно несколько подробнее затронуть всего один вопрос — о диалектике практической и духовной деятельности, поскольку он принципиально важен для понимания социальной деятельности в целом.

Отношение практической и духовной деятельности не есть отношение двух видов в рамках единого «рода» — деятельности «вообще». Общество — это система *практической* деятельности, включающей духовную деятельность как свое относительно обособившееся опосредование. Духовная деятельность — *порождение* практики и как таковое существует лишь на ее основе. Различение практической и духовной деятельности является внутренним различием в системе практики. В качестве ведущей стороны общественной жизни выступает практика, а духовная деятельность *снимается* ею. В этом смысле общество как целое есть система практической деятельности, но отнюдь не в том, разумеется, смысле будто бы духовная деятельность не существует вообще. Речь идет о характере их субординации. Каких бы степеней самостоятельности и обособления по своему содержанию ни достигала духовная деятельность, она всегда будет зависеть от практики по механизму реализации.

Принцип взаимопроникновения противоположностей приводит к тому, что каждая противоположность противостоит иному, но и содержит иное в себе в качестве подчиненной, снятой стороны. Духовная деятельность не только зависит от практической, как от своей объективной внешней предпосылки, но и опосредовала ею в *себе*. Духовная деятельность не есть чисто мысленный, только идеальный процесс. Идеальное существует на определенном материальном носителе, и в понятии духовной деятельности идеальное и этот материальный носитель берутся в их единстве. А поскольку духовная деятельность развертывается на материальной основе, постольку она нуждается в ее воспроизводстве и развитии.

Итак, духовная деятельность — это внутреннее опосредование, а практика — внешняя граница социальной системы. Общество взаимодействует с окружающим миром в практике и через практику. Следовательно, опре-

деление его как одной из составляющих этого мира не может быть задано иначе, чем через практику. Но тогда, может быть, субстанцию социальной системы надо определять как практику? Это означало бы, что духовной деятельности отказано в субстанциональности, тогда как она составляет важную и относительно обособленную сферу общественной жизни. Практика выступает *вовне* как ведущая сторона, которая снимает в себе духовную деятельность. Между тем *внутри* социальной системы практика противостоит ей как всего лишь одна из противоположностей. Она играет определяющую роль, но лишь к ней система не сводится. Между тем категория субстанции должна охватывать целое в его специфической определенности. Поскольку духовная деятельность — результат развертывания одной из специфических характеристик социальной субстанции, она должна быть охвачена ее определением.

Поэтому выделяя материальную практику как первичную и определяющую сферу общественной жизни, все же необходимо в качестве субстанциональной характеристики использовать понятие «деятельность вообще», в силу своей абстрактности охватывающее все возможные модификации практики, в том числе и возможность ее перехода в свою противоположность, которая реализовалась с возникновением духовной деятельности. При таком подходе эти две стороны целого отображаются единым понятием, не заменяющим, однако, уровня более конкретных определений, которые призваны, в частности, зафиксировать единство уже на уровне внутренней различенности целого.

§ 2. СИСТЕМА ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(на примере груди)

Важный шаг в конкретизации системного понимания деятельности составляет переход к представлению о системах практической и духовной деятельности. Всякая реально существующая деятельность является либо практической, либо духовной, поэтому введение соответствующих понятий создает непосредственную теоретическую основу для описания отдельных видов деятельности в рамках того и другого рода. Вместе с тем попытка дать

общую характеристику практики в отвлечении от ее конкретных разновидностей привела бы лишь к «тощим абстракциям», по существу близким к тому пониманию системы деятельности вообще, которое было введено первоначально, но должно быть снято в последующем. Поэтому рассмотрим практическую деятельность на примере труда. Следует учесть, однако, что это делается только затем, чтобы показать сам способ представления отдельных систем деятельности при переходе от абстрактного этапа исследования к более конкретному. Что же касается специального исследования труда, оно должно носить, конечно, гораздо более детальный характер³⁰, учитывая, в частности, конкретно-исторические особенности развития труда, его зависимость от экономических отношений и т. д.

Выбор труда в качестве материала для характеристики системы практической деятельности объясняется следующим. Генетически первичным являемся не какой-то отдельный вид деятельности, не какая-то отдельная система деятельности, но материальное производство, т. е. сложная система различных видов материально-практической деятельности. Однако в рамках этой системы особое место занимает трудовая деятельность, с формированием которой — и это показано классиками марксизма — связано формирование самого человека как существа социального. В этом смысле трудовая деятельность есть исходный процесс, в качестве модификаций и опосредования которого формируются и функционируют другие виды деятельности. Поэтому ее можно рассматривать и как некоторый «эталон», пригодный для характеристики других видов деятельности. И действительно, то описание структуры живой деятельности, которое обычно используется в советской литературе для характеристики различных видов деятельности, было дапо К. Марксом на материале деятельности трудовой³¹.

Особенность трудового взаимодействия субъектов заключена в том, что оно прямо опосредовано природой.

³⁰ См.: *Окопская Н. Б.*, Труд, его место и роль в прогрессе общества.— *Философские науки*, 1977, № 6; *Сулов В. Я.* Социология труда. Теоретические и методологические проблемы. Л., 1971; *Тов-масыи С. С.* Труд и техника. Очерк философских проблем. Ереван, 1975; *Он же.* Философские проблемы труда и техники. М., 1972; *Чангли И. И.* Труд. М., 1973; и др.

³¹ См.: *Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 158—197 и др.

Общество как единая система социальной деятельности имеет внешнюю границу — границу взаимодействия с природой. Поэтому в нем может быть выделен определенный внешний слой, особый вид деятельности, представляющий собой непосредственный процесс взаимодействия с природой. Этот вид деятельности и обозначается как труд (трудовая деятельность). «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»³². Процесс труда выступает как «всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни»³³. Поэтому труд в его простых и абстрактных моментах «не зависит от какой бы то ни было формы этой (человеческой. — В. Ф.) жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам»³⁴. Речь, следовательно, идет о некоторой *инвариантной* характеристике социальной системы.

Специфика труда как особого вида социальной деятельности состоит в том, что в труде «человек реализуется в своей двойке, природно-социальной сущности. «Веществу природы он сам (человек.— В. Ф.) противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы»³⁵.

Труд есть телесный, чувственный процесс, представляющий собой изменение телесного, чувственного мира. В чем же его отличие от других природных процессов? Труд — материальная *деятельность*, т. е. материальный процесс, опосредованный сознанием. Как отмечает К. Маркс, «труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека», отличается тем, что «в конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознатель-

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 188.

³³ Там же, с. 195. ^м Там же.

^w Там же, с. 188.

ную цель»³⁶. В силу этого человек как носитель труда не совпадает с природой непосредственно.

Вместе с тем труд есть специфически социальная форма (способ) осуществления процесса, который присущ всем, а не только социальным системам, хотя в каждой осуществляется по-своему. Этот процесс — воспроизводство системой своего субстрата.

Труд и материальное производство в целом не что иное, как процесс воспроизводства и развития субстрата, носителя социальной формы движения материи. Процессуальный характер субстрата порождает необходимость постоянного воздействия на него с целью стабилизации. Постоянное воссоздание и развитие предпосылок общественной жизни и составляет сущность материального производства.

Связь субстанции и субстрата — это живая, постоянно возобновляемая связь. Она выступает как источник вещества и энергии, необходимой для существования социальной деятельности. Эта связь противоречива, она осуществляется в двух противоположных направлениях. Выделяя главный момент — движение вещества, можно для обозначения ее содержания использовать термин «обмен веществ». Термин «обмен веществ» применяется не только к биологическим, но и к социальным системам, хотя, разумеется, в каждом из этих случаев он приобретает специфическое значение.

Процесс труда в своей сущности и состоит в ассимиляции вещества природы для осуществления социальной деятельности. «Так как этот труд есть деятельность, направленная на освоение вещественных элементов для той или иной цели, то он нуждается в веществе как предпосылке. В различных потребительных стоимостях пропорция между трудом и веществом природы очень различна, но потребительная стоимость всегда содержит какой-либо природный субстрат»³⁷.

Существенную зависимость социальной формы движения от природного и непосредственно биологического субстрата хорошо иллюстрирует временной аспект жизни социальной системы. Так, в сельском хозяйстве — по крайней мере до определенного уровня его развития — соци-

38 Маркс Я., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189, " Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 22—23.

альные ритмы прямо зависят от природных и прежде всего от биологических ритмов. Спячка природы — и спячка деревни. Расцвет природы — и рост трудовой активности крестьян. Завершилась уборка, началось засыпание природы,—и вновь падение активности на селе, вновь как бы спячка.

На этом же примере видна и другая сторона дела. Данная связь, безусловно, имеет исторический характер. Чем выше уровень материального производства, тем меньше социальные ритмы зависят от природы, тем в большей степени они самодостаточны. Конечно, эта связь будет существовать всегда. Так, ритм жизни зерна, как бы он ни модифицировался под социальным воздействием, всегда будет лежать в основе зерноводства. Однако, во-первых, возможности такого модифицирования весьма велики. А во-вторых, зерноводство вообще может быть заменено каким-нибудь способом получения соответствующих веществ. (Здесь не обсуждаются вопросы исторических границ или целесообразности такого преобразования—речь идет о принципиальной его возможности).

Социальная деятельность зависит от субстрата, но вместе с тем сама оказывает на него активное обратное воздействие, причем по мере ее развития это воздействие постоянно возрастает. Оно может проявляться двояко:

во-первых, в замене субстрата. Каждый материал как таковой имеет свой объективный предел возможностей использования (функционирования) в деятельности. Поэтому по мере развития социальной системы субстрат непрерывно обновляется. Так, камень сменяется бронзой, бронза — железом, металл — пластмассой и т. д.;

во-вторых, в том, что по мере своего развития деятельность пробуждает в предметах природы все новые возможности, в том числе не реализованные в природных процессах в силу отсутствия необходимых условий. В результате постоянно изменяется набор и количество химических элементов и физических тел, вовлеченных в социальный процесс, что является необходимой предпосылкой его собственного усложнения³⁸.

Таким образом, между субстанцией и субстратом имеется постоянное взаимодействие, и системное представле-

Широко известен классический анализ этого процесса, про-ммк^{ШЫЙ} в^И и-
Вернад^{еюш} (см. напр.: Вернадский В. Я. Проблемы биогеохимической лаборатории, т. XVI). 19^И₈П^ГЧ^{еохимии} (ТРУДЫ

ние общества предполагает его постоянный учет. Субстрат задает определенный спектр возможностей в развитии деятельности, а развитие деятельности изменяет субстрат — и тем создает новые возможности собственного саморазвития. И все же, несмотря на то, что субстрат формируется под влиянием социальной деятельности, в каждый данный момент она прямо зависит от субстрата. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно отмечают «приоритет» природы относительно человека.

Социальная система, как всякая система, тождественна себе. Поэтому она вступает в отношение к природе как к *иному*. Поскольку тождественность системы себе есть процесс и продукт ее (вос)производства, постольку устойчивое отношение к природе как к иному не может быть ничем, кроме как (вос)производством системы. Поскольку речь идет о материальной системе, поскольку и (вос)производство ее есть материальное (вис)производство. Сущность материального производства — ассимиляция неорганического и органического тела природы, освоение социальной деятельностью вещества и энергии.

Социальное движение постоянно ассимилирует, вбирает в себя огромное количество природных тел. Ассимиляция есть превращение иного в себя, освоение. Выше отмечалось, что социальная деятельность — это непрерывный процесс накопления. Труд и выступает как психодная форма этого накопления.

Система трудовой деятельности реально существует как единство производительных сил, включающее живую и опредмеченную компоненты. Изучению производительных сил в современной литературе уделяется значительное внимание. Вместе с тем, отмечает В. Г. Марахов, в исследовании понятия производительных сил в последнее время преобладал структурный подход. В философско-экономической литературе основное внимание уделяется рассмотрению состава производительных сил³³. При этом далеко не всегда анализ состава опирается на четкую фиксацию субстанционального единства производительных сил. На наш взгляд, до сих пор сохраняющиеся существенные расхождения в понимании производи-

³⁹ *Маратов В. Г.* Структура и развитие производительных сил социалистического общества. М., 1970, с. 9.

тельных сил в значительной мере объясняются именно этим. Думается, что эффективным средством системной трактовки производительных сил может стать понятие системы трудовой деятельности.

Труд есть процесс, сущность которого состоит в превращении предметов природы в предметы человеческих потребностей. Поэтому первая оппозиция, которая явным образом вычленяется в системе трудовой деятельности — это противоречие между субъектом труда и предметом, на преобразование которого направлен труд. Первый вопрос, который здесь возникает, — входит ли в состав системы предмет труда? Мнения расходятся. Одни исследователи считают, что в состав производительных сил входят два элемента — люди (работники) и средства труда, другие к этим двум элементам присоединяют третий — предмет труда⁴⁰.

По нашему мнению, понимание данной проблемы вытекает из следующих слов К. Маркса: «Все предметы, которые труду остается лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда. Например, рыба, которую ловят, отделяют от ее жизненной стихии — воды, дерево, которое рубят в девственном лесу, руда, которую извлекают из недр земли»⁴¹.

Предмет природы — потенциальный предмет труда, становится действительным предметом труда постольку, поскольку труд вырывает его из естественных связей. Рыба в сети, еще не преобразованная трудом, но уже отделенная «от ее жизненной стихии»; еще не обработанная, но уже извлеченная из недр земли руда; срубленное дерево — все это примеры скачка, качественного преобразования системных связей предмета. Здесь — начало этого процесса. Противоположности выступают еще как внешние друг для друга, но уже соотнесенные друг с другом. Предмет еще природен в себе, но уже социален в своих внешних связях. Дальнейшее его движение в системе трудовой деятельности все более опосредует его природность социальностью.

Первичный предмет труда выступает как непосредственная связь природы и общества. Социальная система соприкасается с природой через свои производительные

⁴⁰ См.: *Соснина Т. Н.* Предмет труда. Саратов, 1976.

⁴¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 189,

силы, и точкой соприкосновения, тем звеном, в котором непосредственно осуществляется эта связь, как раз и является (первичный) предмет труда. Как всякий посредник, как всякая граница разнокачественных систем, предмет труда может быть адекватно понят лишь на основе принципа единства противоположностей. Освоение предметов природы осуществляется непосредственно именно через предмет труда.

Однако живая трудовая деятельность не действует на предмет труда непосредственно. Между ними находится средство труда. Как писал К. Маркс, «средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет»⁴². Средства труда являются синтезом противоречия между субъектом и предметом труда, снятием его сторон. С одной стороны, в средствах труда существенны их природные характеристики: человек «пользуется механическими, химическими, физическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи»⁴³. С другой стороны, эти вещи сами суть носители предшествующей оп-редмеченной трудовой деятельности: «...Когда процесс труда достиг хотя бы некоторого развития, он нуждается уже в подвергшихся обработке средствах труда»⁴⁴. Человек воплощает в вещи свой труд, в результате чего она становится способна к выполнению социальных функций, выступает как свое иное человека: «данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего»⁴⁵.

Эту сторону дела хорошо выразил Г. Н. Волков: «Техника словно смотрится в два зеркала, а точнее, напротив: и природа, и человек отражаются в зеркале техники»⁴⁶. Благодаря наличию средств труда как *синтеза* противоположностей, собственно говоря, и существует противо-

⁴² Маркс Я., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 190.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Волков Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники. М., 1976, с. 61.

речие. Без средств труда активность человека и предметы природы существовали бы лишь как чуждые, внеполо-женные. Они не составляли бы системы, в которой предметы выступают как предметы труда. Эти две стороны могут быть положены друг в друга лишь благодаря участию средств труда.

Средство труда есть вещь, поэтому оно обладает социальной активностью лишь постольку, поскольку обладает снятыми субъектными характеристиками, являясь носителем опредмеченного труда. Однако здесь субъектные характеристики именно сняты, поэтому средство труда не является носителем действительной социальной активности вне и независимо от живого труда. Вещь может быть средством труда, проявлять свою социальную активность лишь в процессе живой трудовой деятельности. К. Маркс отмечал: «...Выступает ли известная потребительная стоимость в качестве сырого материала, средства труда или продукта, это всецело зависит от ее определенной функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нем, и с переменой этого места изменяются и ее определения»⁴⁸. Итак, природная вещь обладает природной, но не обладает социальной активностью. Субъект преобразует, ассимилирует, осваивает природную активность.

Вещь, ставшая социальной вещью в результате того, что воплотила в себе трудовую деятельность, обладает социальной активностью, но лишь потенциально. Обмен веществ между собой и природой, пишет К. Маркс, человек опосредует, регулирует и контролирует «своей собственной деятельностью»⁴⁸. Вещь неспособна к функционированию в социальной системе, к проявлению социальной активности без субъекта. Она существует как социальная вещь лишь в процессе живой деятельности, как ее внутреннее опосредование. «Например, платье становится действительно платьем лишь тогда, когда его носят; дом, в котором не живут, фактически не является действительным домом»⁴⁹. Вне живой деятельности вещь не является социальной. В этом случае она есть лишь природная вещь и подчиняется, соответственно, лишь

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 193—194.

Там же, с. 188.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 27.

естественным законам. «Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет»⁵⁰. Как видим, активная сила, по К. Марксу,— *живой* труд, который воскрешает вещи из мертвых, «ассимилирует их как свое тело»⁵¹.

Вместе с тем и без опредмеченной деятельности присвоение предметов природы невозможно. Именно опредмеченную деятельность помещает человек между собой и предметом труда как посредствующее звено.

На границе общества с природой живой деятельности непосредственно противостоит не предмет природы как таковой, а опредмеченная деятельность. Если не проводить последовательного различия между деятельностью живой и деятельностью вообще, может возникнуть недоумение: не сводится ли этот тезис к утверждению, что деятельность не может быть направлена на предмет природы. Разумеется, не сводится. Такая трактовка вела бы к противопоставлению общества и природы, к отрыву общества от природы, к субъективистскому пониманию общества как абсолютно самодостаточного мира социальной деятельности.

Деятельность как целое, конечно же, непрерывно осваивает природу: «присвоение данного природой для человеческих, потребностей» есть «вечное естественное условие человеческой жизни»⁵². Речь здесь идет лишь о том, что живая деятельность как составная часть этого целого не соприкасается с природой непосредственно. Посредником между природой и живой деятельностью является деятельность опредмеченная. Помещая ее между собой и предметом природы, воздействуя на нее, живая деятельность использует ее как «проводник» этого воздействия на предмет природы.

Итак, система трудовой деятельности — это диалектическое единство живого и опредмеченного труда. Средства труда, объективно необходимые для освоения богатств природы как искусственное продолжение естественных органов человека, являются носителями опредмеченного труда. Предметы труда включаются в систему лишь по-

⁵⁰ Маркс Я., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 194.

⁵¹ Там же.

и Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 195,

члп

стольку, поскольку ассимилируются трудом. Все эти элементы объединяет в целое живая трудовая деятельность.

Система трудовой деятельности опосредует взаимодействие природы и всего общества как целого. К. Маркс подчеркивал, что «средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»⁵³.

Охватывая трудом предметы природы, социальная система ассимилирует, преобразует их, создавая мир особых вещей — носителей социальной деятельности. Через циклы самовоспроизводства этот мир постоянно развивается: «окружающий... чувственный мир вовсе не есть некая непосредственно от века данная, всегда равная себе вещь»⁵¹. Наоборот, «он есть продукт промышленности и общественного состояния, притом в том смысле, что это — исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений, каждое из которых стояло на плечах предшествующего»⁵⁵.

Чувственный мир человека как родового (группового) существа создан его деятельностью. «Эта деятельность, этот непрерывный чувственный труд и созидание, это производство служит настолько глубокой основой всего чувственного мира, как он теперь существует, что если бы оно прекратилось хотя бы лишь на один год... очень скоро не стало бы и всего человеческого мира»⁵⁸. Преобразования настолько серьезны и глубоки, что «предшествующая человеческой истории природа... кроме разве отдельных австралийских коралловых островов новейшего происхождения, ныне нигде более не существует»⁵⁷.

*

Общество вступает в отношение прежде всего к иному, к природе, уподобляя это иное себе. Однако собственно социальное отношение есть отношение к себе как иному.

Процесс социальной деятельности как бы раздвоен, он обращен вовне и вовнутрь системы. Выше цитировалось

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Сон., т. 23, с. 191. ⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах..., с. 34 ⁶⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, с. 35.

⁵⁷ Там же.

211

классическое определение, согласно которому «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой». Но *это— прежде всего*. Эта внешняя необходимость выступает и как средство развития человеческих способностей, как источник возникновения новых способов деятельности и потому наконец превращается из всего лишь внешнего средства в самоцель, в самоценный способ существования человека, из внешней во внутреннюю необходимость (потребность). В труде люди вступают не только в отношение к природе, но и в отношение к себе. И чем дальше, тем больше труд становится отношением к себе, которое лишь опосредовано отношением к природе. В конечном счете освоение природы есть средство не просто существования, но саморазвития человека.

Изменение внешней природы и изменение человека — две стороны одного процесса. Отметив, что труд — это движение принадлежащих телу человека естественных сил, К. Маркс продолжает: «Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»⁵⁸. Общественное богатство есть богатство накопленной человеческой деятельности: «Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых. ..»⁵⁹.

Марксизм показал, что в различных общественных формах сущность труда проявляется по-разному, в связи с чем и обосновывается необходимость преодоления форм отчужденного труда. Но если выделить сущность этой деятельности, то следует констатировать, что она является способом саморазвития человека. Подобно тому как социальная деятельность выявляет скрытые потенции во внешней природе, она выявляет их и в собственной природе человека.

Если раньше речь шла о преобразовании внешних, природных вещей под влиянием деятельности, то здесь

«Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 188—189. ⁵⁹ Там же, т. 46, ч. I, с. 476.

имеется в виду уже принципиально иной процесс — преобразование самой деятельности под ее собственным воздействием. Изменение деятельности опосредовано через самое себя — это внутренний механизм развития системы. Ассимиляция внешнего мира есть вечное условие, но именно лишь условие ее жизни. Собственно социальная жизнь состоит в саморазвитии деятельности, т. е. таком ее развитии, где она сама и средство, и результат. Достигается это благодаря тому, что живая трудовая деятельность обращена *непосредственно* на природу, а *в конечном счете* на другого субъекта.

Иным для общества является природа. Первоначальное — на природной основе — накопление внутренних различий порождает и другой тип отношений: отношение *себе как к иному*. Живая трудовая деятельность дифференцируется в себе, она осуществляется *разными субъектами*, взаимодействующими между собой. Эффект саморазвития достигается благодаря тому, что живая деятельность раздвоена и представляет собой взаимодействие субъектов, осуществляющих обмен деятельностью. В производстве люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью»⁶⁰. В этом и состоит суть дела. Отношение к природе в своей сущности есть ассимиляция, уподобление, которое содержит в себе различие как свою постоянно снимаемую противоположность. Отношение к другому субъекту состоит в постоянном нарастании различий, индивидуализации процесса. Здесь, наоборот, за счет постоянного обмена деятельностью снимается тождественность сторон. Предпосылкой обмена является различие субъектов. В процессе обмена деятельностью различие становится достоянием другой стороны. Благодаря этому оно не исчезает, а снимается, т. е. сохраняется в преобразованном виде. Обмен не приводит к отождествлению, ибо *то же самое*, оказываясь на *другой* стороне взаимодействия, становится *иным*. Этот результат возникает благодаря той специфической пространственной конфигурации, которая присуща процессу труда как одной из систем социальной деятельности.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 441 (курсив наш.—В. Ф.).

Именно то обстоятельство, что живая трудовая деятельность дифференцирована в себе и осуществляется различными субъектами, составляет системную сущность труда. Имманентная активность, «спонтанное самодвижение» системы обусловлено взаимодействием субъектов, которые, таким образом, и являются действительными противоположностями системы трудовой деятельности. Все прочие поляризации составляют, в конечном счете, их внутреннее опосредование.

Перед нами система, которая вбирает (ассимилирует) природный материал как основу воспроизводства и развития, но свой движущий механизм содержит в себе. Действительное содержание ее истории — «обработка людей людьми», опосредованная процессом «обработки природы». Деятельность каждого субъекта непосредственно направлена на предметы труда, а опосредованно через них — на другого субъекта. Механизм, обеспечивающий такую направленность взаимодействия, состоит в том, что продукт трудовой деятельности субъекта является предметом не его собственной потребности, а потребности другого субъекта⁶¹. Благодаря этому возникает своеобразная диалектика целей в деятельности взаимодействующих субъектов и поэтому же субъект не совпадает непосредственно с процессом своей деятельности. Развитие системы трудовой деятельности — это, в итоге, взаимное развитие субъектов — ее носителей, находящее свое воплощение в уровне развития опредмеченного труда, который служит посредствующим звеном как в пространстве, так и во времени. Опредмеченный труд сохраняет, передает, опосредует воспроизводство уже полученных результатов и вместе с тем служит предпосылкой их преодоления, что является способом дальнейшего развития процесса. Исторически противоречивые, отчужденные формы процесса не должны заслонять его сущность, состоящую в саморазвитии деятельности.

Каждая из сторон взаимодействия лишь частично воплощает в себе «логику» системы, но в своем единстве они образуют тот механизм, который обеспечивает ее саморазвитие. Этот процесс наглядно демонстрирует проде-

¹³¹ Эту сторону дела анализирует К. Маркс при исследовании диалектика производства и потребления (см.: *Маркс К., Энгельс ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 24—36).

ланный К. Марксом анализ взаимоотношений труда и капитала. Капитал стремится прежде всего к самосохранению. Таков ближайший интерес любого субъекта. Труд также стремится к самосохранению: «труд является такой субстанцией, которая ставит себе целью только непосредственное потребление»⁶². Поэтому капитал и занимается производством прибавочной стоимости, что вынуждает рабочего трудиться сверх непосредственных потребностей. «То, что на стороне капитала выступает как прибавочная стоимость, как раз это самое па стороне рабочего выступает как прибавочный труд, как труд сверх его потребности как рабочего, т. е. сверх той его потреб^ности, от удовлетворения которой непосредственно зависит поддержание его жизнедеятельности))»⁶³.

Результирующая возникает как нечто третье, чего «никто не хотел». «Великая историческая сторона капитала заключается в *создании* этого *прибавочного труда*, излишнего с точки зрения одной лишь потребительной стоимости, с точки зрения простого поддержания существования рабочего, и историческое назначение капитала будет выполнено тогда, ... когда потребности будут развиты настолько, что сам прибавочный труд, труд за пределами абсолютно необходимого для жизни, станет всеобщей потребностью, проистекающей из самих индивидуальных потребностей людей»⁶⁴. Взаимодействие труда и капитала оказывается исторически-конкретным способом реализации всеобщей закономерности: «...В качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всестороння п в своем производстве и в своем потреблении и труд которой выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в своей непосредственной форме, ибо на место обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически»⁶³.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 281. Там же, с. 280. Там же, с. 280. Там же, с. 281.

Деятельность, которая опосредует взаимодействие системы с внешним миром,— а субстрат и есть та часть внешнего мира, которая непосредственно взаимодействует с социальной системой,— оказывается основной в отношении всех внутренних дифференциации деятельности. Это и попятно: если труд опосредует связь социальной системы с ее *основой*, то он и выступает как *основной* вид деятельности. Труд, по Марксу,— обуславливающий фактор всей сферы человеческой жизни. Такой подход позволяет зафиксировать в качестве основания для введения внутренних различий в системе деятельности степень опосредованное™ ее связи с субстратом. На этом основании можно строить систему различий, где все дальнейшие виды деятельности выступают как внутренние превращения, преобразования исходной, базисной деятельности.

Если в системе трудовой деятельности движение субстрата составляет специфику процесса, то во всех других видах практики эта система есть инвариант, относительно которого происходят дальнейшие преобразования. Все производные виды деятельности — и, что особенно важно, экономическая — развиваются в рамках того спектра возможностей, который задан уровнем развития системы труда.

Вместе с тем каждый производный процесс приобретает собственную самостоятельность. Обмен деятельностью и здесь оказывается источником саморазвития. Первоначально заданный набор возможностей — это лишь исходный пункт преобразований, происходящих в результате взаимодействия субъектов. В каждой из производных систем практики обмен деятельностью порождает тот же самый эффект: каждая данная величина, каждое исходное состояние деятельности, оказываясь на другой стороне взаимодействия, выступает как иное по отношению к себе. В результате такого растожествления, перехода в противоположность, своеобразной «смены знака» процесс деятельности непрерывно расширяется.

Обладая относительной самостоятельностью, производные системы деятельности оказывают обратное воздействие на развитие труда, причем оно может быть как ускоряющим, так и замедляющим. И тем не менее именно трудовая система деятельности — та объективная основа, которая определяет всю общественную жизнь.

§ 3. СИСТЕМА ДУХОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(на примере науки)

Духовные процессы играют все возрастающую роль в общественном развитии. Различным аспектам исследования духовной деятельности, духовного производства, духовной жизни общества уделяется значительное внимание⁶⁶. В данной работе проблема рассматривается лишь в одном аспекте: в соответствии с общим подходом обсуждаются теоретико-методологические вопросы исследования духовной деятельности на основе представления о системе социальной деятельности вообще. Системы духовной деятельности в этой точке зрения выступают как особый тип систем социальной деятельности, вторичных по отношению к системам практики.

Для воспроизводства и развития системы весьма существенно, насколько полностью реализуются объективные интересы субъектов, в особенности субъектов — носителей прогресса. Одним из важных средств их реализации оказывается дифференциация деятельности, приводящая к возникновению специализированных систем духовной деятельности.

Иногда под практической деятельностью понимают реальные поступки, а под духовной — мысли, идеальные образы. На наш взгляд, такое понимание неправильно. Идеальное как опосредование социальной формы движения материи само опосредовано материей. Идеальное вторично, производив и без материального носителя не существует. «На «духе» с самого начала лежит проклятие — быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание»⁶⁷. Категорией «духовное» идеаль-

⁶⁶ Демичев В. А. Общественное сознание и духовная деятельность. Автореф. докт. дис. Минск, 1977; Кронрод Я. А. Актуальные проблемы исследования экономического базиса. — Вопросы философии, 1979, № 12; Прыгунов В. Е. Духовное производство: проблемы специфики и развития. Автореф. канд. дис. Свердловск, 1979; Судаков В. Я. Духовное производство как категория исторического материализма. Автореф. канд. дис. М., 1979; Толстых В. Я. Духовное производство как проблема исторического материализма. — Вопросы философии, 1978, № 2; Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980.

⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 29.

ный процесс и фиксируется в его «отягощенности» материей, в его единстве с соответствующим носителем.

Различие практической и духовной деятельности состоит в том, что с точки зрения целого материальные компоненты функционально преобладают в практической деятельности (практике), поскольку ее целью является преобразование действительности, а в духовной деятельности, наоборот, функционально преобладают духовные компоненты, поскольку ее цель — отражение действительности.

Однако и в духовной деятельности имеются материальные компоненты, более того — и духовная деятельность изменяет действительность. Речь идет не о том изменении действительности, которое связано с применением результатов духовной деятельности в практике, например с применением естественнонаучных знаний в материальном производстве, а об изменении действительности непосредственно в ходе самой духовной деятельности, в процессе получения ее результата. Именно содержание цели, этого основного элемента всякой деятельности, и соответственно характер определяемого целью результата являются критерием отнесения той или иной деятельности к материальной или духовной, а не само по себе наличие в той или иной деятельности материальных или духовных компонентов, поскольку в любой деятельности имеются как те, так и другие.

Духовная деятельность, как и практика, обладает всеми системными характеристиками, в частности существует в двух взаимодополнительных модификациях — живой и опредмеченной. Определяющую роль в системе играет опредмеченная деятельность, которая вероятностным образом детерминирует последующую живую деятельность. Можно выделить два основных способа такой детерминации.

Подобно тому как обработанный камень в руке первобытного человека задавал определенный способ его использования, так и любая вещь, в которой воплощен человеческий труд, например резец или яблоко, необходимо задает определенный набор разных способов ее использования. Поскольку такие вещи являются носителями некоторой программы (программ) деятельности, опосредованы идеальным, можно утверждать, что они выпол-

няют знаковую функцию. При этом, однако, знаковая функция является для них вторичной. Так, для резца как средства материального производства первична его способность обрабатывать металл, а для яблока как средства воспроизводства человека существенна его способность удовлетворять потребность организма, например в железе. Таким образом, в действительности имеется материальный процесс, который опосредуется идеальным, так что идеальное представляет собой лишь способ сочленения элементов этого процесса, лишь характер структурирования, «модуляции» этого процесса.

В процессе развития системы ее опосредования имеют тенденцию приобретать все большую самостоятельность и в конечном счете становятся относительно независимыми. Развитие системы вообще состоит в развертывании тех опосредований, которые заложены в ее исходной клеточке. В соответствии с этим идеальное, возникнув как необходимое опосредование формирующегося процесса материального производства, затем обособляется, становясь относительно самостоятельной подсистемой социального организма. Это выразилось в возникновении систем, для которых знаковая функция была не вторичной, а первичной. Представляется целесообразным называть их специализированными знаковыми системами.

Таким образом, можно выделить два типа систем. В первичных, практических, собственным содержанием является движение материи, опосредованное движением знания. Во вторичных собственным содержанием процесса оказывается движение знания, а материальный носитель — лишь средством этого движения. Они и представляют собой системы духовной деятельности. Они возникают как надстройки над соответствующими практическими системами деятельности и хотя движутся в относительной независимости от своих базисных систем, все-таки в конечном счете выступают как их опосредование. По существу, это значит, что система практической деятельности превращается в систему с рефлексией.

Отличие духовной деятельности в том, что она опредмечивается в знаковых системах второго типа, т. е. в специализированных системах знания. С возникновением систем духовной деятельности происходит превращение. Для первичных (практических) систем деятельности знаковые функции вторичны — в том смысле, что являются

их внутренним опосредованием. Цель деятельности здесь — *преобразование* действительности. Для вторичных систем, т. е. систем духовной деятельности, знаковые функции первичны — в том смысле, что цель деятельности здесь *отражение* действительности.

Специализированные системы знания в конечном счете предназначены для регуляции практической деятельности. Их продуктом являются знания, которые транслируются в другие системы деятельности и используются там в качестве регулятивов. Вместе с тем системы духовной деятельности содержат в себе элементы, которые непосредственно внешних функций не выполняют, а служат средством развития самой системы. Чем сильнее развита, например, наука, чем сложнее ее внутренние опосредования, тем меньше удельный вес знания, находящего непосредственное применение в практике. В то же время в результате более глубокого проникновения науки в законы объективного мира, практическая эффективность применяемого знания возрастает в прямой зависимости от общего объема накопленного научного знания.

Для соотнесения сознания, функционирующего в системах практической и духовной деятельности, может быть использовано представление об уровнях. Тогда сознание, живущее в системе практики, выступает как практическое (массовое), а сознание в системе духовной деятельности выступает как специализированное.

Несмотря на тесную взаимосвязь, каждая из них развивается относительно независимо и обладает собственными специфическими закономерностями формирования и функционирования.

Специализированный уровень сознания есть духовная деятельность, осуществляемая как момент внутрисистемной дифференциации деятельности данного класса. Ее осуществляют представители класса, составляющие в его составе особую группу (слой), называемую интеллигенцией.

Специфика массового сознания состоит в том, что оно «непосредственно определяет действия и поступки больших масс людей»⁶⁸.

⁶⁸ Уледов А. К, Структура общественного сознания. М., 1968, с. 172.

Возможности распространения в массовом сознании теоретических, художественных и иных идей, возникающих на специализированном уровне, всегда имеют конкретно-исторический характер. Они более или менее адекватно усваиваются массой и используются в практической деятельности. Механизмы трансляции идей со специализированного уровня различны и также имеют конкретно-исторический характер: от церковных проповедей, оглашения манифестов и указов на площадях вплоть до современных средств массовой коммуникации, таких как радио и телевидение⁶⁹. Степень и формы воздействия массового сознания на развитие специализированного зависят от уровня развития общественных отношений, в составе которых субъект осуществляет свою деятельность.

Дадим краткую общую характеристику системы духовной деятельности на примере науки. Наука — чрезвычайно сложный и многоаспектный социальный феномен. Социальная природа науки исследуется весьма активно⁷⁰. В историческом материализме единого понимания науки до сих пор нет. «В работах по проблемам исторического материализма наука определяется и рассматривается как одна из производительных сил общества, как форма об-

⁶⁹ Подробнее о практическом познании см.: *Фофанов В. П.* О методе практического познания.— В кн.: *Методологические проблемы науки*, вып. 2. Новосибирск, 1974.

⁷⁰ См., напр.: *Волков Г. Н.* Социология науки. М., 1968; *Он же.* Истоки и горизонты прогресса. М., 1976; *Гайденок П. П.* Эволюция понятия науки. М., 1980; *Йорданов И.* Наука как логическая и общественная система. Киев, 1979; *Кедров Б. М.* Наука.— *Философская энциклопедия*. М., 1964; *Коммуникация* в современной науке. М., 1976; *Куп Т.* Структура научных революций. М., 1975; *Лей-ман И. И.* Наука как социальный институт. Л., 1971; *Майзель И. А.* Наука. Автоматизация. Общество. Л., 1972; *Merlon R.* Science and the Social Order. Philosophy of Science. Baltimore, 1938; *Мотрошилова Н. В.* Познание и общество. М., 1969; *Она же.* Наука и ученые в условиях современного капитализма. М., 1976; *Научное творчество*. М., 1969; *Наука о науке*. М., 1966; *Рачков П. А.* Науковедение. М., 1974; *Социально-психологические проблемы науки*. М., 1973; *Социология науки*. Ростов, 1968; *Старостин Б. А.* Параметры развития науки. М., 1980; *Storer N.* The Social System of Science. New York — Chicago — San Francisco — Toronto — London, 1966; *Ziman J. M.* Public Knowledge. An Essay Concerning the Social Dimensions of Science. Cambridge University Press, 1968; *Человек науки*. М., 1974; *Школы в науке*. М., 1977.

ществениого сознания, как социальный институт»⁷¹. Думается, что эти богатые по содержанию характеристики различных аспектов функционирования науки в составе социального организма, могут быть сведены к единому абстрактному основанию — пониманию науки как специфической системы социальной деятельности.

В свою очередь, эти определения науки могут быть выведены из данного единого основания. Здесь, однако, было бы нецелесообразным рассматривать эту сторону дела. Представление о науке используется нами только как материал для того, чтобы рассмотреть некоторые общие подходы к описанию систем духовной деятельности. Поэтому представляется правомерным отвлечься от ряда различий, существенных и неизбежных при специальном исследовании науки.

Задача системного представления науки сводится прежде всего к тому, чтобы раскрыть внутренние механизмы ее саморазвития, показав тем самым ее относительную самостоятельность. Кроме того, существуют внеучные социальные факторы, взаимодействие с которыми должно быть учтено, так как оно существенно для реализации внутренних механизмов развития науки.

Так, экономические факторы не могут непосредственно воздействовать на решение той или иной научной задачи. При наличии соответствующих экономических условий возможность или невозможность такого решения непосредственно зависит от предшествующего уровня науки как целого, а именно — от наличия или отсутствия логических средств решения этой задачи.

И тем не менее действие экономического фактора оказывается существенным с точки зрения развития науки, потому что оно может обеспечить решение всех промежуточных задач и создание таким путем логической возможности решения целевой задачи, т. е. фактически определить действительную историю науки. Безусловно, есть история и есть логика развития, причем исследование должно воспроизвести прежде всего логику процесса. В данном примере это значит, что в теории должен быть учтен не сам по себе тот или иной факт влияния экономики на развитие науки, но принципиальная возможность такого влияния, его пределы и механизмы.

⁷¹ *Мотрошилова Н. В.* Наука и ученые в условиях современного капитализма, с. 9.

Наука — сложный, многоаспектный феномен, специфика которого состоит в выработке особых, научных знаний. Иногда представляют дело так, что раскрытие сущности знания, законов его формирования и развития есть особая задача, которую решает отдельная паука (гносеология или науковедение), причем будто бы концептуальная схема, вырабатываемая данной наукой, существенно не зависит от общих теоретико-социологических представлений. При таком подходе невозможно раскрыть сущность научного познания как действительно социального процесса.

Казалось бы «самодостаточную» гносеологическую картину можно соотнести с социологическими представлениями путем введения в идеальную схему дополнительных факторов, например экономических, политических и так далее, которые модифицируют действие собственных законов познания. Тем не менее наука предстает как некоторая самостоятельная сущность, которая если и объясняется исторически, то лишь из самой себя, причем *социальность* внутренних механизмов остается вне поля теоретического видения.

Такая абстрактная гносеологическая схема переворачивает действительное отношение науки и всей системы социальной деятельности. В этом смысле она является типичной иллюзией непосредственно действующего, неререфлективного сознания, хотя в данном случае речь идет о сознании не практика, а теоретика, представителя гносеологии как одной из социальных пауков.

Не видя места науки в системе общественного разделения деятельности, и в частности в системе общественного разделения труда, изначально понимая науку не как элемент в системе общественного организма, а как нечто самодостаточное, такой гносеолог сталкивается с непреодолимыми трудностями в главном — в генетическом понимании того типа духовной деятельности, который он фиксирует в своей модели. Наука вырастает из не-науки, и этот процесс в конечном счете может быть понят только как результат исторического развития социальной Деятельности человечества. Следовательно, необходима такая теоретическая схема, в которой первоначально задается генетически первичная практическая и прежде всего — материально-производственная деятельность. Наука же как таковая не может быть задана изначально,

она должна быть выведена как некоторая функция в системе дифференцирующейся социальной деятельности.

Но задать систему практической социальной деятельности — это значит задать систему общественных отношений, т. е. опереться на представление о социальном организме, которое вводит исторический материализм. Это означает, что исходные понятия гносеологии могут быть сформулированы лишь на основе категориального аппарата теоретической социологии.

Такой подход дает возможность зафиксировать генетическое, а следовательно, и структурно-функциональное единство научной деятельности с другими видами социальной деятельности — прежде всего затем, чтобы развитие самой научной деятельности рассматривалось как некоторый вариант, — пусть весьма своеобразный, пусть весьма специфический, — но все же лишь вариант развития социальной деятельности вообще. При этом само своеобразие научной деятельности выводится из «простейших» по отношению к ней, исходных видов деятельности. В результате закономерности научной деятельности предстают как усложнение, развертывание внутренних опосредования этих исходных видов практической социальной деятельности. В этом смысле наука не только богаче, но и беднее практики, так как сама есть лишь ее относительно обособившийся момент.

Таким путем наука представляется как подсистема, единая по своим внутренним закономерностям со всей общественной системой. Только это позволяет попятить действительную диалектику взаимодействия научных и вненаучных социальных процессов. Вспорно, развитие науки непосредственно детерминируется ее внутренними противоречиями, так что внутренние законы ее развития лишь модифицируются действием внешних по отношению к науке социальных факторов. Однако суть дела в том, что сама научная деятельность — только определенная модификация системы социальной деятельности вообще. Соответственно внутренние закономерности науки суп, те же самые системные закономерности в некоторой их модификации.

Для того чтобы зафиксировать это на уровне исходного теоретического представления, научная деятельность должна быть введена как некоторое звено в генетической иерархии различных видов социальной деятельности и уже на этой основе представлена как некоторая относительно

независимая подсистема социального организма, вторично взаимодействующая с другими его подсистемами.

Как видим, в модели такого рода взаимоотношения науки и практики фиксируются дважды, т. е. имеет место диалектическое снятие. Сначала наука задается как некоторое инобытие практической деятельности, а потом рассматривается ее взаимодействие с различными сферами практики как наличными условиями развития науки. Обладая различной силой действия — например, политические факторы влияют на науку в целом сильнее моральных (при этом надо отметить, что сама мораль в классовом обществе имеет классовый характер и в этом смысле в конечном счете составляет инобытие политики),— они тем не менее в своем единстве образуют системную среду жизни науки, вне которой невозможен анализ ее функционирования и развития.

Это дает возможность рассматривать науку как относительно самостоятельную, развивающуюся по своим внутренним законам систему деятельности, существующую в органическом единстве с другими подсистемами социального организма, например с материальным производством, сферой политической деятельности и т. д.

Реализовать принцип генетического подхода можно двояко. Во-первых, прослеживая действительный генезис системы. Во-вторых, строя структурно-функциональную модель на основе генетических представлений. Тогда генезис в снятом виде содержится в самом структурно-функциональном срезе, чем обеспечивается наибольшая адекватность картины объекту.

Такой "подход дает возможность выработать системное представление также и о внутренней структуре науки. При переходе к этой стороне дела генезис снимается в абстрактно-общем представлении, фиксирующем изоморфизм различных подсистем. Если научная деятельность есть модификация социальной деятельности вообще и ей присущи не только специфические особенности, но и черты, общие для всех видов деятельности, то это значит прежде всего, что научная деятельность существует как система, строение которой изоморфно другим системам социальной деятельности. Соответственно задача состоит ⁸ том, чтобы использовать абстрактную модель системы социальной деятельности, модифицировав, усложнив ее применительно к данному конкретному случаю.

о В. п. Фофанов

Каждая система социальной деятельности характеризуется своей специфической субстанцией. Наука, на наш взгляд, есть система социальной деятельности, субстанцией которой составляет научное знание. Иначе говоря, система научной (научно-отражательной) деятельности представляет собой процесс циклического движения научного знания. Научное знание в этой системе переходит из состояния покоя в состояние развития (т. е. из состояния опредмеченной научной деятельности в состояние живой научной деятельности) и обратно.

Длительное время, говоря о науке, имели в виду лишь продукт живой научно-познавательной деятельности или, как его обычно называют, научное знание. За последний период наметился сдвиг в противоположную сторону — науку представляют прежде всего как (живую) научную деятельность. Имеются также и попытки соотносить представление науки в виде научного знания с представлением ее в виде научной деятельности. Однако в попытках такого рода до сих пор, как правило, отсутствует ясное понимание того, как должны быть заданы эти два представления науки, чтобы их можно было соотносить между собой.

Для того, чтобы осуществить синтез этих двух ипостасей науки, необходимо зафиксировать их внутреннее единство. И научное знание, и научная деятельность должны быть представлены как диалектические противоположности, т. е. как нечто единое и в то же время различное в себе. На наш взгляд, эта задача может быть решена только в том случае, если их представлять как систему социальной деятельности, субстанцией которой является научное знание. Тогда то, что обычно называют знанием, предстает как опредмеченная «покоящаяся» научная деятельность, а то, что называют научной деятельностью, — как движущееся, изменяющееся, развивающееся научное знание. Говорить, что наука — единство знания и научной деятельности, не совсем верно, ибо знание тоже научная деятельность (только опредмеченная), а живая научная деятельность тоже знание (только движущееся, развивающееся). Правильнее говорить, что наука — это единство живой и опредмеченной научной деятельности или, что то же самое, живого (движущегося) и опредмеченного (покоящегося) знания. Поскольку покой тоже момент движения, постольку перед нами фак-

тически две стороны одного непрерывно движущегося противоречия, одной непрерывно развивающейся системы.

Определяющую роль в этом единстве играет опредмеченная деятельность. Она представляет собой весь предшествующий уровень развития науки, как он запечатлен в специальных знаковых системах и субъектах — носителях научной деятельности. Важно подчеркнуть, что понятие живой научно-теоретической деятельности есть лишь абстракция, фиксирующая отнюдь не жизнедеятельность ученых как таковую, а процесс развития научного знания, который составляет сущность жизнедеятельности ученых. При такой интерпретации научная деятельность предстает как некоторый механизм перехода от исходного знания (и незнания) к новому знанию (и незнанию). Фактически понятие живой научной деятельности — лишь способ, чтобы задать определенное представление о структурах, имеющих в процессе развития научного знания, — именно такое, когда функциональные расчленения в научном знании осуществляются в соответствии с теми расчленениями, которые имеются в деятельности. В результате в составе научного знания выделяются, такие, например, элементы, как познавательная задача, предмет, метод.

Предшествующая опредмеченная научная деятельность выступает как наличное условие последующей живой научной деятельности и тем самым как фактор, непосредственно ее детерминирующий. И если в постановке задач научного исследования практика и предшествующее развитие науки оказываются скорее двумя взаимодополняющими факторами, то в обеспечении живой научной деятельности методами решения этих задач главным фактором оказывается предшествующая опредмеченная научная деятельность.

Вместе с тем движение вперед осуществляется лишь благодаря тому, что зафиксированный в знаковых системах наличный уровень научного познания «снимается» посредством живой научно-теоретической деятельности ученых. Эта деятельность также внутренне дифференцирована, она существует как взаимодействие субъектов, которое осуществляется в определенных конкретно-исторических условиях, представленных предшествующим Развитием науки (разумеется, в целом в качестве таких Условий выступает весь контекст духовной культуры,

8*

однако здесь речь идет лишь о внутреннем механизме развития науки).

Представляется уместным оговорить следующее. Когда фиксируют науку как систему знания, обычно стремятся подчеркнуть, что под этим понимается не только теория как некоторый результат, но и ере дет на получения данного результата. Это верно, но в такой характеристике есть оттенок, который может принести к неточностям. Такая характеристика правильна, но не совсем строга как *первое* описание системы. Исходное описание системы должно прежде всего задать ее единство, а дальнейшие различия — нменно дальнейшее: они вводятся па основе исходного единства. Исходное представление пауки как системы научно-отражательной деятельности, т. е. системы *развивающегося* знания, на наш взгляд, может задать такое единство, на основе которого могут быть введены дальнейшие различия.

Ведь фактически указание, что система развивается, есть указание на то, что она содержит свое опосредование в себе самой. Поскольку такое опосредование есть свое данной системы, то для системы знания оно будет знанием. Отсюда следует, что знание-результат в системе науки также н знание-средство. И наоборот, знание-средство является знанием-результатом. Иначе говоря, средства (методы) науки создаются как некоторый элемент ее структуры п снимаются этой структурой как целым.

Развитие науки при системном подходе предстает как взаимодействие субъектов — носителей научной деятельности. Специфику этого взаимодействия можно зафиксировать как диалог⁷². При этом под диалогом понимается определенный способ движения знания, его переход от тезиса к антитезису и синтезу с последующим возобной-лением цикла уже на высшей основе. Диалог может осуществляться между отдельными учеными, научными школами, а также в научной деятельности одного ученого — в зависимости от степени цельности позиции, степени охвата объекта. Причина этого в следующем: диалог в конечном счете не что иное, как способ воспроизведения в строении знания диалектического развития отображаемых наукой объектов действительности.

⁷² Ряд важный аспектов диалога рассмотрел в интересной книге В. С. Библера «Мышление как творчество» (М., 1975).

Диалогичность, внутренняя раздвоенность имманентна духовному процессу. Сегодня эта сторона дела все более отчетливо осознается в самых различных по своей предметной отнесенности исследованиях. Так, интересный материал дает семиотика, кибернетика, психология¹³. Значительный вклад в анализ диалогической структуры художественной деятельности внес М. М. Бахтин⁷¹. Особо следует отметить труды Л. С. Выготского⁷⁵. Обсуждается вопрос о соотношении диалогических структур с общими отношениями симметрии^{7В}. По нашему мнению, все это — весьма разнородные по уровню абстрактности попытки зафиксировать некоторые инварианты, являющиеся воплощением инвариантных характеристик социальной деятельности вообще, а также специфику их проявления в духовной деятельности. На наш взгляд, абстрактное представление о системе социальной деятельности, ориентированное на выделение структурных инвариантов, может сыграть в подобных исследованиях важную методологическую роль. Не пытаясь специально обсуждать эти проблемы в данном контексте, отметим лишь необходимость соблюдения предметного единства при использовании этой схемы.

В диалогическом представлении науки происходит отвлечение от конкретных особенностей эмпирических носителей научного знания. Выделяются лишь знания как таковые, т. е. идеальный образ в его единстве с соответствующим носителем. Эта исходная идеализация выступает как основа для введения представления о наличии определенных структур знания. Главный принцип структурирования — выделение *взаимобусловленных* знаний. Таким образом вычленяется собственная внутренняя противоречивость духовного процесса как его движущая сила. Вводя представление о различных типах знания (обыденное, научное, художественное и т. д.), можно строить типологию различных видов духовной деятельности. При

⁷³ Аналитический обзор литературы по проблеме см., напр.: *Иванов В. В.* Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.

⁷⁴ См., напр.: *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.

⁷⁵ См., напр.: *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. М., 1960.

⁷⁸ См., напр.: *Вейль Г.* Симметрия. М., 1968.

этом всякая специализированная духовная деятельность осуществляется как диалог субъектов, опосредованный объектом отражения и предшествующей опредмеченной деятельностью соответствующего вида. Так, в виде диалога может быть представлено художественное отражение действительности. Такое представление выступает как исходный пункт целого ряда производных различий. Научное познание как один из типов духовной деятельности дает немало примеров таких внутренних функциональных дифференциаций внутри единого познающего субъекта. Для иллюстрации назовем различие исследователя-теоретика и исследователя-экспериментатора, а также не столь широко принятое различие предметника и методолога.

Научное знание — лишь один из типов знания, имеющих в обществе. Важнейшей чертой науки как особого способа отражения объективной действительности является рефлексивность. С нею связана сама специфика научного познания. И именно рефлексивность научного познания в конечном счете воплощается в возникновении научной гносеологии и, в ее рамках, методологии научного познания.

В чем же значение рефлексивности как специфической особенности научного отображения? Как она связана с методологией? Сознательно разрабатывая метод решения той или иной проблемы и таким образом фиксируя путь, которым движется познание, исследователь фиксирует, пределы истинности полученного результата. Истина конкретна, следовательно каждое утверждение имеет строго определенные условия, при которых оно истинно.

Наука фиксирует не просто то или иное знание, но и способ его получения. Это имеет место, например в эксперименте, где фиксируются условия и все значимые процедуры исследования. Эта закономерность действует и в более сложных ситуациях, вплоть до самопознания науки на уровне гносеологии.

Фиксация не только результата, но и пути к нему ведущего, как раз и является фиксацией пределов истинности того или иного утверждения, поскольку истинность знания можно считать доказанной всегда лишь относительно строго определенных условий. Таким образом, благодаря собственной рефлексивности научное отражение получает критерий для оценки тех пределов, в кото-

рых знание можно рассматривать как истинное или как неистинное. Наука не свод абсолютных истин, однако подлинная наука хорошо осознает степень истинности, степень применимости своих знаний.

Рефлексивность фактически означает *системность* существования научных понятий, отраженность каждого в другом, а следовательно, взаимообусловленность, т. е. целостность. С этим связан и основной принцип организации научного знания — иерархичность, субординированность. 13 отличие например, от научного обыденное знание определяющим принципом организации имеет координированное[^], рядоположенность своих элементов.

Рефлексивность научного знания реализуется не только на уровне каждой отдельной науки, но и на уровне всего теоретического знания как целого. Здесь она проявляется во взаимоотношениях частных наук и философии, которая представляет собой рефлексию всех истинностных (т. е. дающих в результате истину) видов духовной деятельности, в том числе и научной.

Как всякие две диалектические противоположности, философия и специально-научное знание всегда были связаны между собой, однако первоначально развивались в относительной обособленности. Их соединение — основа синтеза современного научного знания. Оно означает превращение науки из непосредственно-содержательной в рефлексирующую, а рефлексирующей философии — в содержательную рефлексию. Синтез и достигается, поскольку рефлексирующее содержание и содержательная рефлексия составляют свое иное, т. е. единое целое. Расчлененность, разумеется, остается, но это уже другая, внутренняя для целого, расчлененность. В этом смысле представляется весьма удачной характеристика взаимоотношения философии и специальной науки, которую дает В. А. Лекторский: «Это отношение двух крайних полюсов и вместе с тем двух необходимых компонентов в системе единого теоретического знания, в системе науки в целом»⁷⁷.

Необходимо подчеркнуть, что это отношение полярности, отношение развитой противоположности предполагает взаимопроникновение сторон, т. е. появление у

⁷⁷ Лекторский В. А. Философия и научный метод. (К истории и теории постановки вопроса).— В кн.: Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972, с. 206.

философии конкретной содержательности, а у специального научного знания — рефлексивности. Никакой синтез без взаимопроникновения невозможен.

Непосредственная рефлексивность как определяющая черта философии и непосредственная содержательность как определяющая черта специальной науки потому и возникают, что философия и специальная наука, будучи противоположностями, на некотором этапе своего развития отчуждены друг от друга, движутся относительно обособленно. Но и эта обособленность задана их изначальным единством, она лишь способ, форма созревания противоположностей до возможности их синтеза. Синтез также не одномоментный акт, но сложный процесс, в результате которого противоположности перестают существовать как таковые, снимаясь через свое взаимопроникновение.

Таков один из важнейших внутренних механизмов развития науки, определяющий ее относительную независимость от практики. Наоборот, практическое сознание прямо зависит от практики.

Формулируя проблему в общем виде, можно утверждать, что практическое познание ситуативно. Ситуация, то есть место субъекта в системе соответствующего общественного отношения, задает субъекту объект познания, познавательную задачу, и метод познания. Теоретическое познание сознательно отвлекается от множества параметров тем, что сознательно выделяет в действительности эти, а не другие параметры. Теоретическому познанию важна ситуация не как таковая, а в ее всеобщности. Эту общность и всеобщность и вынуждено фиксировать теоретическое познание, решая свою познавательную задачу.

Практическое же сознание условий познания отнюдь не фиксирует. Познаваемая ситуация важна практическому сознанию как таковая, как конкретная ситуация, в которой осуществляется данный конкретный акт практической деятельности. Относительную значимость выделяемых им параметров, а именно — значимость их лишь с точки зрения данной познавательной задачи практик осознать не может. Все, что он делает, определяет не познавательная задача как таковая, а цель его практической деятельности. Поэтому и свое видение, свои знания он соотносит не с определенной познавательной задачей, а через цель непосредственно со своей практической си-

туацией. Выделяя определенный предмет познания, он не осознает этого и отождествляет предмет с объектом.

Заблуждение возникает в результате абсолютизации того или иного истинного утверждения, экстраполяции его за объективные границы его истинности, игнорирования условий, в которых это знание было получено. Но поскольку в практическом сознании эти условия принципиально не фиксируются, постольку оно объективно лишено критерия определения истинности знаний, которыми располагает. В этом смысле возникновение иллюзий становится неизбежностью. Речь идет, разумеется, о том сознании, которое формируется и функционирует в составе практической деятельности по воспроизводству наличных общественных отношений, когда новое возникает лишь стихийно, как побочный результат. Иллюзии такого сознания подчас фантастичны, причудливы и вместе с тем очень живучи. Дело усугубляется еще и тем, что сама практика как будто подтверждает истинность того отображения наличных общественных отношений, которым располагает субъект. Практик стихийно верит в практику как критерий истины. Но ведь иллюзорные знания действительно помогают субъекту реализовать его цель по воспроизводству наличных условий существования, следовательно, казалось бы, подтверждают себя на практике. Сам субъект не может понять, что его исторически ограниченная практика является и ограниченным критерием истинности.

Возможна, разумеется, и сознательная практическая деятельность по развитию, революционному преобразованию общественных отношений. Ее специфика, однако, состоит в том, что она осуществляется на основе научно-теоретических знаний, ставших достоянием массового сознания субъектов, объективно заинтересованных в таком развитии.

Развитое научное знание (т. е. знание последовательно рефлексивное), четко очерчивая свои границы, одновременно становится и знанием незнания: четко очерчивая границы познанного, оно тем самым очерчивает и границы непознанного. Это делает невозможным абсолютизацию знания, тенденция к чему всегда имеется в познании нерелексивном. Но абсолютизация знания есть превращение его из истины в иллюзию, ибо иллюзия —

не что иное, как абсолютизированная истина. Таким образом, благодаря рефлексивности наука оказывается способом познания, бесконечно устремленным к истине.

Итак, рефлексия — это внутренняя необходимость научного познания. Вместе с тем, она не самоцель, а лишь средство разработки наиболее правильного (т. е. адекватного объекту) пути или метода познания. Иными словами, проблема рефлексивности научного познания в конечном счете есть проблема сознательной разработки методов научного познания. Именно это и определяет необходимость наличия в системе научного знания особого раздела — знания методов. Как видим, методология именно тот элемент единой системы научного знания, с которым, собственно, и связана качественная специфика этой системы. Если возвратиться к исходной характеристике науки, то можно сказать, что специфика ее субстанции — научного знания — заключается в том, что это знание рефлексивное. С этой точки зрения, само возникновение и соответственно развитие науки неразрывно связано с возникновением и развитием теории и методологии научного познания. Поэтому развитие методологии, составляющей ядро теоретического самосознания науки, является необходимой предпосылкой развития научного знания как такового, т. е. знания рефлексивного, критически осознанного.

Таким образом, представление о субстанции системы научной деятельности вводится на основе исходного представления о знании вообще путем введения конкретизирующих определений. Практическое сознание, дающее исходный тип знания, а именно — знание обыденное, не-рефлексивное, в итоге переходит в свою противоположность. Это выражается в возникновении знания гораздо более сложного по своей структуре, чем исходная форма.

Специфика научного знания в том, что оно обладает *многоуровневой* структурой. Над исходным уровнем знания, непосредственно совпадающего с практической социальной деятельностью (по выражению классиков, «вплетенного» в практику), возникает знание относительно обособленное, имеющее своим опосредованием само себя, т.е. предшествующее знание, существующее в опредмеченном виде.

Каждый уровень рефлексии в структурном аспекте есть надстройка над исходным, причем количество таких

уровней может быть весьма велико. Исследование их формирования и «пределов роста» — специальная, чрезвычайно важная и интересная задача. Здесь уместно оговорить лишь то, что объективный предел имеется, иначе речь может идти о возникновении вырожденных социальных структур, подобных той, которая в художественной форме описана Г. Гессе⁷⁸.

Рефлексия, в том числе ее высшая форма — философия, в конечном счете служит практике и возвращается в практику. Признание этого — одно из краеугольных положений марксизма: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, по дело заключается в том, чтобы *изменить* его»⁷⁹. Иллюзия некоего абсолютного отрыва, независимости рефлексии, в том числе философской, от практики возникает, в частности, потому, что соотношение практической и теоретической деятельности всегда имеет конкретно-исторический характер и в период становления науки проходит фазу ее относительной обособленности от практики. Однако по мере формирования системы ситуация изменяется: ее продукт начинает включаться в системы практики и вытеснять регулятивы сформировавшиеся непосредственно в массовом сознании, на основе обыденного опыта.

Объективной мерой этого процесса является степень соответствия объективным интересам. Продукты духовной деятельности используются в случае, когда они являются эффективным средством реализации интереса и, наоборот, отвергаются, когда интересу не соответствуют. Поэтому каждый класс создает свои специализированные системы деятельности там и постольку, где и постольку интересы различных классов оказываются несовместимыми. Так возникает идеология как особый тип специализированной духовной деятельности, опосредующей реализацию классовых интересов.

В условиях все шире развертывающейся научно-технической революции стало общепризнанным прикладное значение естественных и технических наук, их активная роль и развитии материального производства. Однако современная эпоха испытывает все более масштабное и глубокое воздействие не только со стороны естественных и

⁷⁸ Гессе Г. Игра в бисер. М., 1969.

⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 3, с. 4.

технических, но и со стороны общественных наук. Именно научное обществознание раскрыло перспективу дальнейшего развития человечества и решает задачу обеспечения революционных сил современности адекватной историческим условиям программой борьбы за переустройство мира⁸⁰.

Общественные науки находят применение *не* только в глобальных масштабах развития человечества. Решение задач оптимизации трудовой, экономической, политической и других видов деятельности, самого разного рода практические рекомендации, даваемые такими науками, как политэкономия, социология, психология, педагогика, юриспруденция и т. д., — все это сфера прикладного обществознания.

В связи с этим представляется возможным и необходимым говорить не только о научно-технической, но и о научно-практической революции, понимая под нею качественное изменение соотношения науки и практики вообще, — когда научные знания становятся основным средством развития общественных отношений, вытесняя собой ранее господствовавшие в этой функции обыденные и иные знания. Этот процесс неразрывно связан с сущностью современной эпохи. Превращение науки в непосредственную производительную силу — чрезвычайно важное, но не единственное проявление этого процесса. Это звено научно-практической революции включает в себе революционное преобразование соотношения науки и практики в системе производительных сил как материального отношения общества к природе. Однако революционное преобразование соотношения науки и практики охватывает не только производительные силы, но и всю систему общественных отношений — и материальных, и надстроечных.

⁸⁰ См.: Вишняков А. С. Исторический материализм и политика КПСС. М., 1971; Волков Г. Я. Истоки и горизонты прогресса; Загладин В., Фролов И. Глобальные проблемы и будущее человечества. — Коммунист, 1979, № 7; Красин Ю. А., Лейбзон Б. М. Революционная теория и революционная политика. М., 1979; Трапезников С. П. Общественные науки — могучий идейный потенциал коммунизма. М., 1974; Федосеев П. Я. Марксизм в XX веке: Маркс, Энгельс, Ленин и современность. М., 1977.

§ 4. ОБЩЕСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ КАК СЛОЖНАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В предшествующих разделах на основе понимания жпвой и опредмеченной деятельности как сторон диалектического противоречия, находящихся в процессе непрерывного взаимопревращения друг в друга, было введено понятие «система социальной деятельности», рассмотрены наиболее общие черты строения системы социальной деятельности. Такой абстрактно-общий подход необходим, поскольку позволяет вычлениить изоморфизм различных подсистем социального организма. Однако сам по себе он еще недостаточен для конкретного понимания механизмов развития и функционирования социальной деятельности в рамках общественно-экономической формации.

Думается, дальнейшая конкретизация подхода требует соотнесения категории «система социальной деятельности» с категорией «общественное отношение». Это позволит развить представление о системе социальной деятельности, поскольку именно общественные отношения представляют собой основной тип систем социальной деятельности.

Единства мнений по вопросу о сущности, содержании и структуре общественных отношений в современной марксистской философской литературе еще нет⁸¹. Так, М. Н. Перфильев отмечает, что «общепринятого определения этого понятия все еще не выработано»⁸³.

Одно из наиболее интересных направлений в разработке общей концепции общественных отношений осно-

^{e1} Айзикович А. С. Некоторые вопросы теории общественных отношений,— Философские науки, 1979, № 6; *Вопросы диалектики развития социальных отношений*. Самарканд, 1978; *Актуальные проблемы общественных отношений*. М., 1978; Дудник М. Д. Общественные отношения как категория исторического материализма. Лнтореф. канд. дне. М., 1979; Мокронос Г. В. Методологические проблемы исследования общественных отношений. Свердловск, 1972; *Общественные отношения и сознание*. Свердловск, 1975; Орлова Л. В. Социальные отношения и их развитие в социалистическом обществе. Автореф. канд. дне. Л., 1971; Перфильев М. Н. Общественные отношения. Методологические и социологические проблемы. Л., 1974; Песенко В. П. Общественные связи и отношения. Ростов, 1978; Плетников Ю. К. Теория общественных отношений, сущность и актуальные проблемы.— Социологические исследования, 1978. № 2.

⁸² Перфильев М. Н. Общественные отношения, с. 103.

вано на соотнесении их с социальной деятельностью. Значение его, с нашей точки зрения, двойко. С одной стороны, социальная деятельность не может быть адекватно понятна без привлечения категории общественного отношения, с другой — общественное отношение также нельзя понять в его сущности без привлечения этой категории. Не ставя задачу — рассмотреть вопрос о природе общественных отношений в полном объеме, коснемся его лишь в тех аспектах, которые наиболее тесно связаны с развиваемым в данной книге подходом к системной трактовке деятельности.

Непосредственная связь категорий «социальная деятельность» и «общественные отношения» в марксистской литературе общепризнана, хотя подчас трактуется она весьма по-разному. Преобладает прямо восходящая к соответствующим высказываниям классиков марксизма-ленинизма точка зрения, что общественные отношения являются «результатом и вместе с тем *формой* человеческой деятельности»⁸³. Эту формулу нередко трактуют в том смысле, что общественные отношения суть сторона деятельности: «производственные отношения,— пишет Г. К. Рожко,— сторона экономической деятельности»⁸⁴. Вряд ли можно согласиться с подобными высказываниями. Однако само их появление, на наш взгляд, свидетельствует о том, что достаточная ясность в понимании диалектической связи социальной деятельности и общественных отношений в настоящее время еще не достигнута. Тезис классиков: «общественные отношения есть результат и форма деятельности людей», воспринятый современными философами-марксистами, весьма богат содержанием и уже в силу этого нуждается в специальном анализе. Попытаемся рассмотреть проблему, опираясь на принцип единства содержания и формы, согласно которому содержание оформлено, а форма содержательна.

Категории «форма» и «содержание» соотносительны. «Содержание в диалектическом материализме выступает как единство состава (элементов) и их системы взаимно-

⁸³ Айзикович А. С. Некоторые вопросы теории общественных отношений, с. 32.

⁸⁴ Рожко Г. К., Философско-социологическое понятие человеческой деятельности.— В кн.: Методологические проблемы исторического материализма. Барнаул, 1976, с. 158.

отношений, взаимосвязей (структуры). Только при таком определении философской сущности категории «содержание» правомерно было говорить в рамках диалектического материализма об определяющей роли содержания по отношению к форме в их единстве»⁸⁵. Внутренняя форма, будучи структурой данной системы, выступает как относительно обособленный момент ее содержания.

Казалось бы, из такого понимания взаимосвязи формы и содержания прямо следует, что общественное отношение есть «сторона» {момент} деятельности. Действительно, если общественное отношение — форма деятельности, а форма — момент (сторона) содержания, то общественное отношение и оказывается «стороной» деятельности. Такой вывод из тезиса В. И. Ленина делается достаточно часто. Однако возникает вопрос: в каком смысле здесь понимается деятельность?

С позиций наивного реализма такой вопрос возникать не должен: ведь и общественные отношения и социальная деятельность существуют объективно, так что общественное отношение и является формой этой объективно существующей деятельности. В самом деле, речь идет об объективно существующей деятельности, но она каждый раз фиксируется в том или ином определенном *понятии*. А поскольку речь идет о понятии, постольку и возникает необходимость уточнить, на каком уровне абстрактности (конкретности) оно отображает свой объект, а именно — реально существующую деятельность. Если не учитывать, что действительность отображается в понятиях, причем отображается всегда лишь более или менее адекватно» более или менее абстрактно (конкретно), то возникает онтологизация, т. е. непосредственное отождествление с действительностью, одного из понятий, отображающих деятельность, а его содержание остается неотрефлексируемым. Это, в свою очередь, оказывается дополнительным источником путаницы.

Во избежание недоразумений проанализируем, в каком смысле понимается деятельность, когда общественные отношения трактуют как ее момент (сторону).

Логично предположить прежде всего, что деятельность здесь понимается как содержание. Чтобы из тезиса «общественное отношение есть форма деятельности» сделать

⁸⁵ *Азудов В. В.* Категории «форма» и «структура». М., 1970, с. 32.

вывод «общественное отношение есть сторона (момент) деятельности», надо понимать деятельность как содержание, ибо форма является моментом именно *содержания*. Но если деятельность понимается как содержание, т. е. единство элементов и структуры, то данная теоретическая конструкция оказывается неполной, она нуждается в развертывании.

Необходимо, во-первых, ввести некоторую совокупность понятий для фиксации элементов. Содержание — это все, входящее в объект (систему), взятое во внутренней расчлененности. Поэтому нельзя представить *содержание* системы, не вводя понятий, фиксирующих расчлененность целого. Для этого надо выделить не только форму, но и элементы, ею объединяемые. Во-вторых, чтобы это можно было сделать, надо ввести понятие, фиксирующее субстанциональное единство системы. Казалось бы, понятие содержания тоже фиксирует единство. Однако оно фиксирует единство элементов и формы, т. е. единство системы в ее *внутренней расчлененности*. Понятие субстанции, наоборот, фиксирует систему в ее внутренней *не различенности*. В частности, в понятии субстанции содержится лишь возможность различения формы и содержания, на как таковое это различие еще не вводится. Соответственно понимание деятельности как субстанции чересчур абстрактно, чтобы зафиксировать диалектику содержания и формы в социальном процессе,

В результате выявляется по меньшей мере недостаточность позиции. Если «деятельность» обозначает здесь содержание, остается не обозначенной субстанция, которая также должна быть терминологически зафиксирована. Если же под «деятельностью» понимается субстанция, этим же термином нельзя обозначать содержание и, следовательно, нельзя рассматривать общественное отношение (форму) как момент (сторону) деятельности.

На наш взгляд, трудности преодолеваются, если ввести следующее представление. Понятие «социальная деятельность вообще» фиксирует социальный процесс в его неразличности, в абстрактном равенстве себе. Однако реально социальный процесс существует как сложное, многообразное в себе целое. Понятие «общественное отношение» и фиксирует социальный процесс в его различности, содержательности, а потому и *оформленности*. Общественное отношение — это реально существующая

система деятельности в ее конкретном виде. Его субстанция — социальная деятельность. Однако понятие общественного отношения представляет собой конкретизацию, развертывание исходного субстанционального определения деятельности. Это та же деятельность, по взятая в своей различечности, как *содержание* общественного процесса.

Общественное отношение по есть только *оформлен-ность деятельности, а деятельность в ее оформленности*. Это не форма без содержания. Это — форма как момент содержания. На уровне категории «общественное отношение» деятельность предстает уже не как субстанция, а именно как содержание, т. е. во внутренней различечностиTM. Здесь нет деятельности вообще, а есть различные конкретные модификации деятельности. Здесь имеется деятельность живая и опредмеченная, живая деятельность выступает как взаимодействие субъектов и т. д. Соответственно общественное отношение — не форма деятельности вообще, а форма, связывающая воедино различные конкретные элементы системы. Так, оно представляет собой форму деятельности (взаимодействия) субъектов, форму (способ) взаимодействия субъектов и условий и т. д.

Итак, общественное отношение — это деятельность *как содержание*, т. е. деятельность, взятая в ее внутренней различечности. Поэтому общественное отношение также есть деятельность как форма, т. е. как момент содержания. Общественное отношение не только форма, но и результат деятельности. По нашему мнению, в этой формулировке содержится прямое указание на системность общественного отношения. Если процесс является собственным результатом, то перед нами саморазвивающийся объект, *система*.

Общественное отношение есть относительно обособленная сложная система социальной деятельности того или иного вида, например трудовой, политической, экономической и т. д. Возможна и необходима выработка понятия «общественное отношение вообще». Однако в реальной действительности всегда существуют общественные отношения того или иного определенного вида. Понимание их как систем социальной деятельности позволяет^B в самых разных общественных отношениях увидеть ряд существенных инвариантных характеристик.

В. П. Фофанов

Для характеристики структуры общественного отношения может быть использовано представление об изо-морфе социальной системы. С этой точки зрения общественное отношение в абстрактном представлении есть диалектическое единство внутренне дифференцированной живой и опредмеченной деятельности определенного вида. Если несколько развернуть, общественное отношение есть тот или иной вид взаимной деятельности субъектов, осуществляемой в определенных конкретно-исторических условиях, которыми является предшествующая опредмеченная деятельность того же вида. Реально существующая и воспроизводящаяся система общественного отношения является некоторым диалектическим противоречием, стороны которого составляют внутренне раздвоенные живая и опредмеченная социальная деятельность — при определяющей роли последней. Живая деятельность определяется опредмеченной деятельностью и сама опредмечивается, выступая условием и определяющим фактором последующей живой деятельности в последующих повторениях цикла.

Думается, что применение диалектно-материалистических принципов системности позволяет более отчетливо зафиксировать структуру общественного отношения, выявив составляющие его элементы и характер их взаимосвязи.

Для раскрытия единства общественных отношений важно изначально представить их как сложные внутренне дифференцированные образования, обладающие одной и той же субстанциональной определенностью. Всеобщая субстанция в системе каждого общественного отношения выступает в некоторой модификации. Иначе говоря, каждому виду отношений присущ свой специфический вид деятельности. Так, субстанцию экономических отношений составляет экономическая деятельность, субстанцию политических отношений — политическая деятельность и т. д. Все внутренние различия вводятся в рамках исходного единства. Так, в системе политического отношения субъекты выступают как посетители живой политической деятельности, а государство — как устойчивая опредмеченная форма их взаимодействия, сущность которого сводится к подавлению одного класса другим.

Любое общественное отношение обладает характеристиками, присущими системам социальной деятельности

вообще. Так, оно включает в себя двух субъектов, взаимодействующих между собой, условия этого взаимодействия и т. д. Вместе с тем изоморфизм, зафиксированный в абстрактной системе социальной деятельности,— это только схема, которая «наполнена» в каждом конкретном случае неизмеримо более богатым содержанием. Конечно, не следует эти слова понимать в том смысле, будто форма существует независимо и лишь наполняется содержанием, как некое вместилище. Эта схема отвлечена, абстрагирована от реальных объектов, в которых, в соответствии со спецификой их содержания, она существует каждый раз в той или иной специфической модификации. Речь идет о том, что генетическое единство различных подсистем социального организма ведет к воспроизведению в каждой из них некоторых инвариантов структуры, присущих социальной *форме* движения материи в целом.

Эта имманентная социальному процессу структурированность — важная его абстрактно-общая характеристика. Вместе с тем в реальном историческом процессе она выступает каждый раз в конкретном виде. Чем менее развито общественное отношение, тем оно ближе к абстрактной схеме, фиксирующей абстрактное состояние социальной системы. Чем более развито общественное отношение, тем более опосредованы взаимосвязи исходных составляющих. В этом смысле абстрактная система социальной деятельности, когда ей придана та или иная субстанциональная определенность, может быть названа абстрактным (неразвитым) общественным отношением, а зрелое общественное отношение, наоборот — сложной (развитой) системой социальной деятельности.

Важной инвариантной характеристикой любого общественного отношения является представление о наличии и взаимодействии двух субъектов — его носителей. Как отмечает Ф. Энгельс, «уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*»⁹⁶.

Взаимодействие субъектов нельзя понять в отрыве от *условий* взаимодействия. К. Маркс связывал неспособность Л. Фейербаха теоретически адекватно зафиксировать «реально существующих деятельных людей» с тем, что Фейербах рассматривал людей «не в их данной об-

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 13, в. 417—498.

9*

243

ществонной связи, не в окружающих их условиях жизни, делающих их тем, чем они в действительности являются»⁸⁷. Следовательно, люди как носители деятельности могут быть правильно поняты лишь в их единстве с конкретно-историческими условиями. Субъекты зависят от условий, делающих их тем, чем они и действительности являются, т. е. «деятельными людьми».

Второй важный факт есть следующее. Условия, обстоятельства социальной деятельности связаны с «деятельными людьми» двояко: «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства». Таким образом, деятельность субъектов опосредована диалектическими взаимопереходами с условиями деятельности, существует в развивающемся единстве с ними,— и это важное взаимодействие также нуждается в теоретическом закреплении.

Как видим, общественное отношение обладает сложной структурой, оно включает в себя различные взаимодействия: с одной стороны, взаимодействие субъектов между собой, с другой — взаимодействие субъектов с условиями (в том числе вещными условиями) их деятельности. Поэтому важную роль в раскрытии механизмов социального детерминизма играют понятия потребностей и интересов. Так, объективный интерес субъекта — это категория для фиксации детерминированности деятельности субъекта его местом в системе определенного отношения. Деятельность субъекта всегда качественно определенная деятельность, т. е. деятельность определенного вида. Соответственно и осуществляется она в системе общественного отношения того же вида. Поэтому и интерес субъекта — всегда качественно определенный интерес, т. е. интерес его деятельности в системе общественного отношения определенного вида.

По отношению к процессу развития общественных отношений интересы могут быть разделены на ближайшие (непосредственные) и основные (коренные). Ближайшие интересы — интересы по воспроизводству условий деятельности субъекта, являющихся необходимой предпосылкой воспроизводства его существования как такового, ибо именно условия делают субъекта тем, что он есть. По скольку в качестве таких условий выступает система со-

⁸⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 44.

ответствующего общественного отношения, постольку ближайшие интересы являются интересами по воспроизводству наличных отношений. Они осознаются на уровне массового сознания.

Коренные интересы, как интересы по развитию общественных отношений, в том числе для прогрессивных классов — по их качественному преобразованию, осознаются на уровне специализированного сознания, идеологии. Однако цели и программы по реализации коренных интересов, разрабатываемые на уровне идеологии, не могут быть осуществлены в практике до тех пор, пока они не перейдут в содержание массового сознания. Овладев же массой, «идеи становятся материальной силой».

Для понимания механизмов функционирования и развития общественных отношений важно учесть предметный характер социальной деятельности. Уже в ранних произведениях К. Маркс отмечал, что «предметное существо действует предметным образом, и оно не действовало бы предметным образом, если бы предметное не заключалось в его существенном определении»⁸⁸. Субъект в процессе деятельности создает «предметный продукт», и это «только подтверждает его *предметную* деятельность, его деятельность как деятельность предметного природного существа»⁸⁹.

К. Маркс видит недостаток Л. Фейербаха в том, что «самое человеческую деятельность он берет не как *предметную* деятельность»^{1*0}. Вместе с тем важнейшая заслуга Маркса состоит в преодолении натуралистического понимания практики. Предметность — характеристика именно *деятельности*. Речь идет у Маркса не о вещах, предметах как таковых, а именно о деятельности: живой предметной (т. е. обращенной на предмет, состоящей в преобразовании предмета) деятельности субъекта и о его опредмеченной (т. е. воплощенной в предмете, ставшем продуктом) деятельности. Именно поэтому общественные отношения лишены чувственно-конкретной наглядности. Вещи природы вовлекаются посредством труда в систему социальной деятельности, преобразуются, приспособля-

⁸⁸ Маркс [Ф. Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с 630.

⁸⁹ Там же, с. 630-631.

⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с 1.

вагоются к ее пунктам, выступают в качестве субстрата для существования и развития особой субстанции, а именно субстанции социальной деятельности. Предметность здесь важна не в ее природной, а в ее социальной сущности. Поэтому Маркс писал, например, об экономических формах деятельности: «...При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»⁹¹.

Категории живой и опредмеченной деятельности и соответственно диалектика опредмечивания и распредмечивания широко используются в современной марксистской литературе. Однако, думается, их эвристические возможности не раскрыты до конца. Это объясняется, на наш взгляд, в частности, тем, что до сих пор остается неурочным вопросом об их месте в категориальном аппарате диалектического и исторического материализма. Соотношение их с категориями субъекта и объекта не вызывает сомнений. Однако неясно, каким образом синтезируется этот категориальный ряд, в каком целом существуют эти различные моменты и, следовательно, каким образом они могут быть представлены в виде системы. Необходимо синтезировать эти абстрактные определения деятельности так, чтобы в результате возникало представление об органическом, т. е. способном к саморазвитию целом.

В свое время была предпринята попытка соотнести живую и опредмеченную деятельность через принцип «деятельностной сущности человека»⁹². Она, несомненно, сыграла положительную роль в актуализации данных категорий, в привлечении внимания исследователей к необходимости их более активного использования и разработки. Однако, думается, что прозвучавшие по этому поводу в печати упреки в чрезмерной абстрактности, не лишены оснований⁹³. Абстрактное представление диалек-

⁹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 6.

⁹² См.: Ватищев Г. С. Общественно-историческая, деятельная сущность человека.— Вопросы философии, 1967, № 3; Он же. Деятельностная сущность человека как философский принцип.— В кн.: Проблема человека в современной философии. М., 1969.

⁹³ См.: Александров А. Д. Еще раз о деятельностной сущности человека.— Вопросы философии, 1968, № 7; Архангельский Л. М., Любутин К. П., Чупин Я. Я. Замысел к его воплощению. («Проблема человека в современной философии»).— Философские науки, 1970, № 6.

тики опредмечивания и распредмечивания деятельности приемлемо лишь как преходящий момент на пути к конкретному их пониманию⁹⁴. На наш взгляд, достаточ но конкретна для этого трактовка диалектики опредмечивания-распредмечивания на основе понятия общественного отношения. Только в рамках представления об общественном отношении опредмечивание и распредмечивание могут быть представлены как взаимодополнительные моменты действительного органического целого, как взаимопереходы диалектических противоположностей.

Эти два взаимосвязанных процесса обычно рассматривают с точки зрения диалектики субъекта и *объекта*, причем объект понимается как вещь, предмет, в котором субъект воплощает свою деятельность. На наш взгляд, при таком подходе система выделена не полно. Поскольку деятельность субъекта всегда лишь момент его взаимодействия с другим субъектом, постольку и диалектику опредмечивания-распредмечивания надо рассматривать именно в этой системе.

Что влечет за собой переход от системы «субъект-объект (вещь)» к системе «субъект-субъект» для понимания опредмечивания и распредмечивания? При таком подходе опредмечивание и распредмечивание — это не столько моменты взаимодействия субъекта и объекта-вещи сколько моменты взаимодействия субъектов, опосредованного вещами.

Поскольку это так, представляется целесообразным различать овеществление как воплощение живой деятельности в вещь и опредмечивание — как воплощение деятельности одного субъекта в другого. Опредмечивание оказывается опосредовано овеществлением.

Наличие посредника в виде вещи — носителя деятельности приводит к тому, что опредмечивание и рас-

⁹⁴ Не вдаваясь в содержательный анализ позиции Г. С. Бати-Щева, отметим справедливости ради, что он оценивал полученные результаты следующим образом: «Все излагаемое в данной работе не должно восприниматься как положительная картина (культурно-историческая и т. п.) или как нечто предопределяющее конкретный характер подобной картины. Напротив, здесь речь идет о проблемах такого уровня, на котором их решение могло бы лишь предоставить в распоряжение дальнейших, выходящих за пределы философии научных исследований *мировоззренческо-методологичес-^КУ'0 культуру мышления*» (Батищев Г. С. Деятельностная сущность..., с. 74).

предмечивание, как всякие подлинные противоположности, совпадают. Их тождественность выражается в том, что деятельность одного субъекта только тогда достигает другого субъекта, т. е. опредмечивается в нем, когда она активно им распредмечивается. Без этой взаимной активности взаимодействие не возникает. Тезис почти тавтологичен: он сводится к повторению того, что взаимодействие субъектов есть их взаимная деятельность. Кажущаяся тавтологичность возникает как результат констатации тождественности различных сторон.

Процесс овеществления выступает как предпосылка развития системы, поскольку освоение другим субъектом овеществленной деятельности изменяет его, а в конечном счете и систему в целом.

Овеществление тесно связано и с механизмом социального наследования. Важная черта социальности рассматриваемой системы — социальная природа механизма наследования, выражающаяся в том, что он существует между субъектами как посредствующее звено их взаимодействия. Безусловно, этот механизм положен субъектами и для субъектов. Но он работает именно потому, что непосредственно отделен от них. Возникая как связка в пространстве, этот механизм выступает и как связка во времени. Сначала овеществленная деятельность опосредует взаимодействие наличных субъектов, а затем начинает опосредовать взаимодействие различных поколений субъектов. В результате работает механизм воспроизводства системы, у нее появляется история, без чего она не была бы системой в собственном смысле слова.

Общественное отношение не есть *абстрактная* система деятельности. Развитое отношение — гораздо более сложное образование. Эта внутренняя сложность выражается, в частности, в дифференциации специфической для данного вида общественных отношений социальной деятельности на две подсистемы — практическую и духовную. Каждое зрелое общественное отношение за счет этого как бы удвоено. Духовная деятельность представляет собой рефлексию по поводу соответствующей (под)системы практической деятельности. Так, в системе экономических отношений над экономической практикой возникает специализированная духовная экономическая деятельность, а, например, в системе политических отношений можно

выделить сферы практической и духовной (идеологической) политической деятельности.

Практическая политическая деятельность осуществляется массой класса, специализированная духовная политическая деятельность — особым слоем, идеологами класса. Первая состоит в практической борьбе за захват, удержание и использование власти, вторая — в идейном обеспечении этой борьбы. Фактически речь идет о внутреннем разделении, дифференциации единой деятельности субъекта, в данном примере — класса, когда идеологическая политическая деятельность выступает как относительно обособившийся, но в целом функционально подчиненный момент практической политической деятельности. Деятельность опредмечивается как на уровне практическом, так и на уровне идеологическом. В результате общественное отношение как бы раздваивается в себе: возникают две сферы, каждая из которых обладает строением, присущим общественному отношению как целому. Известно, что раздвоение единого есть одна из важнейших закономерностей диалектического развития, поэтому описанный механизм имеет общее значение.

Возникновение общественных отношений связано с возникновением сознания как их необходимого момента. Каждое общественное отношение воспроизводится и развивается благодаря тому, что взаимосвязь его элементов опосредована созданием. Общественное сознание предстает как совокупность элементов, каждый из которых необходимо связан с определенным видом социальной деятельности. Функция такого элемента состоит прежде всего в отображении условий соответствующего вида деятельности. Однако, как отмечено выше, условием каждого вида практической деятельности субъектов является соответствующее общественное отношение. Вторая функция этого элемента общественного сознания — регуляция деятельности субъекта. Однако сама эта деятельность есть не что иное, как момент того же общественного отношения, момент того живого взаимодействия субъектов, через которое воспроизводится и развивается общественное отношение. Содержание сознания, непосредственно полагая содержание живой деятельности, через ее посредство влияет и на характер взаимодействия субъектов. Безусловно, направленность деятельности каждого из субъектов снимается целостным взаимодействием, своеобразным

«параллелограммом сил», но в снятом виде, содержится в нем. Иначе говоря, хотя цель и программа любого из взаимодействующих субъектов, как правило, не реализуется полностью, они тем не менее существенно влияют на характер реально складывающегося общественного отношения. Однако само это содержание сознания субъекта порождено наличными условиями — в конечном счете оно⁹⁵ является отображением соответствующего общественного отношения как условия их деятельности.

Таким образом, элемент общественного сознания, выделенный по принципу связи с определенным видом практической социальной деятельности, необходимо связан с соответствующим общественным отношением как в своей отображательной, так и в регулятивной подфункции. Функционируя в составе определенного вида социальной деятельности, этот элемент общественного сознания как бы «вплетается» в соответствующее общественное отношение. Поскольку сознание субъекта является моментом его деятельности, а деятельность — моментом соответствующего общественного отношения, постольку и сознание, функционирующее в составе данной деятельности, тоже момент соответствующего общественного отношения. Точно так же сознание, существующее в *ои-редмечеппой* форме, оказывается включенным в систему общественного отношения. Оно связано с сознанием субъекта непрерывными взаимопереходами, представляющими собой внутренний механизм развития сознания.

В результате возникает относительно обособленная система. Обладая относительной самостоятельностью, она включена в более широкое целое — систему общественного отношения, и детерминируется системной средой. Такого рода относительно обособленный элемент общественного сознания, находящийся в структурно-функциональном единстве с соответствующим видом общественных отношений, мы понимаем как вид (форму) общественного сознания⁹⁵. Так, в состав экономических отношений входит экономическая форма общественного сознания, в состав трудовых отношений — форма общественного сознания, которую мы, за неимением лучшего термина, обозначаем как производственно-трудовую, в

⁹⁵ Подробнее см.: *Фофанов В. П.* Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск, 1979, с. 73—77.

состав политических отношений — политическая форма сознания, в состав правовых отношений — правовая, в состав эстетических отношений — эстетическая и т. д.

Деятельность всегда осуществляется субъектами в исторически сложившейся общественной форме, в форме соответствующего общественного отношения. Соответственно и сознание, как момент их деятельности, также реализуется в определенных исторических формах. Связь практики и структуры, логики сознания в афористической форме выразил В. И. Ленин: «Практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом»⁹⁸.

Характер логических форм определяется исторической формой практики. Это общая закономерность действует в рамках каждой общественно-экономической формации, находя свое специфическое воплощение в каждом виде присущих ей общественных отношений. Так, применительно к категориям буржуазной экономики К. Маркс писал: «Это — общественно значимые, следовательно объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства — товарного производства»⁹⁷. На наш взгляд, понятие «объективные мыслительные формы» можно придать более широкое значение. Очевидно, можно говорить об объективных мыслительных формах применительно к другим видам общественных отношений, а также применительно к другим историческим этапам развития. По существу, каждый исторический тип общественных отношений имеет свои, специфические для него, объективные мыслительные формы. Объективными являются, например, мифологическая, религиозная, научная мыслительные формы, в связи с чем и приобретает столь важное значение анализ их обусловленности системой соответствующих общественных отношений.

Субъекты — носители общественного отношения находятся в мире особых общественных форм, объективно существующих образований, которые создаются взаимодействием субъектов, и вместе с тем в каждый данный

Ленин В. И. Поля. собр. соч., т. 29, с. 172. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 86.

момент от субъектов не зависят. Наоборот, они выступают в качестве объективных факторов, детерминирующих всю деятельность субъектов, в том числе и сознание.

Фактор, непосредственно детерминирующий живую деятельность субъектов, есть деятельность опредмеченная. Наличие двух типов деятельности — практической и духовной, порождает и наличие двух типов опредмеченной деятельности. Непосредственным условием осуществления живой духовной деятельности субъектов выступает их предшествующая, опредмеченная духовная деятельность соответствующего вида.

Поскольку система духовной деятельности — это, в сущности, движение знания, т. е. реальный, социально оформленный процесс мышления, постольку объективные общественные формы выступают здесь как объективные формы мышления (объективные мыслительные формы). Мышление — художественное, научное, быденное и т. д.— не создает свои онтологические основания каждый раз заново: оно застаёт их как наличный результат исторического процесса. Субъекту дан не только вполне определенный, исторически сложившийся мир, в котором он занимает вполне определенное место, полагающее как его практическую, так и познавательную позицию. Субъект, в лице каждого нового поколения, застаёт также определенную картину мира, которая не произвольна, а является собственным продуктом развития этого мира. Даже если эта картина иллюзорна, она возникает исторически необходимо. Каждая онтология — например, мифологическая, религиозная, научная и т. д.— исторически закономерна в этом смысле адекватна своему миру. Каждая онтология адекватна своей системе общественных отношений функционально, ибо является необходимым средством их воспроизводства, которое в конечном счете готовит и качественный скачок. Между специализированной и массовой картиной мира всегда имеется определенное соответствие, но не бывает полной тождественности. Различие и совпадение может иметь больший или меньший характер в зависимости от формационного типа сознания. Под формационным типом сознания нами понимается исторически-конкретный тип сознания, формирующийся и функционирующий в определенном формационном типе общественных отношений. Внутри формационного типа сознания имеется дифференциация не только

по «вертикали»: массовой — специализированный уровень но также и по «горизонтали»: между различными субъектами.

Специализированное сознание, так же как и массовое, есть один из механизмов детерминации живой деятельности субъекта системой общественного отношения. Его назначение, в частности, в том, чтобы преодолеть разброс индивидуальных действий лиц, составляющих массу класса, более полно выявляя логику процесса, воплощенную в объективном классовом интересе. Роль посредствующего звена между системой общественных отношений и деятельностью субъекта специализированное сознание выполняет благодаря тому, что генетически связано с практическим массовым сознанием, а затем эта связь закрепляется в содержании сложившейся концептуальной схемы. Каждому новому поколению достаются не только объективные условия, полагающие его интересы, но и те объективные мыслительные формы, в которых условия нашли свое отражение. Даже с возникновением теоретического сознания ситуация не меняется. Так, практическое видение капиталиста трансформируется в систему исходных теоретических допущений, а последние определяют содержание и ход рассуждений в рамках буржуазной идеологии. Значение объективных мыслительных форм заключается в том, что они, фиксируя в себе предшествующий этап отражения действительности субъектом, выступают в качестве методологической основы дальнейшего познания. Воспринимая ту или иную картину мира, новое поколение субъекта тем самым воспринимает соответствующий способ видения мира. Имеющиеся знания функционируют как средства познания, так что их содержание непосредственно определяет познавательные возможности субъекта на каждом данном этапе.

Независимость объективных мыслительных форм от субъекта обеспечивается тем, что они выступают как опредмеченная духовная деятельность. Существовая в виде специализированных знаковых образований, они обладают относительной самостоятельностью. Однако главный фактор, обеспечивающий их возникновение и воспроизводство,— это объективные практические формы деятельности.

«Раздвоение единого», порождающее систему с рефлексией, существенно отражается не только на внутрен-

них механизмах воспроизводства/ и развития данного общественного отношения, но и' на способе его взаимодействия с другими общественными отношениями и их группами.

Особенности взаимодействия практической и духовной подсистем в системе общественного отношения непосредственно связаны с различием всех общественных отношений на материальные и надстроечные, а это различие, как известно, лежит в основе учения об общественно-экономической формации.

§ 5. ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ КАК СИСТЕМА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Марксизм-ленинизм располагает развитой системной концепцией общества — учением об общественно-экономических формациях как закономерных ступенях социально-исторического развития. Системность — один из важнейших, ших аспектов научной методологии социального познания. Поэтому такое значение приобретает способ его понятийной реализации: «при изучении социальной жизни чрезвычайно важно знать, что является системой (целостным организмом), по законам которой она функционирует,—общество или отдельная формация?»⁹⁸. По-видимому, для марксистов бесспорно, что системой является общественно-экономическая формация. Точнее говоря, понятие общественно-экономической формации и вводится для того, чтобы представить общество как некоторое целое, находящееся на определенном этапе развития.

При помощи этого понятия в марксистской социологии общества отобразено как специфический социальный организм^{aa}. Введя понятие общественно-экономической формации⁹⁸ Кузьмин В. П. Проблемы системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1974, с. 3—4.

⁸⁹ Иарайтель В. Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975; Лысманнин Е. И. Соотношение теории общественно-экономических формаций и исторического процесса.— Философские науки, 1979, № 3; *Общественно-экономические формации. Проблемы теории.* М., 1978; *Структура общественно-экономической формации. Препринты докладов координационного совещания по актуальным проблемам теории общественно-экономической формации.* М., 1979; Теней Ф. К теории обществен-

[ацни, «Маркс положил, конец воззрению на общество ак на механический агрегат индивидов»¹⁰⁰. Общество — это фрагмент изучаемой действительности, изучаемый объект. И понятия формации воиложен предметный способ видения, предметный подход к объекту. Формация — это то, как данный объект представлен на уровне теоретической социологии. Именно эта теоретическая конструкция воплощает в себе предмет исторического материализма. Все прочие понятия либо подготавливают ее введение, либо выводятся из нее с целью более конкретного отображения отдельных сторон социальной системы.

Важнейшие принципы, при посредстве которых вырабатывается это понятие,— материализм и историзм. Оно фиксирует свой объект как целое одновременно в генетическом и функциональном, (синхронном) аспектах. Маркс «поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»¹⁰¹. Как видим, Ленин выделяет структуру в синхронии. — формация как совокупность производственных отношений и развитие — формация как естественно-исторический процесс. Только соединение этих двух аспектов обеспечивает средства, адекватные объекту. Задача, следовательно, состоит в раскрытии не только закономерностей строения и функционирования, но и закономерностей развития. Именно генетический подход составляет специфическую особенность исторического материализма, что и зафиксировано в его названии. Но это отнюдь не означает отрицания структурного подхода. Он тоже необходим. Суть дела, однако, в том, что структурный подход может успешно разрабатываться лишь на основе генетических представлений.

Структуру общественно-экономической формации ученые-марксисты понимают сегодня «далеко не однознач-

ных формаций. Проблема анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса. М., 1975; Усгьянцев В. Б., Общественно-экономическая формация. Законы функционирования и развития. Саратов, 1977.

¹⁰⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 139.

¹⁰¹ Там же, с. 139.

но»¹⁰², в связи с тем, что «пока еще не выработано единого критерия для вычленения элементов формации»¹⁰³. Вопрос об элементах формации обычно сразу ставится в таком плане: какие конкретно элементы входят в состав общественно-экономической формации? Обсуждается, например, то, входят ли в состав формации семья, сфера быта, язык, школа и т. д. Тем самым берутся в основном некатегориально фиксируемые эмпирические объекты и непосредственно соотносятся с абстракцией чрезвычайно большой степени, какою является абстракция формации.

Между тем проблему необходимо формулировать иначе. Вопрос сводится к тому, каким образом на данном уровне абстракции должен быть представлен тот или иной фрагмент социальной действительности, какие следует осуществить схематизации и идеализации относительно того или иного эмпирического объекта, чтобы он мог быть зафиксирован в рамках предметного видения исторического материализма.

Но для этого нужна общая понятийная схема, к которой в процессе познания и сводится разнообразие той или иной конкретно-исторической эмпирии. Однако и на уровне теоретической конструкции формацию нередко трактуют как образование, состоящее из разнопорядковых компонентов, способ соотнесения которых изначально не задается. Между тем любая система состоит из однотипных элементов, поэтому выявление их специфики опирается на первоначальную фиксацию их субстанционального единства, а также той специфической структурной тождественности, которая делает их элементами *одной* системы.

Если это так, то и общественно-экономическая формация должна быть представлена как целое, состоящее из элементов определенного типа. Мы полагаем, что общественное отношение и есть тот *тип* элементов, из которых состоит формация. Каждое общественное отношение — это как бы клеточка социального организма. Оно включено в систему, которая опосредует его развитие, и вместе с

¹⁰² *Лысманкин Е. Н.* Марксистско-ленинская теория общественно-экономической формации.— *Философские науки*, 1973, № 1, с. 135.

¹⁰³ Там же, с. 137.

тем относительно обособлено, ибо содержит механизмы своего воспроизводства в себе. В этом смысле именно общественное отношение есть» основная, типичная *система социальной деятельности*.

Системы социальной деятельности существуют в действительности всегда как вполне определенные, конкретные виды общественных отношений — экономических, политических, нравственных и т. д., находящиеся на определенном этапе развития и взаимодействующие с другими видами общественных отношений.

Взаимодействуя между собой и дополняя друг друга, они образуют подсистемы, которые связаны сложной субординацией и координацией. Каждое общественное отношение как элемент социальной системы обладает характеристиками, общими для всех общественных отношений, а также и специфическими — либо для определенной подсистемы, либо для данного отдельного отношения. Специфические черты обусловлены особенностями места и роли данного отношения или группы отношений в органическом целом.

Ни одна подсистема не обладает абсолютной автономией. Каждая из них выполняет определенную функцию в социальном организме, которая дана субъектам — носителям взаимодействия, присущего данной подсистеме, целостным социальным процессом. Единую функцию подсистемы каждый субъект осознает лишь частично, опосредованно через свое место в ней, т. е. как свой интерес. Интерес реализуется в деятельности субъекта и снимается взаимодействием с контрсубъектом. Результаты взаимодействия, во-первых, служат предпосылкой и средством воспроизводства этого взаимодействия, а во-вторых, транслируются в другие системы деятельности, где используются в качестве средств.

Так, политическая власть как продукт взаимодействия классов в системе политической деятельности — средство реализации экономических интересов. Деньги же являются средством обмена продуктов, создаваемых в сфере как материального, так и духовного производства. Следует подчеркнуть, что ни деньги, ни власть не являются вещью. Думать так значило бы впасть в фетишизм. И деньги, и власть суть определенные способы взаимодействия субъектов, которые опосредуют их же собственное взаимодействие в других системах деятельности. Су-

существование этого взаимодействия в опредеченной форме — это лишь способ сохранения предшествующей деятельности для того, чтобы ее можно было использовать¹ в деятельности последующей,— как в рамках той же самой системы, так и в других системах деятельности.

Общество — это сложное переплетение различных систем деятельности, которые можно разделить лишь в аналитическом представлении и которые в реальности существуют в неразрывном единстве. Раскрытие иерархии этих взаимодействий — главная задача социологической теории. Важнейшие типы таких взаимодействий были описаны классиками марксизма-ленинизма в учении о способе производства материальных благ как диалектическом единстве производительных сил и экономических отношений, в учении о диалектическом единстве экономического базиса и политической надстройки и т. д. В каждом из таких взаимодействий есть своя ведущая сторона, которая задает стороне определяемой тот или иной спектр возможных направлений развития и функционирования. В определяемой системе деятельности в рамках этого спектра осуществляется тот или иной выбор — как результирующая взаимодействия субъектов. Эта результирующая не только выступает как средство воспроизводства данной подсистемы, но и оказывает обратное воздействие на ведущую сторону взаимодействия, которая породила данную систему и нуждается в ней как в своем опосредовании.

Таким образом, *отдельные* системы деятельности можно рассматривать, лишь абстрагируясь от их взаимодействия с другими элементами социального организма. Одновременно это значит, что их нельзя понять без выяснения той функции, которую они выполняют в социальной системе. Вместе с тем общественное отношение всегда относительно самостоятельно и содержит механизм своего воспроизводства в себе. Если этого нет, то нет и общественного отношения как системы деятельности. Другое дело, что этот механизм зависит не только от собственной, внутренней логики, но и от внешних для данного отношения условий, т. е. от действия других, в конечном счете — производственных отношений.

Изложенный подход позволяет определить формацию следующим образом. Общественно-экономическая формация — это общество как качественно специфическая, код-

1г;Q

кретно-историческая система общественных отношений, среди которых первичными и определяющими являются материальные отношения — отношения материального производства. Каждая формация обладает своим специфическим набором входящих в ее состав общественных отношений.

Одним из первых возникает вопрос, какие существуют общественные отношения, по какому основанию их можно выделять и группировать. Основы типологизации общественных отношений были заложены К. Марксом и Ф. Энгельсом. По оценке В. И. Ленина, их основная идея «состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические»¹⁰⁴. Эта идея, несомненно, играет основополагающую роль в реализации принципа материализма в социологии. Однако развернутое системное представление о «номенклатуре» общественных отношений отсутствует до сих пор. Дело зачастую сводится к перечислению различных видов отношений, на-

пример: общественные отношения включают наряду с производственными отношениями, социально-классовые,

государственно-правовые, семейно-бытовые, идеологические (моральные, эстетические, религиозные)¹⁰⁵. Поскольку основание для вычленения этих видов общественных отношений не задано, в последующем речь идет, например, об отношениях «дружбы народов» и т. д.¹⁰⁶ Такая ситуация была типична для периода, к которому

относится процитированная работа.

С тех пор, однако, достигнут определенный прогресс.

* «В последние годы в философской литературе сделаны важные уточнения по вопросу о классификации общественных отношений. Так, можно считать преодоленной допущавшуюся, ранее ошибку, в силу которой в один классификационный ряд ставились такие отношения, как, например, экономические, политические, классовые и национальные. Теперь при рассмотрении видов общественных отношений четко выделяется образующий признак»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 149.

¹⁰⁵ См.: *Диалектика строительства коммунизма*. М., 1968, С 130.

¹⁰⁶ См.: Там же\ с. 131—132.

¹⁰⁷ *Ткаченко Ю. Г.* Методологические вопросы теории правоотношений, с. 84—85.

Это, несомненно, хорошо, если выполняется такое процедурное требование, как необходимость фиксировать критерии классификации. Однако, по нашему мнению, вопрос нельзя рассматривать как просто классификацию наличных видов общественных отношений. Общественные отношения не даны непосредственно. Поэтому проблема эмпирического их распознавания далеко не проста. Прежде чем классифицировать, необходимо показать, что классифицируемые объекты — действительно общественные отношения. Тот или иной признак сам по себе может быть присущ весьма разнокачественным объектам. Однако, «от того, что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с млекопитающими,— от этого у нее еще не вырастут молочные железы»¹⁰⁸. Следовательно, возникает проблема обоснования критериев классификации.

На наш взгляд, задача вычленения различных видов общественных отношений должна быть интерпретирована как задача их генетического выведения. Исходный пункт его — представление простейшей «клеточки» формации. Именно таковы были методологические позиции классиков марксизма-ленинизма. В. И. Ленин отмечал, что идея естественно-исторического процесса вырабатывается посредством выделения производственных отношений «как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения»¹⁰⁸. Как видим, речь идет об отношениях *первоначальных*, т. е. о выявлении генетической, а следовательно, и функциональной первичности. Думается, что принцип генетического соподчинения должен быть реализован и в последующем, при выделении каждого производного вида общественных отношений.

Ситуация аналогична той, которая возникает при выработке представлений о видах деятельности. И это не случайно, ибо в процессе формационного развития возникают не просто особые виды деятельности, а системы деятельности, новые общественные отношения.

Таким образом, вопрос о «номенклатуре» различных видов социальной деятельности и общественных отношений может быть решен лишь в процессе генетической «реконструкции» общества. А отсюда ясно, что этот вопрос не имеет универсального ответа. Как сам «набор»

Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 41. Ленин В. И. Поля. собр. соч., т. 1, с. 134.

различных видов деятельности и отношений, так и особенности их субординации и координации всегда будут обладать конкретно-исторической спецификой. Решение этого вопроса предполагает огромную работу, которая может быть проделана лишь коллективными усилиями исследователей-марксистов.

Разумеется, было бы неверным делать отсюда нигилистические выводы относительно правомерности создания предварительных типологий общественных отношений. Такие типологии не только возможны, но и необходимы¹¹⁰, до тех пор пока задача не будет решена на основе принципа генетического выведения. Следует, однако, учитывать их рабочий характер.

Аналогично обстоит дело с выработкой единой типологии социальной деятельности. Многообразие реально существующих видов и разновидностей деятельности также нуждается в упорядочении. Нередко и здесь задача фиксируется как необходимость классификации эмпирически данных видов деятельности. Вместе с тем сегодня общепризнанно, что единой классификации пока выработать не удалось. Так, Л. П. Бueva отмечает: «Как же классифицируются виды практической деятельности? Какова субординация между ними и что является объективным основанием системы общественной практики и системы деятельности в целом? Дать однозначный ответ на эти вопросы невозможно, так как эта проблематика еще недостаточно разработана»¹¹¹. На наш взгляд, это связано с тем, что здесь надо дать методологическое обоснование. Речь должна идти прежде всего не о классификации наличных объектов, а о генетическом выведении модификаций внутри некоторого качественно специфического единства. Конечно, классификация всегда есть некоторая форма систематизации материала, однако она далеко не всегда связана с представлением объекта как органической системы.

Но даже и тогда, когда ставится задача не классификации, а системного (структурного) исследования, зачастую дело сводится лишь к некоторым чисто эмпириче-¹¹⁰ Так, весьма интересно представление о типах общественных отношений, сформулированное Г. Л. Смирновым (см.: *Смирнов Г. Л.* Советский человек. М., 1973, с. 41).

¹¹¹ *Бueva Л. П.* Человек; деятельность и общение. М., 1978, с. 85.

ским градациям. Нередко считают, что, выделяя некоторые основания и члены по этим основаниям исследуемый объект, тем самым дают его системно-структурное представление. Так, выделение компонентов общественного сознания по способу отражения, по роли в обществе и т. н. рассматривается как характеристика его структуры. На деле, как правило, имеет место обычная классификация, если не выполняются специальные требования системной методологии.

Отметим некоторые из них — в связи с изложенной выше общей характеристикой генетической концепции систем. Вся внутрисистемная дифференциация — это реально-исторически возникающее обособление элементов внутри данного качественного *единства*. Поэтому и все понятийно вводимые различия должны быть subordinированы между собой и в конечном счете сведены к некоему исходному единству. Когда же основания выделения тех или иных сфер изучаемого объекта задаются вне соотношения с соответствующим системным качеством, возникает лишь видимость системного расчленения. В лучшем случае — если выделено и четко оговорено основание деления, возникает формально-логическая классификация. Такая работа, несомненно, иужпа, однако падо ясно осознавать, что здесь нет исследования *структуры* объекта.

Системное качество как таковое не дано внешне, в виде наглядно фиксируемых свойств. Субстанция системы лишь проявляется в собственных модусах, разнообразие которых, вообще говоря, можно классифицировать по некоторым внешне взятым основаниям. Но поскольку внутренние модификации системы есть результат ее собственного развития, то их фиксация не может быть сведена к простой классификации, разбиению некоторого якобы наличного «множества элементов» по определенным признакам. Эти «элементы» наличны эмпирически, но не теоретически. Иначе говоря, наличны некоторые объекты, причем па уровне допредметных представлений они рассматриваются как различные виды деятельности. Теоретически же еще надо доказать, что это именно так. А доказать это можно лишь путем их генетического выведения из исходного состояния системы. Следовательно, задача состоит в реконструкции развития системы, в выведении последующих модификаций из предшествую-

щих,— но именно как модификаций исходного единства. Только таким путем может быть теоретически воспроизведена структура любой системы.

Ключевым в системном представлении объекта является выделение соответствующего системного качества, специфической определенности данной системы. На этой основе необходимо осуществить длинный путь теоретической реконструкции процесса развития системы, с необходимостью порождающего ряд модификаций исходного состояния. «Нельзя согласиться... с теми, которые относят к практике всякое человеческое действие, занятие, например, игру, вообще развлечения, эмоциональные акты и т. д.»¹¹². Нельзя— именно потому, что здесь отсутствует предметное, субстанциональное единство, в рамках которого правомерно вводить различия.

Если же такое единство задано, все понятия, отображающие различные модификации социальной деятельности, сами могут рассматриваться как модификации единого исходного понятия деятельности. При этом необходимо различать два аспекта конкретизации, развертывания понятия социальной деятельности: во-первых, это переход от уровня всеобщих характеристик деятельности, от понятия «деятельность вообще» к уровню описания ее специфических родов и видов; во-вторых, переход от понятия об исходных видах деятельности к понятию о других, производных видах деятельности.

Решающую роль при генетическом выведении различных видов деятельности играет выбор исходной «точки отсчета». Для марксистов общепризнанно, что «как основа познания и всей жизни человеческого общества» выступает «материальная практика (материальное производство)»¹¹³.

Такого рода выведение возможно и необходимо в связи с тем, что «в отличие от предшествующей философии Маркс исследовал практику в контексте, так сказать, исторического пространства, в котором она совершается как специфически человеческая деятельность,— в контексте человеческого общества»¹¹⁴. Системное описание при

¹¹² Ярошевский Т. М. Размышления о практике. М., 1976, с. 86.

¹¹³ Огурцов А. Практика.—Философская энциклопедия, т. 4, К 1967, с. 340.

¹¹⁴ Элез И. Категория практики в трудах К. Маркса.— В кн.: "практика и познание. М., 1973, с. 38.

этом состоит в последовательном введении различий, фиксирующих объективно возникающие в процессе развития материального производства производные сферы, в последовательном введении признаков, специфицирующих первоначальное единство.

Как воспроизводство, так и развитие общественных отношений осуществляется в условиях постоянного их взаимодействия между собой. При этом решающую роль в развитии общественного отношения зачастую играют не столько его внутренние, сколько внешние механизмы, т. е. механизмы взаимодействия с другими общественными отношениями. Так, марксизм-ленинизм показал, что развитие системы политических отношений в конечном счете определяется развитием системы отношений производственных. Объективные интересы субъектов не только опосредуют внутренний механизм функционирования и развития каждого из общественных отношений, но также играют существенную роль и во взаимодействии различных общественных отношений между собой.

В самом общем смысле роль надстроечных отношений состоит в том, что они опосредуют функционирование и развитие материальных общественных отношений. Соответственно и интересы субъектов в системе надстроечных отношений выступают в роли средств реализации их интересов, возникающих в системе материальных отношений. Так, экономические цели эксплуататорских классов полагают необходимость применения особых, внеэкономических средств подавления эксплуатируемых классов, что становится целью особой деятельности по захвату и удержанию и использованию в классовых интересах общественной власти. Поскольку деятельность по захвату и удержанию власти является относительно обособленной сферой деятельности, постольку возникают относительно обособленные — политические — интересы субъекта, его интересы в системе политических отношений. В конечном же счете политические интересы класса подчинены его экономическим интересам, выступая, таким образом, посредствующим звеном во взаимосвязи экономических и политических отношений.

Взаимодействие материальных и надстроечных отношений можно охарактеризовать следующим образом (схема 2, штриховка использована для различения не субъектов, а систем деятельности).

OiL

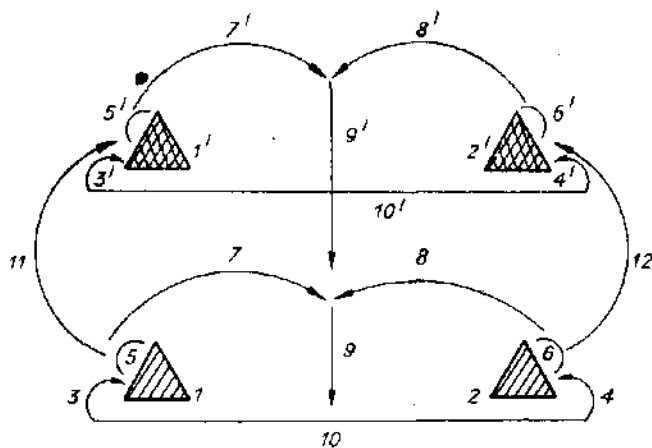

Схема 2.

Возьмем в качестве примера экономические (нижняя часть схемы) и политические (верхняя часть схемы) общественные отношения. Соответственно, оба субъекта выступают в качестве носителей как экономической, так и политической деятельности. В целях упрощения сведем оба типа отношений лишь к их практическим подсистемам, а также отвлечемся от различия политических и правовых отношений.

Цифрами обозначены: 1 и 2 — субъект (S_1) и контрсубъект (S_2) как носители системы экономической деятельности; 3 и 4 — их объективные экономические интересы, осознаваемые каждым как цель его экономической деятельности; 5 и 6 — отображение системы, формирующееся у каждого из них в процессе поиска средств достижения объективно заданной цели; 7 и 8 — программа и процесс ее реализации (на данной схеме они совмещены); 10 — условия; те же самые обозначения со штрихами фиксируют систему политической деятельности; 11 и 12 — коренные политические интересы субъектов как интересы по реализации экономических целей; 3' и 4' — их непосредственные политические интересы как интересы по удержанию (захвату) власти.

Дадим краткий комментарий. На том или ином этапе развития экономической системы субъект делает вывод о необходимости применения тех или иных ^неэкономич-

ческих (политико-правовых) средств для реализации своих экономических интересов. Например, формирующийся класс эксплуататоров делает вывод о возможности и необходимости применения вооруженного насилия по отношению к соплеменникам, выступающим против стихийно складывающегося в результате разделения труда экономического неравенства. Или, например, буржуазия делает вывод о необходимости применения тех или иных мер политико-правового подавления борьбы рабочих против эксплуатации (законодательство о длительности рабочего дня, запрет и подавление забастовок и т. д. и т. п.). Если принять, что буржуазия — £, то эта связь обозначена цифрой И. Этот вывод функционирует как цель ее политической деятельности. Для осуществления цели опосредованно через отображение формируется программа. Реализация программы и представляет собой реальный акт практической политической деятельности данного субъекта.

То же самое имеет место и со стороны контрсубъекта. Противодействуя первому субъекту, он также ставит определенную политическую цель, отображает действительность в поисках средств ее реализации, разрабатывает и реализует программу политической деятельности. Процесс этот может иметь как сознательный, так и стихийный характер (от данной стороны дела мы здесь отвлекаемся).

Разнонаправленные политические действия субъектов сталкиваются и снимаются их взаимодействием. Результирующая политического взаимодействия (9') является тем фактором, который оказывает непосредственное влияние на характер их экономического взаимодействия (9) — в зависимости от того, что каждому классу удалось добиться в области политической борьбы. Так, трудовое законодательство, более выгодное для рабочих, склоняет результирующую экономического взаимодействия в пользу рабочих, и наоборот. Таким образом, борьба в политической сфере в конечном счете лишь опосредствует процесс реализации экономических интересов классов.

Вместе с тем политическое взаимодействие субъектов само образует сложную, относительно обособленную систему. Результаты предшествующего цикла политического взаимодействия каждый раз опредмечиваются и выступают в качестве непосредственных условий последующе-

го взаимодействия. Использование власти в экономических целях сопровождается непрерывной борьбой за ее удержание (захват). Полученные в этой борьбе результаты каждый раз либо облегчают, либо затрудняют использование власти в экономических целях. Так, демократизация государственного устройства создает рабочему классу более благоприятные условия для борьбы за его экономические интересы, и наоборот.

Это означает, что необходимо различать коренные политические интересы (на схеме —И и 12), состоящие в использовании политической власти для достижения экономических целей, и непосредственные политические интересы, связанные с захватом и удержанием власти. Непосредственные политические интересы сами являются средством реализации коренных политических интересов. Непосредственные политические интересы можно также назвать политическими интересами в узком смысле слова, ибо они связаны с деятельностью по воспроизводству и развитию политических отношений как относительно самостоятельной системы.

В различных исторических условиях соотношение коренных и непосредственных политических интересов может меняться. По известному выражению В. И. Ленина, политика может «первенствовать» над экономикой. Однако в конечном счете именно экономика играет исторически ведущую роль.

Итак, субъекты действуют практически и в системе материальных, и в системе надстроечных общественных отношений. Разница состоит в том, что практика в системе материальных отношений определяет их сознание, а в системе надстроечных отношений, наоборот, сознание является первичным в отношении их практики. На наш взгляд, именно так следует трактовать слова В. И. Ленина о том, что политико-юридические формы возникают «из тех или иных идей»¹¹⁵. Дело заключается только в том, что нельзя останавливаться на этом факте, как делала домарксистская социология. Надо уметь «спуститься до простейших и таких первоначальных отношений, как производственные»¹¹⁶. Идеи, регулирующие надстроечную практику субъектов, а следовательно, ле-

^{1,5} Ленин В. Я. Поли. собр. соч., т. 1, с. 136. ¹¹⁶ Там же.

жацию и в основе надстроечных отношений в целом, первичны лишь в отношении надстройки, но отнюдь не в отношении социальной системы в целом. Они сами формируются под определяющим воздействием системы материальных общественных отношений.

В результате общественное сознание выступает как посредствующее звено между системой материальных и системой надстроечных отношений. Например, в рассмотренном выше случае связь такова: объективные экономические отношения как целое формируют экономическое сознание как свой подчиненный элемент. Экономическое сознание каждого из взаимодействующих классов определяет его политическое сознание, а политическое сознание, опосредованно через практическую политическую деятельность каждого класса влияет на формирование политических отношений, которые возникают и воспроизводятся как результат взаимной политической деятельности классов. Таким образом, экономический и политический виды сознания выступают как посредствующие звенья во взаимосвязи экономических и политических отношений, причем их субординация определяется субординацией соответствующих отношений. Подчеркнем, что тезис о первичности политического сознания субъектов в отношении их политической деятельности, а опосредованно через нее и в отношении системы политических отношений в целом, фиксирует лишь одну, определяющую сторону их взаимодействия. Наряду с этим, как во всякой системе, здесь имеется и обратная связь. Сформировавшиеся политические отношения при каждом цикле их воспроизводства как непосредственные условия политической деятельности оказывают воздействие на политическое сознание субъектов, формируя у них непосредственные политические цели и обслуживающие эти цели звенья политического сознания в целом. Однако воздействие политических отношений на политическое сознание вторично, ибо первичны в системе политической деятельности те политические цели, которые возникают как средство реализации экономических интересов.

Для удобства различения практики в системе материальных отношений и практики в системе надстроечных отношений, первую можно обозначать термином «материальная практика», а вторую термином «надстроечная практика».

Различение материальных и надстроечных отношений позволяет конкретизировать представление о субъектах — носителях общественных отношений той или иной формационной принадлежности. Принципиальная новизна марксистско-ленинского подхода к проблеме социального субъекта состоит в том, что в его основу положена дифференциация людей в системе материального производства. Яркий образец такого подхода дает известное ленинское определение классов. «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹¹⁷.

В ленинском определении сформулирован общий критерий: различение больших групп людей «по их месту и исторически определенной системе общественного производства», который затем развертывается в трех признаках, фиксирующих, из чего конкретно складывается *место* класса в этой системе.

Данный принцип является исходным для введения псих других градаций. Не рассматривая специально проблему социально-классовой структуры¹¹⁸, коснемся лишь вопроса о способе перехода от представления о большой социальной группе к отдельной личности.

Нередко под субъектом — носителем общественных отношений донимают отдельную человеческую личность. При этом человек как субъект обычно рассматриваетсяряду с такими групповыми субъектами, как класс, нация и т. д. На наш взгляд, такая трактовка содержит в себе преувеличение роли личности как субъекта социальной деятельности. Вплоть до настоящего времени субъект — это не столько отдельный человек, сколько большая группа: личность выступает субъектом социальной деятельности и общественных отношений *опосредованно* че-

¹¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.

¹¹⁸ Об этом см. напр.: Глезерман Г. Б. Классы и нации. М., 1974; Еремин И. Е. Классы и демократия. М., 1974; Классы, социальные слои и группы в СССР. М., 1968; Рабочий класс — главная революционная сила. М., 1973; Семенов В. С. Капитализм и классы. М., 1969; и др.

рез свою большую группу (в классовом обществе — через класс). И хотя на этой основе и в этих пределах личность может выступать и действительно выступает как субъект, тем не менее качественное различие большой группы, как субъекта в собственном смысле слова, и личности, как одной из составляющих группового субъекта, необходимо фиксировать изначально.

Если не учитывать разпорядковости таких типов субъектов, как большая группа и личность, легко впасть в абсолютизацию роли личности в истории. Два названных типа субъектов выделяются на разных уровнях членения социальной системы, а принцип системности требует, в частности, четкой фиксации уровня, на котором выделяется соответствующий элемент: большая группа — на уровне формации, личность — внутри большой группы, как один из моментов реализации совокупной групповой деятельности. Таким образом, групповой субъект — это элемент общественного отношения и соответственно формации, а индивидуальный субъект — элемент группового субъекта. Связано это с тем, что в условиях классового разделения труда в социальном поведении отдельных лиц преобладает не индивидуальность, а групповая, типологическая общность. Поскольку тем не менее обособленность индивида и обусловленная этим специфичность исторически возникают, порождаемые тем же самым разделением труда, поскольку возникает необходимость введения понятия, которое фиксировало бы различие вкладов отдельных лиц в совокупный групповой эффект.

Следовательно речь идет не просто о различных, но о разпорядковых элементах системы. Между тем в литературе широко распространены подобные определения: в качестве субъекта могут выступать класс, нация, личность и т. д. Разпорядковость субъектов при таком подходе скрадывается. Фактически же речь идет о субординации типа система — подсистема — элемент, где личность выступает как элемент группы, являющейся подсистемой более широкого целого. Более того, внутри группового субъекта, например класса, имеются посредствующие уровни внутрисистемной иерархии — такие, как внутриклассовый слой.

Наличие такой иерархии порождает следующее методологическое требование: «социальная деятельность лич-

тности должна изучаться прежде всего как функция определенной исторически конкретной социальной системы, которая задает содержание и формы этой деятельности. Поэтому при изучении личности как «микросистемы» необходимо исходить не из отдельного индивида и описания актов его индивидуального поведения, а из форм социальной деятельности и социальных отношений, присущих общественной системе в целом»¹¹⁹.

Марксисты исходят из положения классиков о том, что личность обособляется лишь в обществе и через общество. Как пишет Л. Сэв, «лишь постольку, поскольку личность индивида по своей сути социальна, он своеобразен, и лишь постольку, поскольку его личность в основе своей своеобразна, он социален»¹²⁰. Возникая исторически, своеобразие индивида выступает как важный фактор социального развития. Поэтому диалектико-материалистическое учение о личности является органической составляющей марксистской концепции. Вычленение такого субъекта, как личность, имеет принципиальное значение для материалистического понимания истории, выяснения механизмов общественного развития, особенно при переходе к высшему типу общественного устройства — коммунистической формации.

Представление о системе социальной деятельности может быть эффективно не только на уровне социальных групп, но и на уровне изучения отдельной личности. Ее деятельность всегда соотносительна с деятельностью другого субъекта, причем характер этого субъекта будет различен в зависимости от уровня исследования и выделяемого аспекта.

Так, представление о том или ином типе личности соотносительно с представлением о большой группе, классе. Тип личности — это прежде всего персонификат системы той или иной деятельности определенной классовой принадлежности. Индивидуализирующие характеристики возникают уже на основе типологической общности¹³¹.

¹¹⁹ Бцева Л. П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968. с. 61.

¹²⁰ Сэв Л. Марксизм и теория личности. М., 1972, с. 338—339.

¹²¹ По проблеме типологии личности см. папр.: Батенин С. С. Человек и его история. Л., 1976; Корнеев М. Я. Проблемы социальной типологии личности. Л., 1971; Личность при социализме. М., 1968; Смирнов Г. Л. Советский человек. Формирование социалистического типа личности. Изд. 2-е, доп. М., 1973.

Принцип субъект-субъектного взаимодействия эффективен при описании не только деятельности личности в составе группы, а опосредованно через нее и на межгрупповом уровне. Этот принцип необходимо использовать и при описании формирования личности. Формирование личности отнюдь не есть односторонний процесс воздействия общества (в лице тех или иных больших и малых групп) на формирующуюся личность. Формирование личности — это процесс активного взаимодействия субъектов, где личность по мере своего развития играет все более активную роль. Конечно, степень активности личности в процессе ее формирования всегда имеет конкретно-исторический характер. Наиболее ярко тенденция к возрастанию этой активности проявляется в социалистическом обществе. Сформулированный КПСС принцип комплексного подхода к формированию личности²² ориентирован, в частности, на учет этой особенности социалистического типа личности, которая, впрочем, лишь наиболее полно воплощает тенденцию, имеющую более широкое историческое значение¹²³.

Итак, понятие личности всегда производно от понятия большой социальной группы, в классовом обществе — класса.

В задачи данной работы не входит специальный анализ социальной структуры, однако представляется необходимым не только зафиксировать принципиальный подход к введению понятия большой социальной группы, но и продемонстрировать конкретные способы введения такого рода понятий. Рассмотрим с этой целью проблему этнической общности, что позволяет затронуть и еще один аспект — показать возможности перехода в процессе восхождения от абстрактного к конкретному, от собственно теоретического уровня к эмпирическому.

Классы не только разъединены *различием* своих *мест* в системе материального производства, но также объединены *принадлежностью* одному и тому же способу производства. По нашему мнению, единство больших групп

¹²² См.: *Материалы XXV съезда КПСС*. М., 1976, с. 71—80.

¹²³ О формировании личности как процессе взаимодействия субъектов подробнее см.: *Фофанов В. П.* Диалектика целей и средств в формировании активной жизненной позиции личности.— В кн.: *Вопросы партийного руководства нравственным воспитанием*. М., 1979.

людей на основе данной, отдельной, исторически определенной системы производственных отношений призвана зафиксировать категория «этническая общность». Материальное производство определяет все социальные процессы, поэтому этнические характеристики, имея свою основу в производстве, охватывают все сферы общественной жизни. Каждому исторически возникшему способу производства и соответствующей формации присуща своя специфическая этническая общность.

Этнические общности — народность, нация и т. д.— нередко определяют как исторические общности (без дальнейших уточнений). Это определение, несомненно, правильно, однако чересчур абстрактно. Историческими являются все общности, в том числе классы. Следовательно, данное определение не выделяет специфики этнических общностей.

Специфика категории «этническая общность» состоит в том, что она фиксирует характеристики, связанные с единством различных социально-классовых субъектов в той или иной системе формационных отношений. Поэтому в ее содержании приобретают большое значение язык как средство взаимодействия субъектов, а также наличие определенной общности в сознании субъектов, входящих в состав этнической общности. Элемент общественного сознания, связанный с отражением субъектами их этнической общности, может быть назван этническим сознанием. В классовых формациях этническое сознание столь же противоречиво, сколь противоречивы сами взаимоотношения субъектов. Но наряду с классовыми различиями субъекты, образующие этническую общность, обладают общими чертами, что и отражается в их этническом сознании.

Категория «этническая общность» как бы синтезирует различенность субъектов по их месту в способе производства. Однако вместе с тем она фиксирует новое различие между субъектами, а именно — их принадлежность к одному социальному организму, существующему *отдельно* от других социальных организмов другого и того же самого типа.

В предшествующем изложении в понятии «социальный организм» фиксировались, во-первых, целостный характер социальных объектов, во-вторых, наличие этапности в социальном развитии и обусловленных этим типологиче-

ских различий между социальными объектами. Здесь вводится еще одно различие: фиксируется существование внутри того или иного типа социальных организмов, обладающих, на фоне типологической общности, неповторимой уникальностью *отдельного*. Эти смысловые оттенки могут быть закреплены и в специальной терминологии. С этой точки зрения можно различать «социальный организм вообще», «социальный организм определенного типа» (без дальнейших различий) и «отдельный социальный организм». Последняя категория знаменует переход исследования- на новый уровень конкретизации — на уровень эмпирических объектов.

В данном контексте более существенно другое. Объективной основой для существования и соответственно субъективного конституирования этнической общности является отнесенность одной *отдельной* общности к другой¹²⁴. Этническая общность выступает как субъект во взаимодействии с другими этническими общностями того же самого и иного типа. Выделить какое-либо одно определяющее субъект-субъектное взаимодействие не представляется возможным, ибо исследование перешло на эмпирический уровень. В рамках идеализирующей схемы, отображающей внутренние для социального организма процессы, такое выделение было возможно и необходимо. Теперь возникает ситуация, когда существенность взаимодействия определяется характером конкретно-исторических, внешних процессу обстоятельств. Разумеется, это означает, что социальные закономерности перестают действовать. Можно говорить лишь о том, что в силу многофакторности процесса механизм их действия значительно усложняется. Поэтому возникает необходимость введения наряду с таким понятием, как общественно-экономическая формация, специальных категорий, таких, в частности, как всемирно-исторический процесс, цивилизация¹²⁵ и т. п. Думается, что понятие системы социаль-

¹²⁴ В этом аспекте представляется интересной попыткой типологическая схема, предложенная К. Р. Бромлеем. В частности понимание «этпоса» и «этшткоса» (см.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973). О понятии «социальный организм» см.: Семенов Т. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки,— Вопросы исторп. 1906, № 8.

¹²⁵ Основательное исследование проблемы цивилизации содержится в монографии М. П. Мчедлова (см.: Мчедлов М. П. Социализм — становление нового типа цивилизации. М., 1980).

ной деятельности, в прежде всего представление о субъект-субъектном взаимодействии, осуществляющемся в определенных конкретно-исторических условиях, может быть использовано — с учетом, в частности, изложенных выше ограничений — для характеристики социальных процессов и на этом уровне исследования.

На наш взгляд, исторический материализм располагает целым рядом понятии, опосредующих связь идеализированных конструкций с эмпирической действительностью. Тот факт, что в теории формации используются абстракции чрезвычайно высокого уровня, приводит к необходимости применять вспомогательные средства при соотнесении ее с действительностью. Например, формация как «идеальный тин» имеет один, специфический для нее способ производства, а в реальном обществе, как правило, существуют исторически различные типы производственных отношений. Для отображения их вводится специальное понятие «уклад». Большую роль в конкретизации категории формации к действительному историческому процессу играет и понятие культуры.

§ 0. ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ И КУЛЬТУРА

Важным средством конкретизации системной картины общества, получаемой при посредстве категории общественно-экономической формации, является понятие «культура». Восхождение от абстрактного к конкретному обычно рассматривают как познавательное движение на теоретическом уровне, когда обращение к эмпирии только средство решения собственно теоретических задач. По нашему мнению, построение теоретико-модельных представлений в рамках восхождения создает возможность использовать их для организации эмпирического материала, что переводит исследование с теоретического уровня на эмпирический и позволяет получить самый конкретный тип знания, а именно — знание эмпирически конкретное. Особенность данного типа знания в том, что оно отображает отдельный объект, в котором существенное общее взято в единство со специфическим. Этим оно отличается, с одной стороны, от теоретически-конкретного знания, которое воспроизводит существенное общее при-

Ю*

Я7Я

нительно к данному классу объектов, а с другой — от абстрактного эмпирического знания как совокупности первоначально данных неупорядоченных фактов об исследуемом объекте. Первичное эмпирическое знание — это тот исходный фактический материал, на основе схематизации и идеализации которого строится теоретическая конструкция. Вторичное эмпирическое знание — тот фактический материал, который сам строится на основе теоретической конструкции, давая предельно конкретное, — т. е. в единстве общего и специфического — отображение параметров объекта, выделенных в рамках данного предметного подхода.

Переход от первичного эмпирического знания к теоретическим абстракциям осуществляется на пути восхождения от конкретного к абстрактному. Под конкретным здесь имеется в виду объект познания. Однако этот, всегда конкретный, объект дан познанию через «хаотическое представление о целом», т. е. через несистематизированные, односторонние и в этом смысле абстрактные факты. После того как эмпирическая односторонность снимается в односторонности теоретической, начинается восхождение в собственном, узком смысле: восхождение от абстрактного к конкретному. Но и этот этап, на наш взгляд, не является конечным — он лишь средство получить научное знание об отдельном объекте.

Получение таких знания принципиально важно не только с теоретической, но прежде всего с практической точки зрения. По существу, здесь мы касаемся одной из задач, входящих в сферу научной методологии практики.¹²⁵

На наш взгляд, переход от общего к отдельному в научном общественном знании обеспечивается, в частности, категорией культуры.

Несмотря на то, что современное общественное знание уделяет значительное внимание исследованию культуры, приходится констатировать, что по ряду проблем марксистской культурологии необходимой ясности и единства

¹²⁵ О различиях методологии научного познания и научной методологии практики см.: *Фофанов В. П.* О типах методологии. — В кн.; Наука. Организация и управление. Новосибирск, 1979; Теория сознательного отражения и изучение теоретических систем. — В кн.; Методологические проблемы науки, вып. 2. Новосибирск, 1974.

мнений еще не достигнуто¹²⁷. Это касается прежде всего определения понятия «культура», а также вопроса о методологии исследования структуры культуры.

Количество различных трактовок культуры достаточно велико, и уже сама классификация их становится весьма сложной задачей. За последнее время появилось немало попыток такой классификации¹²⁸. Они, несомненно, полезны для систематизации обширного материала, однако в этом направлении еще предстоит проделать довольно трудоемкую работу; прежде всего нуждается в уточнении вопрос об основаниях подобных классификаций.

По нашему мнению, теоретическим базисом для введения понятия культуры является основная категория исторического материализма — общественно-экономическая формация¹²⁹.

¹²⁷ Арнольдов А. И. Культура развитого социализма. М., 1975; Боголюбова Е. В. Культура и общество. Вопросы истории и теории. М., 1978; Бычкова Р. А. Национальная социалистическая культура и закономерности ее развития. Методологические вопросы. Иркутск, 1973; Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. Ростов-на-Дону, 1979; Долгов К. М. Духовная культура развитого социализма.— Вопросы философии, 1978, № 4; Ешин С. З. Очерки марксистско-ленинской теории культуры. Минск, 1974; Злобин И. С. Место культуры в системе общественных связей. Автореф. панд, дис. М., 1969; Ион Э. Проблемы культуры и культурной деятельности. М., 1969; Коган Л. И., Вишневский К). Р. Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972; Маркарян Э. С. Понятие «культура» в системе современных социальных наук. М., 1973; Межуев В. М. Культура и история. М., 1977; Савранский И. Л. Коммуникативно-эстетические функции культуры. М., 1979; Токарев С. А. Разграничительные и объединительные функции культуры. М., 1973.

¹²⁸ См., напр.: Боголюбова Е. В. Культура и общество (вопросы истории и теории). М., 1978, с. 188—294; Давидович В. Е., Бело-липецкий В. К. Культура и ее место в жизни общества.— Философские науки, 1974, № 2; Кертман Л. Е. К методологии изучения культуры и критике ее идеалистических концепций.— Новая и новейшая история, 1973, № 3; Яковлев В. Д. Методологические проблемы исследования истории социалистической духовной культуры. Л., 1978, с. 7—24.

¹²⁹ Наше понимание культуры было изложено в статьях, написанных совместно с Е. А. Вавилиным (см.: Вавилин Е. А., Фофанов В. П. Место и роль понятия «культура» в системе марксистского обществознания.— В кн.: Системный метод и современная наука, вып. 4. Новосибирск, 1976; Они же. Социалистическая духовная культура и марксистско-ленинская идеология.— В кн.: Духовная культура и социальное управление. Новосибирск, 1981). Материалы этих статей частично использованы в данном параграфе.

Среди огромного множества значений, придаваемых термину «культура», системному подходу к социальной деятельности, на наш взгляд, в наибольшей степени соответствует понимание культуры как некоторой специфической тотальности, некоторой интегральной конкретной характеристики общества, охватывающей все его сферы. Определение, направленное на фиксацию такого понимания, дает А. К. Уледов, отмечая, что культура «присуща всем без исключения сферам общественной жизни как их качественная характеристика»^{1^}. Этот оттенок значения, несомненно, присутствует в таких, например, словосочетаниях, как «культура Древней Руси», «культура инков», «античная культура», «советская культура» и т. д. Думается, что то понимание культуры, которое скрывается за таким словоупотреблением, как раз и сводится к стремлению выявить и зафиксировать некоторую своеобразную, неповторимую историческую конкретность той или иной страны на определенном этапе исторического процесса.

Мы сознаем, что последний тезис может показаться весьма спорным, так как культурология знает концепции, весьма далекие от такого подхода. Однако в подобных случаях критерием является не столько традиция, сколько требования соответствующей теоретической системы; спор же на допредметном уровне в принципе неразрешим именно в силу, многозначности допредметных словоупотреблений и неопределенности допредметных значений. Мы упоминаем об этой стороне дела лишь для того, чтобы показать, что развиваемый в данной работе подход опирается на понимание проблемы, которое если и не преобладает, то по крайней мере присутствует в литературной традиции, хотя и не до конца осознанно.

Рассмотрим содержательные предпосылки, на основе которых представляется возможным ввести понятие «культура».

Социальные законы суть законы деятельности людей. Закон выступает в обществе прежде всего как необходимая связь деятельности субъекта и условия этой деятельности, как необходимая связь внутри той или иной системы деятельности либо как необходимая связь раз-

¹³⁰ Уледов А. К. К определению специфики культуры как социального явления,— *Философские науки*, 1974, № 2, с. 27.

личных систем деятельности. Эта связь имеет вероятностный характер. Поскольку, однако, в каждом конкретном случае в любой данный момент реализуется лишь одна из объективно существующих возможностей, исторический процесс приобретает специфический, неповторимый вид. Разумеется, выбор субъекта, осуществляющего деятельность в тех или иных конкретно-исторических условиях, — единственный фактор, определяющий своеобразие общественного процесса. Его следует отметить прежде всего потому, что он непосредственно связан с внутренним механизмом реализации общественных законов.

Но уже в результате действия этого фактора развитие, осуществляемое в рамках одних и тех же закономерностей, например закономерностей капиталистической общественно-экономической формации, всегда обладает существенной спецификой, в результате чего фиксируемый теорией средний тип оказывается лишь некоторой идеализацией, непосредственно отсутствующей в реальном историческом процессе.

Вместе с тем реально существующее общество представляет собой нечто большее, чем просто общественно-экономическую формацию. Всякая общественно-экономическая формация, возникшая как объективно необходимый этап поступательного развития, имеет предпосылкой своего возникновения некоторую исходную систему, которая не исчезает сразу. Элементы исходной системы частично превращаются во вновь возникшую систему общественных отношений, частично продолжают существовать наряду с ней и во взаимодействии с ней.

Своеобразие исторического процесса объясняется в значительной мере тем, что в конкретных обществах как правило существуют, взаимодействуют, образуя некоторое более сложное целое, общественные отношения разной формационной природы. Их сосуществование и взаимодействие само становится фактором развития, модифицирует количественную и качественную определенность составляющих подсистем и возникающего в результате их взаимодействия целого. Так, в том или ином конкретном обществе может существовать одновременно несколько различных экономических систем. Пример анализа такой ситуации дал В. И. Ленин, который: отмечал в послереволюционной России «по меньшей мере пять различных

систем, или укладов, или экономических порядков»¹³¹. Очевидно, что каждый из таких укладов порождает более или менее развитые надстроечные образования. Формационная принадлежность каждого конкретного общества определяется тем, какой из укладов — с соответствующей ему надстройкой — в данный период господствует. Однако подобно тому, как господствующий способ производства не исчерпывает реально экономической жизни общества, которая включает также и другие уклады, точно так же и надстроечная жизнь включает не только надстройку господствующего способа производства, но и надстроечные образования, порожденные другими укладами — отживающимися и нарождающимися.

Важно подчеркнуть, что такого рода образования не представляют собой каких-то механических конгломератов, где взаимодействующие части самодостаточны и потому внешни друг другу. Наоборот, происходит взаимо-отрицание, взаимополагание и, наконец, взаимопроникновение разнокачественных подсистем, в результате чего и возникает специфическая, подчас причудливая, исторически конкретная и в этом смысле неповторимая система. Ее конкретность не внешня ей, раскрытие этой конкретности важно для познания самой сущности этого феномена, ибо его сущность и возникает как результат взаимодействия противоречивых тенденций.

Характеристику факторов, обуславливающих своеобразие исторического процесса, можно развернуть гораздо более подробно. Так, следовало бы отметить роль внешних, природных условий как фактора, влияющего на процесс общественного развития и различным образом, подчас весьма существенно, модифицирующего его. Однако главный вывод в том, что в результате действия всех этих факторов действительное общество всегда диалектическое единство общего и специфического, в результате чего понятие «общественно-экономическая формация» фиксирует сущность, но отнюдь не все содержание реального исторического процесса.

Это понятие фиксирует некоторый тип, что составляет принципиально важный этап научного познания. Вместе с тем, понятие «общественно-экономическая формация» есть абстракция высокого порядка и для соотнесения ег^о

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 43, с. 158.

с действительностью возможно и необходимо введение производных, промежуточных понятий, которые фиксировали бы не только существенную общность различных обществ, но и, на этой основе, их своеобразие, конкретно-историческую специфику. Речь идет о необходимости фиксации не просто специфики, своеобразия, единичности того или иного общества, но о фиксации общества как отдельного, если понимать под отдельным «единицу единичного и общего, повторяющегося и неповторимо-го»¹³². При таком подходе возникает необходимость ввести понятие, фиксирующее этот уровень описания действительности и саму действительность, как она в нем отображена. Мы полагаем, что эту функцию в системе категорий исторического материализма и призвано выполнить понятие «культура».

Предыдущие рассуждения позволяют ввести следующее расчленение. Будем использовать термин «общество» для обозначения некоторой объективной действительности, т. е. социального объекта, без дальнейших различий. Общество как социальная действительность едино, оно представляет собой единицу, некоторую отдельность, «атом» исторического развития, но в силу своей внутренней сложности оно может быть зафиксировано на разных уровнях абстракции. (При этом имеется в виду, что всемирно-исторический процесс представляет собой сложное взаимодействие «простейших» составляющих, т. е. отдельных обществ).

Общесоциологическая теория, «троящаяся на основе понятия «общественно-экономическая формация», фиксирует лишь наиболее общие закономерности развития и функционирования общества. Специфические особенности развития и функционирования, присущие обществу на каждом его качественно-определенном этапе, здесь существенны постольку, поскольку они содействуют решению этой основной задачи.

Более конкретным уровнем обществознания является социология той или иной конкретной общественно-экономической формации, например социология коммунистической формации (теория научного коммунизма). Здесь общесоциологические закономерности рассматриваются

¹³² Шентулин А. П., Система категорий диалектики. М., 1967, с. 200.

в их качественной специфике по сравнению с общими закономерностями общественного развития, в результате чего раскрывается «специфическая логика специфического предмета»¹³³.

На этом уровне общественнознания строится теория, которая призвана раскрыть единство «качественной природы и качественной специфики общественных явлений»¹³⁴. Это означает, что здесь социальные процессы фиксируются в их специфичности относительно общих закономерностей, но в то же время в их общности относительно конкретно-исторической специфики реализации этих закономерностей в тех или иных конкретно-исторических условиях в тех или иных конкретных странах.

Разумеется сама проблема общего и специфического; занимает важное место в общесоциологической теории; Однако на этом уровне фиксируется не специфика того или иного конкретно-исторического процесса, но общие законы специфического. Здесь фиксируется и объясняется сама возможность возникновения специфики в историческом развитии, в частности на основе раскрытия вероятностного характера общественных законов, вводится представление о «разбросе» различных исторических вариантов относительно некоторого среднего типа, в общем виде решается задача о пределах этого разброса. Эти характеристики не только составляют важный момент теории как таковой, но и необходимы для последующего соотнесения идеальной схемы, вырабатываемой на этом уровне теории, с многообразной действительностью.

То же самое, применительно к соответствующему этапу общественного развития, проделывается и на уровне социологии отдельных формаций. В частности, выявляются конкретно-исторические пределы реализации различных вариантов развития, факторы, определяющие большую или меньшую вероятность реализации того или иного конкретного варианта, а также появления более частных специфических особенностей в рамках таких вариантов.

Очевидно, что возникающая в результате теоретическая конструкция дает лишь некоторые возможные варианты (типы) исторического развития, однако не выде-

¹³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 325.

¹³⁴ Кузьмин В. Я. Системное качество,—Вопросы философии, 1973, № 1, с. 101.

ляет тех из них, которые имели или имеют место в действительности. Она может, соответственно своему уровню, объяснить, почему реализовались именно эти, а не другие варианты, но не содержит в себе полного, конкретного их описания. Между тем конечная цель обществознания — не только с теоретической, но и с практической точки зрения — есть изучение но принципиально возможных вариантов развития, а конкретных, исторически существовавших и существующих обществ. Идеальные теоретические схемы, при всей их важности, с этой точки зрения представляют собой лишь средства познания действительности во всем ее многообразии.

Конечная цель научного познания — зафиксировать процесс в его отдельности, конкретности, в его неповторимости, образуемой диалектическим единством общего и специфического, необходимого и случайного. В системе обществознания эту задачу решает, в частности, историческая наука, предметом которой является «изучение законов в их конкретном проявлении»¹³⁵, а также эмпирическая социология¹³⁶. Именно поэтому теоретические конструкции используются здесь в качестве необходимых средств познания, а важный момент познавательного движения составляет процедура измерения.

Теория той или иной общественно-экономической формации фиксирует качественную специфику данной стадии общественного развития по сравнению с другими стадиями, однако не фиксирует специфику того или иного конкретного отдельного общества, находящегося на данной стадии развития. Наоборот, она фиксирует эти общества в общем, существенном, необходимом, отвлекаясь от индивидуального, специфического для каждого из них. Введение и использование на основе представления о данной «формации вообще» понятия культуры позволяет запечатлеть отдельное общество, находящееся на данной стадии исторического развития, в единстве того общего и индивидуального, что составляет его качественную специфику уже в ряду тех отдельных объектов, которые в совокупности составляют данный тип.

¹³⁵ Гцлыга А. В. История как наука.— В кн.: Философские проблемы исторической науки: М., 1969, с. 12.

¹³⁶ См.: Ильин В. #., Фофанов В. П. О двух типах эмпирических исследований в обществознании.— В кн.: Проблемы логики и методологии науки. Новосибирск, 1981.

Таким образом, можно выделить три соотносительных уровня отображения общества. Это, во-первых, общественно-экономическая формация вообще, без дальнейших различий. Во-вторых, тип конкретной общественно-экономической формации, например рабовладельческой, капиталистической или коммунистической. И, в-третьих, это — культура, т. е. некоторый конкретно-исторический вариант существования той или иной общественно-экономической формации, общественно-экономической формации того или иного типа (например, античная культура как определенный вариант существования рабовладельческой общественно-экономической формации).

Отображение процесса в его конкретности, в его внутренней расчлененности, в его единстве с условиями, модифицирующими его закономерное развитие, и приводит к фиксации необходимости в ее единстве со случайностью, т. е. в ее своеобразии, специфичности, неповторимости. Однако поскольку необходимое существует в действительности именно так, т. е. в диалектическом единстве со своей противоположностью — случайностью, это означает, что благодаря конкретности описания достигается его наибольшая адекватность, его наибольшее соответствие конкретности объекта.

Излагаемый подход может быть соотнесен с представлением о теоретическом и эмпирическом уровнях познания. Поскольку термин «эмпирический» многозначен, постольку уточним, что под эмпирическим нами здесь понимается определенный уровень науки, причем теоретический — в узком смысле слова — уровень базируется на «схематизации и идеализации действительности», направлен на проникновение в сущность изучаемых процессов, эмпирический же направлен на «возможно более точное описание мира *во всем его многообразии*¹³⁷, т. е. раскрывает не только сущность, но и, на этой основе, действительность объекта.

Таким образом, выше охарактеризованы не просто различные, независимые друг от друга способы описания. Наоборот, названные два способа описания общества в историческом материализме и марксистской исторической науке настолько тесно связаны, что их необходимо рас-

¹³⁷ Смирнов В. А. Уровни знания и этапы процесса познания.— В кн.: Проблемы логики научного познания. М., 1969, с. 30.

сма тривать как два разных уровня единого научного описания, а именно — теоретический и эмпирический уровни единого марксистского обществознания. При этом эмпирический уровень, представленный историческими исследованиями, есть не низший, а наоборот, высший — по сравнению с модельно-теоретическим — уровень описания. По существу, эмпирический уровень, понимаемый в изложенном здесь смысле, есть тот же теоретический, но обогащенный знанием индивидуального, т. е. более конкретный уровень описания объекта. Именно этот уровень дает наиболее богатое, наиболее сложное, наиболее конкретное знание, поскольку идеальные схемы, теоретические закотты здесь наполняются богатством содержания того или иного конкретного объекта.

Специфика понятия «культура» и состоит в том, что оно призвано опосредовать связь теоретического и эмпирического уровней марксистского обществознания. Выработываясь на уровне теории, оно затем функционирует в качестве одного из средств организации эмпирического материала. Такая функция понятия «культура» определяет и его содержание. Культура — не просто конкретное общество вообще как таковое, которое в принципе неисчерпаемо. Культура есть конкретный способ существования системы общественных отношений определенной формационной принадлежности, в единстве общего и специфического, необходимого и случайного. Понятие «культура» вводится на основе понятия «общественно-экономическая формация», а последнее, как известно, фиксирует в себе идею развития (поскольку общественно-экономическая формация — это и есть общество как система качественно однородных общественных отношений на определенной конкретно-исторической ступени развития). Та конкретность, которая фиксируется в понятии «культура», не есть действительность как таковая, наличное бытие без дальнейших различий. Понятие культура есть один из уровней: описания социальной действительности, как она зафиксирована в историческом материализме, т. е. в диалектико-материалистической генетической теории общества.

Излагаемая позиция дает возможность ввести представление о структуре культуры. В целом структура культуры соответствует структуре формации, причем каждая культура представляет собой вариант соответствующей

ющеи формации по только по содержанию, но и по структуре.

Важнейшим структурным членением культуры является ее дифференциация на материальную и духовную культуру. Оно паходитсл в прямой зависимости от того, как материальное и духовное выделяется в рамках теории общественно-экономической формации. В историческом материализме имеется целая система категорий, при посредстве которых конкретизируется диалектико-мате-рпалистическое решение основного вопроса философии применительно к обществу, раскрывается диалектика материального и духовного в социальных процессах. Среди них прежде всего следует назвать категории общественного бытия и общественного сознания, материальных и надстроечных общественных отношений, материального и духовного производства и т. д. Однако эти категории, соответственно их гносеологическому статусу, отображают процессы материальной и духовной жизни в их всеобщности, в отвлечении от того специфического, что им свойственно в реальной исторической действительности. Категории же материальной и духовной культуры, а также тот понятийный ряд, который возникает на их основе, призваны, по нашему мнению, зафиксировать диалектику материальных и духовных процессов на уровне не только общего, но и на уровне существования этого общего в единстве со специфическим в реальном социальном процессе. Такой способ понимания материальной и духовной культуры предопределяется изложенной выше трактовкой понятия «культура».

В свою очередь, уточнение содержания категорий материальной и духовной культуры, а также более детальное членение их внутренней структуры должно осуществляться в прямой зависимости от понимания соответствующих категорий исторического материализма, раскрывающих диалектику материального и духовного на уровне общих закономерностей. Именно эти понятия выступают в качестве методологических предпосылок исследования материальной и духовной культуры тех или иных конкретных обществ. Следовательно, излагаемый подход дает основание рассматривать понятия материальной и духовной культуры не только как важные компоненты теоретико-социологического уровня марксистского обществензнания, но и как важные методологи-

ческие средства исторических и эмпирико-социологических исследований¹³⁸.

Социальная действительность предстает в историческом материализме как развивающийся объект, как исторический процесс в его внутренней необходимости. Отсюда конкретность этого объекта есть конкретность тенденции, логики и необходимости его развития. Таким образом, культура как конкретность данного общества — это конкретный способ реализации тенденции его развития, закономерность в ее конкретном существовании. Отсюда — и эвристические возможности данного понятия. Поскольку конкретное есть сложное в себе, постольку описание конкретного предполагает раскрытие внутренней сложности объекта. Всякое закономерное есть борьба противоположностей, из которых одна играет ведущую роль. Тенденция развития и определяется ведущей противоположностью. Но конкретность характеристики предполагает фиксацию не только синтеза, но и внутренних различий. Для того чтобы показать объект в его конкретности, необходимо расчленив единое, увидеть не только ведущую противоположность, но и определяемую, увидеть их столкновение, взаимодействие, борьбу. Поэтому описание культуры предполагает не только интегративную характеристику объекта. Это необходимый, но лишь начальный шаг. Целостность системы равнозначна снятию ее элементов, однако в рамках целого элементы обладают относительной обособленностью друг от друга, доходящей до противоположности. Поэтому конкретность анализа — а задача изучения общества как культуры, по существу, установка на описание конкретного — предполагает умение увидеть в синтезе — различие, в тенденции — противотенденцию, в общей тенденции — снятие определяемой тенденции и т. д. При этом мерой всех внутренних различий является их целостность, их синтез. По существу, такое описание будет представлять собой соотнесение каждого элемента системы с интегральной характеристикой, качественной определенностью этой

¹³⁸ Подробнее об этом см.: *Вавилин, Е. А., Фофанов В. П.* Методология исследования роли интеллигенции в развитии духовной культуры.— В кн.: Бахрушитаские чтения. Новосибирск, 1979; *Вавилин Е. А.* О возможной подходе к предмету истории культуры советского общества.— В кн.: Проблемы социального познания, вып. 1. Новосибирск, 1977.

системы, представлять собой как бы измерение этого элемента при помощи эталона, каким является целое. Таким образом возникают различие элементов с точки зрения их отношения к тенденции, закону развития системы как целого и соответственно возможность их различения как положительных и отрицательных, консервативных и прогрессивных.

Каждый субъект — носитель соответствующей системы социальной деятельности, носитель соответствующего общественного отношения либо воплощает (разумеется, всегда лишь в той или иной степени полноты) в своих действиях тенденцию, перспективу социального прогресса, либо противодействует ей. Отношение субъекта к социальному прогрессу исторически изменчиво, причем оно включает в себя два аспекта. Во-первых, оно включает объективное изменение содержания интересов субъекта, а следовательно, характер и степень заинтересованности в преобразовании условий деятельности. Так, для современного этапа развития общества принципиально важно превращение буржуазии из прогрессивного (в эпоху буржуазных революций) в консервативный и реакционный класс. Во-вторых, отношение субъекта к социальному прогрессу включает в себя также характер, степень, формы осознания субъектом своей объективно заданной роли в социальной системе. Более полное и адекватное осознание способствует воплощению объективно заданных тенденций в практической деятельности класса — и через преодоление деятельности его контрсубъекта — движению всей системы в соответствующем направлении.

Поскольку в классовых формациях носителями общей тенденции и ее противоположности являются классы, постольку единая культура представляет собой диалектическое единство двух противоположных классовых культур. Применительно к антагонистическому обществу В. И. Ленин писал, что «в каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры... но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей культуры*»¹³⁹. Ленинская концепция двух культур представляет собой

¹³⁹ Ленин В. И, Полн. собр. соч., т. 24, с. 120—121.

блестящий образец применения диалектико-материалистического подхода к исследованию общества, ибо выявляет основное движущее противоречие классово-антагонистической культуры. Вместе с тем она открывает возможности для дальнейшего углубления анализа, выявления системы более частных, неосновных противоречий.

. Вычленение в целом двух составляющих его противоположных тенденций представляет собой важный, но не конечный этап анализа. Таким путем вычленяются две подсистемы, каждая из которых имеет сложное внутреннее строение. Отсюда — возможность охарактеризовать эти подсистемы, выделяя в них элементы по их различной роли в формировании и реализации тенденции теперь уже не системы как целого, а тенденции, логики развития соответствующей подсистемы.

Появляется возможность изучать, например, роль различных слоев буржуазии в формировании и развитии буржуазно-культуры данного общества, личный вклад в этот процесс того или иного ее представителя и т. д. При этом оценка деятельности субъекта, будь то личность, слои или класс в целом, даётся прежде всего с точки зрения того, насколько эта деятельность отвечает объективным интересам класса в их конкретном существовании на данном этапе общественного развития.

Поскольку конкретное содержание деятельности всегда лишь более или менее совпадает с объективным классовым интересом, т. е. тем направлением деятельности, которое задается классом, его местом в системе общественных отношений, постольку представляется возможным и необходимым ввести понятие степени такого соответствия, выделяя, в частности, некоторый оптимум, как максимально возможное совпадение деятельности с объективной тенденцией развития.

Каждый элемент может быть измерен не только мерой той подсистемы, в которую он непосредственно входит, но и мерой более высоких уровней, в конечном счете мерой культуры как целого. Так, возможна и необходима оценка, например, поведения того или иного исторического деятеля с точки зрения не только соответствия интересам его класса, но и соответствия или несоответствия объективной тенденции общественного развития на данном конкретном этапе, причем интересы класса могут с ней совпадать, но могут ей и противоречить. При этом

действия, оптимальные в одних конкретно-исторических условиях, могут оказаться pessимальными в других, но только в разных обществах, но даже на разных этапах развития одного и того же общества, одного и того же класса.

Такой подход дает возможность оценить культурное значение любого социального акта, действия, преобразования, словом любого события, происходящего в данном обществе. Чрезвычайно важное требование — последовательное соблюдение иерархии уровней оценки. Каждый элемент непосредственно может измеряться лишь логикой собственной подсистемы, его роль в более широком целом можно понять только опосредованно, через историческую роль той подсистемы, в состав которой он входит. Целое снимает каждую свою составляющую, если даже в иерархии составляющих она выделяется весьма существенно.

Думается, что такая трактовка полностью соответствует пониманию проблемы В. И. Лениным. Особенности ленинского подхода к проблемам теоретической социологии состоит в прямой ориентации теоретического мышления на практику. Философско-социологические проблемы ставились и решались Лениным в непосредственной связи с запросами классовой борьбы пролетариата, в связи с решением задач революционного переустройства общества. Именно такой характер имела постановка Лениным проблем культуры. Вместе с тем вклад Ленина в решение этих проблем имеет непреходящее значение не только в плане решения тех или иных практических задач, но и для развития фундаментальных философско-социологических марксистских исследований.

Трудно согласиться с теми авторами, которые анализируя ленинское теоретическое наследие, приходят к выводу, будто бы Ленин понимал культуру как духовную компоненту социальной системы^{III}.

По нашему мнению, В. И. Ленин видел культуру как определенное состояние и надстроечных и производственных отношений. Раскрывая задачи, стоящие перед по-

^{III} См., напр.: Керман Л. Е. К методологии изучения культуры и критике ее идеалистических концепций.— Новая и новейшая история, 1973, № 3, с. 43; Яковлев Б. Д. Методологические проблемы исследования истории социалистической духовной культуры, с. 22-23.

2!Н1

лптпросветамн в связи с новой экономической политикой, он говорил: «...Недостаточно безграмотность ликвидировать, но нужно еще строить советское хозяйство, а при этом на одной грамотности далеко не уедешь. Нам нужно громадное повышение культуры. Надо, чтобы человек на деле пользовался умением читать и писать... Надо добиться, чтобы умение писать и читать служило к *повышению культуры*, чтобы крестьянин получил возможность применять это умение читать и писать к *улучшению своего хозяйства и своего государства*» (курсив наш.-В. Ф.)»¹⁴¹

Из приведенного отрывка видно, что ликвидация безграмотности подчинена задаче повышения культуры, т. е. достижению определенной степени совершенства, улучшению хозяйства и государства, которые суть элементы базиса и надстройки.

Постараемся развернуть этот тезис. После установления власти Советов дальнейшее политическое развитие со всей остротой ставило вопрос о культуре политической активности рабоче-крестьянских масс: «Чтобы можно было набросать перед народом политические наши задачи, чтобы можно было показать народным массам: «вот к каким задачам мы должны стремиться»..., надо понять, что здесь (т. е. в сфере политики.— В, Ф.) требуется повысить культурный уровень масс. И нужно добиться этого известного уровня культуры. Без этого осуществить на деле наши задачи нельзя»¹⁴². Особенно отчетливо эта мысль прозвучала в работе «Лучше меньше, да лучше», в которой Ленин рассматривал вопрос об улучшении качества "нашего госаппарата, о путях его совершенствования. Коренному улучшению работы госаппарата могло способствовать только привлечение рабочих, преданных борьбе за социализм. И здесь во весь рост вставала проблема политической культуры: «Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. Л для этого необходима именно культура»¹⁴³.

¹⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 170—171.

¹⁴² Там же, с. 174.

¹⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 390—391.

Культурная политическая деятельность предполагала достижение необходимого минимума политической зрелости: умения «пользоваться советскими законами по борьбе с волокитой, бюрократизмом или с таким истинно русским явлением, как взяточничество»^{144*}. Это и была «та культура, которая учит бороться с волокитой и взятками»¹⁴⁵.

В. И. Ленин высказывался о культурных задачах как о задачах и экономических: «Теперь перед нами задачи культурные, задачи переваривания того политического опыта, который должен и может претвориться в жизнь. Либо гибель всех политических завоеваний Советской власти, либо подведение под них экономического фундамента. Этого нет сейчас. Именно за это надо взяться»¹⁴⁶.

На IX Всероссийском съезде Советов Ленин говорил о культурном экономическом уровне и разъяснял: «На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой... нужно это политическое преобразование переварить, чтобы получить другой культурный экономический уровень... Тут надо быть трезвым и отдавать себе отчет, что это завоевание сделано, но в плоть и кровь экономики обыденной жизни и в условия существования масс еще не вошло»¹⁴⁷.

Экономику, хозяйственную работу надо было «подтянуть» до уровня, соответствующего политическому перевороту, который сделал нашу страну передовой в политическом отношении¹⁴⁸. Политический переворот открывал перспективы для культурных сдвигов в экономике. Надо было на практике, в сфере экономики освоить возможности, которые открывал политический переворот. Это и означало «переварить политический переворот», это и относил Ленин к «задачам культурным».

Прежде всего необходимо было научиться торговать, так как торговля являлась «оселком... экономической жизни, единственно возможной смычкой передового отряда пролетариата с крестьянством, единственно возможной сцепкой, чтобы начать общим фронтом эконо-

¹⁴⁴ Там же, т. 41 с. 171.

¹⁴⁵ Там же, с. 172.

¹⁴⁶ Там же, с. 169.,

¹⁴⁷ Там же, с. 326—327.

¹⁴⁸ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 306.

мический подъем»¹¹⁹. Что под этим понималось? «Надо учиться государственному регулированию коммерческих отношений...»,— говорил Ленин, выступая на VII губпарт-конференции¹⁵⁰. «При нашей некультурности мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма. При ином уровне культуры можно было бы решить задачу прямее... Но мы прямым путем не можем решать вопрос.

Государство должно научиться торговать так, чтобы промышленность удовлетворяла крестьянство, чтобы крестьянство торговлей удовлетворяло свои нужды»¹⁵¹. Это и были те самые общие условия, которым должна была отвечать торговая деятельность, чтобы претендовать на культурность. «Под уменьем быть торгашом,— говорил В. И. Ленин,—я понимаю уменье быть культурным торгашом»¹⁵².

Высказывания Ленина о культуре торговли — это высказывания о культуре вполне определенного вида экономической деятельности, но в принципе можно говорить о культуре какого угодно другого вида экономической деятельности, о культуре производственной деятельности вообще.

То, что было сказано выше о культуре хозяйствования и о культуре управления можно отнести и к другим сторонам общественной жизни. Культура пронизывает все направления общественного развития, органически присутствуя во всех видах человеческой деятельности. Подтверждением этому может служить следующая мысль Ленина*: «...Культурные сношения города с деревней принимают у нас само собой и принимают неизбежно иной (чем при капитализме.— В. Ф.) характер. Город давал деревне при капитализме то, что ее развращало политически, экономически, нравственно и т. п. Город у нас само собой начинает давать деревне прямо обратное»¹⁵³.

У Ленина был исторический и классовый взгляд на культуру, он всегда связывал ее с деятельностью определенных социальных сил. Вместе с тем его понимание культуры охватывало широкий спектр социальных явле-

¹⁴⁹ См.: Ленин В. И, Поли. собр. соч., т. 41 с. 322. ^m Там же, с. 218.

¹⁵¹ Там же, с. 168.

¹⁵² Там же, т. 45. с. 373.

¹⁵³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 45, с. 367—368.

ниц в единстве общего и специфического, присущего данному конкретному обществу в данных конкретно-исторических условиях. Как видно из приведенных фрагментов, Ленин постоянно связывает понятие культуры с оценкой совершенства, уровня развития деятельности. По существу, высказывания Ленина, связанные с борьбой за социалистическую культуру, направлены на достижение оптимума в деятельности рабочего класса и идущих за ним трудящихся по строительству новых общественных отношений, по достижению максимального соответствия их усилий логике общественного развития на данном конкретном историческом этапе.

Та характеристика оптимума деятельности, которую дает В. И. Ленин, оказывается логически необходимым следствием исходного, классового понимания культуры, причем классовые интересы как раз и являются непосредственной мерой оценки того или иного исторического действия, преобразования и т. п.

Эта мера всегда конкретна, она определяется достигнутым уровнем развития общества. Так, для послеоктябрьского развития России такой мерой было развитие и упрочение социалистических общественных отношений. Поэтому В. И. Ленин, последовательно рассматривая происходящее с определенной классовой позиции, а именно — с позиции рабочего класса, оценивает как оптимум те меры, действия, преобразования, которые в наибольшей степени содействуют в данных конкретных условиях осуществлению названной исторической тенденции, вполне закономерно видя в них новую, социалистическую культуру.

Итак, деятельность класса является культурной постольку, поскольку она воплощает в себе объективно заданное данному классу направление движения, соответствует объективным интересам класса. Реализация объективного интереса через деятельность субъекта всегда предполагает ту или иную степень осознания этого интереса. Коренные интересы класса осознаются в его идеологии. Таким образом, формирование и развитие культуры каждого класса находится в прямой зависимости от формирования, развития и реализации в практике его идеологии.

Подлинное начало пролетарской культуры следует поэтому исторически связать с возникновением марксист-

ма. Именно в этом состоял начальный поворотный пункт превращения пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя», превращение в класс, самостоятельно создающий собственную культуру, собственными силами создающий свое самостоятельное бытие.

После сказанного выше может сложиться впечатление, что до возникновения теории научного коммунизма пролетариат вообще не обладал культурой. Однако это не так. Подобно тому; как нет идеологического вакуума, нет и вакуума культурного. Любая деятельность любого субъекта является культурной. Вопрос лишь о том, какова классовая природа этой культуры. Отсутствие собственной культуры не означает отсутствие культуры вообще, оно влечет усвоение культуры иного класса. Так, до возникновения научного коммунизма, рабочий класс по необходимости был носителем буржуазной культуры. Вместе с тем, возникновение социалистической идеологии и, соответственно, собственно пролетарской культуры, само по себе не влечет автоматического приобщения всех слоев и всех национальных отрядов рабочего класса к собственной, пролетарской культуре. Закономерности этого процесса чрезвычайно сложны и отнюдь не все изучены достаточно полно.

Важно подчеркнуть, что создание пролетарской культуры начинается еще в буржуазном обществе, на основе осознания пролетариатом своей исторической миссии. А. В. Луначарский пишет о пролетариате: «Свою культуру он творит и тогда, когда он находится под внешним игмом капитализма, но уже осознал себя как носителя социалистической идеи»¹⁵⁴.

По существу, это первый, хотя и ограниченный по своему размаху, этап развития социалистической (пролетарской) культуры. Идея этапности в становлении и развитии социалистической культуры в настоящее время далека от окончательной разработки и во многих своих аспектах дискуссионна. Несомненно, однако, непосредственная связь этапов формирования и развития пролетарской культуры с этапами формирования и развития коммунистической формации. Вот как, например, характеризует основные этапы этого процесса А. В. Луначар-

¹³⁴ Луначарский А. В. Проблемы социалистической культуры.— В кн.: Луначарский А. В. Избранные статьи по эстетике. М., 1975, с. 109.

ский: «Конечно, социалистическая культура творится одним способом и в малом масштабе, пока пролетариат является угнетенным и бунтующим классом, другим способом и в более широком масштабе,— когда он является диктатором смешанного и полного контрреволюционным прошлым общества, третьим способом и в огромном светлом масштабе после того, как он отправит государство в археологический музей и перестанет существовать как пролетариат, преобразив в трудовое единство все человечество»¹⁵⁶.

Не анализируя проблему этапности специально, остановимся лишь на одном, принципиально важном вопросе. На разных этапах развития социалистической культуры, имеются свои специфические проблемы и противоречия. Необходимо, однако, подчеркнуть одну общую черту этого вопроса: пока существуют классы, культура имеет классовый характер, и поэтому к проблемам культуры необходим последовательно классовый подход. Так, на XXV съезде КПСС отмечалось: «Мы добились немало в улучшении материального благосостояния советского народа. Мы будем и дальше последовательно решать эту задачу. Необходимо, однако, чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии»¹⁵⁶.

Очевидно, что здесь речь идет не о повышении уровня культуры «вообще», но о повышении уровня именно социалистической культуры,— в противовес мещанской, мелкобуржуазной психологии, мещанской мелкобуржуазной культуре. Процесс развития социалистического общества фактически есть процесс распространения, развертывания, непрерывного обогащения пролетарской, социалистической культуры на основе пролетарской, социалистической идеологии. Огромное значение для дальнейшего развития социалистической культуры в нашей стране имеет тот факт, что массовое изучение марксизма-ленинизма, как отмечается в Отчете ЦК КПСС XXV съезду, стало важнейшей особенностью развития общественного сознания на современном этапе¹⁵⁷.

¹³⁵ Луначарский А. В. Проблемы социалистической культуры, с. 69.

¹⁵⁷ См.: Там же, с. 74.

Своего наивысшего воплощения пролетарская культура достигнет в коммунистическом обществе. Понимание культуры как оптимума деятельности, на наш взгляд, дает возможность следующим образом интерпретировать известную мысль В. И. Ленина: «Пролетарская культура = коммунизм»¹⁵⁸. Именно в коммунистическом обществе достигается оптимальный характер социальной деятельности с точки зрения объективных интересов рабочего класса. С другой стороны, в деятельности пролетариата находит свое наиболее полное воплощение сама объективная направленность исторического процесса, а также та историческая перспектива, к которой стремится трудящееся человечество как к идеалу своего существования.

Коммунизм — высшая ступень развития общества, он поэтому его культурная ступень, его культура, оптимальный режим его существования, если рассматривать общество как саморазвивающийся организм, во всей его исторической протяженности. «Он есть *подлинное* разрешение противоречий между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории и он знает, что он есть это решение»¹⁵⁹.

¹⁵⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 51, с. 299.

¹⁵⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений, с. 588.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осталось подвести некоторые итоги. Изложенный опыт системной трактовки социальной деятельности не претендует на полноту и окончательность. Опираясь прежде всего на теоретическое наследие классиков марксизма-ленинизма, а также результаты, полученные современными исследователями, мы стремились показать место и роль системного понимания деятельности в развертывании единой концептуальной схемы исторического материализма. Естественно, что такая задача предполагает дальнейшую конкретизацию, дальнейшее развертывание ряда высказанных положений.

Думается, что такая работа, независимо от степени успешности даппой попытки, отвечает запросам времени. Сегодня широко ведутся активные поиски путей систематического изложения марксистской социологической концепции.

Как отмечается в одной из педавпо опубликованных статей, «в марксистской литературе существует ряд попыток осмысления системной модели общества и ее основных элементов»¹. Автор этой статьи апализирует системные подходы к обществу, представленные в работах В. Г. Афанасьева, Э. С. Маркаряна, И. К. Плетпикова, А. К. Уледова³. Вывод таков: «Мы рассмотрели некоторые

¹ *Краснов В. М.* К понятию общества как социальной системы.— *Философские науки*, 1977, № 2, с. 31.

² *Афанасьев В. Г.* Научное управление обществом. М., 1973; *Маркарян Э. С.* Методологические проблемы системного исследования общества. Автореф. докт. дис. М., 1907; *И. Четников И. К.* О природе социальной формы движения. М., 1971; *Уледов А. И.* Социологические законы. М., 1975.

варианты системных моделей общества и можем констатировать, что, несмотря на общность их исходных методологических предпосылок, все они тем не менее основываются на различном понимании того конкретного комплекса структурных элементов, который должен быть положен в основу общественной системы»³. Отмечая, что «общество как сложный, многоуровневый объект допускает различные схематизации и идеализации и что потребности социологического анализа могут диктовать необходимость выработки разнообразных системных моделей общества»⁴, В. М. Краснов считает, что источник расхождений «коренится в различном понимании тех исходных (а стало быть, и наиболее простых) элементов, которые должны быть положены в основу системного видения общества»⁵.

Мы не ставили цели специально проанализировать имеющиеся в современной марксистской литературе подходы к системному исследованию общества. Это — важная самостоятельная задача, ибо они содержат немало интересных результатов и, как справедливо отмечает В. М. Краснов, «стимулируют дальнейшие поиски». Мы обратились к статье В. М. Краснова лишь затем, чтобы вычленив методологический аспект проблемы.

Отмстив наличие задачи «поиска и обоснования некоторого оптимального варианта системной модели общества», этот автор пишет: «В этой связи нам представляется перспективной системная модель общества, имеющая в своей основе следующий «набор» исходных элементов: «социальные субъекты», «общественные потребности», «человеческая деятельность», «общественные отношения» и «культура»». Прежде всего возникает вопрос: в каком смысле являются *исходными* элементы, «которые должны быть положены в основу системного видения общества»? Если речь идет об *исходной системе* понятия, — тогда на основе какого метода они вводятся? Если речь о *генетически исходном* состоянии общества, то на каком уровне абстрагирования оно представлено? Идет ли, например,

³ Краснов В. М. К понятию..., с. 33.

* Там же.

⁵ Там же, с. 31.

⁶ Там же, с. 33.

речь об «исходной клеточке» генетического выведения социальной системы? Или об абстрактной системной модели общества, которая может быть использована как исходное средство для описания отдельных социальных процессов в сферах общественной жизни? Судя по контексту, Б. М. Краснов имеет в виду именно это: «в любом случае социальный процесс как конкретная категория всегда включает в себя все перечисленные выше абстрактные моменты (т. е. потребности людей, деятельность, отношения и культуру))»⁷.

Однако, абстрактная модель социальной системы, будучи исходным средством описания отдельных сфер общества, сама не является чем-то исходным. Она имеет свои предшествующие понятия, и прежде всего понятие субстанции, без которого не может быть задано единство этой модели. Кроме того, она соотносительна с «генетической клеточкой» общества, в которой в конечном счете и находит свое онтологическое обоснование. Ее простота есть результат схематизации эмпирически данного простейшего состояния.

Таким образом, ставя задачу системного исследования общества, необходимо четко понимать, что имеется в виду под ((системной моделью)), каков ее гносеологический статус. Поскольку в литературе этого обычно не делают, мы сочли целесообразным уделить особое внимание методологическому аспекту проблемы. В частности, опираясь на различие генетического и функционального аспектов, абстрактного и конкретного уровней исследования мы стремились показать, что и о «клеточке» социальной системы можно говорить в разных смыслах. Клеточка в генетическом смысле — это исходная, генетически первичная система общественных отношений. Клеточка в абстрактном смысле — это общественное отношение как тип элементов, из которых состоит социальная система. Соответственно много внимания было уделено различению исходной категории исторического материализма и исходной клеточки социальной системы, ибо их также нередко путают.

Хотелось бы подчеркнуть, что изложенное в данной книге представление о простейшей системе социальной деятельности имеет прежде, всего методологическое значение.

⁷ Краснов В. М, К понятию..., с. 35.

Эта модель чрезвычайно абстрактна. В частности, в ней не определен вид деятельности, которую осуществляют субъекты. Между тем, всякое отдельное есть единство общего и специфического, поэтому в реальном обществе, конечно же, не существует «деятельности вообще» как отдельного образования. Всегда имеется система вполне определенной деятельности: трудовой, экономической, нравственной и т. д. Точно так же в этой модели не специфицированы субъекты — носители деятельности, не задана их внутренняя структура. Между тем, носителями одной и той же деятельности, в зависимости от того, в какой общественно-экономической формации она осуществляется, могут быть различные субъекты. Так, в различных социальных системах трудовую деятельность осуществляют раба, крестьяне, ремесленники, пролетариат. Не учтена в схеме внутренняя структура субъектов, что тоже немаловажно для понимания целого, ибо внутренние опосредования элемента влияют на способ его функционирования в системе.

Однако эти и другие подобные характеристики — задача дальнейших конкретизации. Такие конкретизации рассматриваются как необходимый последующий этап системного исследования деятельности. На этом этапе абстрактная модель как бы снимается, наполняется эмпирическим содержанием, модифицируется под воздействием эмпирического материала. Ее значение не самоценно, оно состоит лишь в том, что эта схема выступает в роли организующего материал средства. Абстрактная модель как бы очерчивает общие контуры изучаемого объекта, и тем ориентирует исследователя, выступает как регулятив его деятельности. Так, в случае, если изучается деятельность некоего субъекта, она требует найти соответствующего ему копртсубъекта, без чего описание не может быть достаточно полным и потому адекватным действительности; требует раскрыть характер условий, детерминирующих сознание и всю деятельность субъекта, и т. д.

Данная модель, конечно же, не отражает всего богатства социальных; объектов. Однако, она, по нашему мнению, выделяет те инварианты, которые существуют в любой конкретной системе деятельности, тот минимум элементов и их взаимосвязей, без которых социальная система не система. Вычлняя зафиксированные в ней абстрактные моменты в различного рода конкретных си-

туациях, представляется возможным увидеть глубинное единство различных социальных структур.

Для описания различных классов, типов социальных систем,— например, систем практической и духовной деятельности, необходимо вводить дальнейшие дифференциации и спецификации. Наибольшая степень детализации может быть достигнута при описании тех или иных отдельных конкретно-исторических социальных систем.

Поэтому заключительные параграфы книги были посвящены попытке очертить возможности развертывания, конкретизации абстрактного представления о системе социальной деятельности. Автор далек от мысли, что ему удалось дать достаточно полную характеристику общественного отношения и общественно-экономической формации. Задача данной работы состояла лишь в том, чтобы показать те эвристические возможности, которые дает системное понимание деятельности в области их исследования. В то же время автор надеется, что контуры очерченного подхода могут быть использованы в дальнейшем развитии теории общественно-экономической формации. Поскольку такое развитие является результатом коллективных усилий, автор будет вполне удовлетворен, если его надежда оправдается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
<i>Часть I. Методологические проблемы исследования социальной деятельности</i>	
21	
Глава I. Материалистическая диалектика и диалектическая концепция систем.....	—
§ 1. Система как противоречие.....	—
§ 2. Субстанция и модусы.....	33
§ 3. Функция, элемент, структура	40
§ 4. Целостность и самодостаточность ...	50
Глава II. Исторический материализм и метод восхождения от абстрактного к конкретному	
....	59
§ 1. Понятие формации и единство исторического материализма.....	—
§ 2. Единство предмета и метода исторического материализма.....	77
§ 3. Два витка восхождения.....	76
§ 4. Метод восхождения и структура исторического материализма.....	00
<i>Часть II. Абстрактное и конкретное в исследовании социальной деятельности</i>	
104	
Глава III. Социальная деятельность и система социальной деятельности.....	—
§ 1. Социальная деятельность как субстанция социальной формы движения материи .	
. — § 2. Живая и опредмеченная деятельность	118
§ 3. Субъект и объект.....	138
§ 4. Абстрактная модель системы социальной деятельности	156
Глава IV. Основные направления конкретизации исходного абстрактного понимания социальной деятельности	182

§ 1. Исходная категория исторического материализма и исходная «клеточка» общественно-экономической формации.....18..'	
§ 2. Система практической деятельности (на примере труда).....	... 201
§ 3. Система духовной деятельности (на примере науки).....	217
§ 4. Общественное отношение как сложная система социальной деятельности" 237
§ 5. Общественно-экономическая формация как система общественных отношений . . .	254
§ 6. Общественно-Экономическая формация и культура.....	275
Заключение.....	208

Владимир Павлович Фофанов

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СИСТЕМА

Ответственный редактор *Леонид Григорьевич Олех*

Утверждено к печати Институтом истории,

филологии и философии СО ЛН СССР

Редактор издательства *Ю. П. Бубенко*

Художник *А. Г. Иферх*

Технический редактор *П. М. Остроумова*

;(

|.

\

}

J'

>}

\ Корректоры

С. В. Блинова, А. А. Падру^ии

ИБ JSffii 10248

Сдано в набор 06.02.81. Подписано к печати 17.07.81. МН-06561. Формат 84x108'/as. Бумага типографская JV» 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Уел печ. л. 15,9. Усл. кр.-отт. 15,9. Уч.-изд. л. 16,8. Тираж 3fi(10 экз. Заказ N» 464. Цена 1 р. 90 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение, 630099, Новосибирск. 99, Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25,